

250

О.С. АХМАНОВА

ФONOЛОГИЯ
Морфононология
Морфология

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

О. С. АХМАНОВА

Ф О Н О Л О Г И Я,
М О Р Ф О Н О Л О Г И Я,
М О Р Ф О Л О Г И Я

Учебное пособие

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1966

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Ольга Сергеевна Ахманова
ФОНОЛОГИЯ, МОРФОНОЛОГИЯ И МОРФОЛОГИЯ

Тематический план 1965 г. № 142

Редактор Л. Н. Кузнецова

Обложка художника П. И. Петрова

Технический редактор М. С. Ермаков

Корректор Г. В. Белова

Сдано в набор 19.VII 1965 г.	Подписано к печати 30.XII 1965 г.
Л-49803	Физ. печ. л. 6,75
Формат 60×90 ¹ / ₁₆	Уч.-изд. л. 7,84
Изд. № 838	Зак. 1853
	Тираж 5000 экз.
	Цена 47 коп.

Издательство Московского университета Москва, Ленинские горы
Типография Изд-ва МГУ (филиал), Москва, проспект Маркса, 20

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое учебное пособие содержит сведения, касающиеся тех уровней языка, с которых обычно начинается курс лекций по языкознанию. Язык как важнейшее средство человеческого общения естественно рассматривать в первую очередь с функциональной точки зрения, т. е. в плане его использования в общении людей между собой. Общение предполагает прежде всего наличие некоторого содержания, которое необходимо или желательно передать и воспринять. Но оно обязательно предполагает также наличие определенного набора или систем дифференцированных сигналов, т. е. вполне определенно отличающихся друг от друга звуков речи. Иными словами, данное содержание необходимо переводить в сигналы, несущие информацию в целях передачи ее через среду, разделяющую участников общения. Поскольку естественной средой, разделяющей участников общения, является «субстанция воздуха», сущность и закономерности использования графического сигнала следует рассматривать как производные, вторичные по отношению к сигналу звуковому.

Раздел языкознания, исследующий функционирование звуков речи как различительных сигналов, используемых для передачи языковой информации, носит название фонологии, а соответствующий уровень исследования языка называется дифференциальным. Он является первым в обычно принятом порядке изучения языковых уровней и лучше и детальнее всего изученным.

Принято считать, что следующим уровнем является уровень морфологический, т. е. что за фонологией в курсе языкознания непосредственно следует морфология, изучающая разнообразные языковые единицы, объединяемые прежде всего их способностью соединять определенное выражение с определенным содержанием, тем, что в отличие от звуков языка их функция не ограничивается простым различением, а включает в себя также определенное сообщение. Такой подход, однако, нельзя признать вполне правильным. Между фонологией

и морфологией помещается еще один уровень, еще один аспект языка, а именно морфонология (или фономорфология), которая занимается исследованием соотношения фонематических рядов с морфематическими, вопросами о том, каким образом ряды фонем переводятся в языке в ряды морфем. Поэтому вполне естественным явилось разделение предлагаемой работы на три отдельные, но тесно взаимосвязанные части. Основные же проблемы синтаксиса как учения о построении речи и лингвистилистики как науки о функционировании языка на так называемом метасемиотическом уровне будут рассмотрены в отдельной книге.

ФОНОЛОГИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФОНОЛОГИЯ КАК УЧЕНИЕ О СЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ ЗВУКОВ РЕЧИ

1. ВВЕДЕНИЕ

Семиологический — значит способный указывать на что-то, выделять что-то, отличать одно от другого. Под релевантностью понимается такое свойство, которое делает данную единицу способной выполнять определенную языковую функцию, облакает ее определенной лингвистической значимостью. Так, например, различие между [d] и [t] в английских словоформах *bid* и *bit* является семиологически релевантным, так как оно выполняет языковую функцию различения 1) инфинитива глагола со значением «велеть, приказать» и 2) существительного со значением «кусок, кусочек», тогда как, например, различие между т и д в *мой дед* [мој дет] и *дед был* [дедбыл] в данных положениях не может указывать на различия, отличать одну единицу от другой; т и д являются здесь семиологически нерелевантными (или иррелевантными). Поэтому и представляется совершенно правомерным считать основным понятием, основной категорией фонологии категорию семиологической релевантности и рассматривать этот раздел языкознания как учение о семиологической релевантности звуков речи.

Из сказанного следует, что категория семиологической релевантности предстает прежде всего как категория семиологически-релевантного противопоставления, т. е. такого различия между звуками речи, которое регулярно и эффектив-

но использовалось бы для различения¹ звуковых оболочек значащих единиц языка (или единиц двусторонних, или первой артикуляции или семантического уровня, т. е. собственно лингвистических единиц — морфем и слов).

Из сказанного можно было бы заключить о чрезвычайной простоте вопроса о дифференциальном уровне языка. Действительно, что может быть проще? Издавать одинаковые звуки при необходимости передать одинаковое содержание и разные, когда содержание разное. Однако на самом деле вопрос оказывается в высшей степени сложным вследствие крайней сложности свойств звуковой материи языка. К характеристике этих свойств и различных подходов к их исследованию теперь и надлежит обратиться.

* *
*

Прежде всего следует обратить внимание на то, что известные, объективно довольно значительные звуковые различия могут не замечаться говорящими на данном языке. Например: [р] звонкое и [р] глухое в русском языке; ср. *рот* — *смотр*, тогда как объективно небольшие звуковые различия замечаются без труда; например: [б] и [б'] в русском, ср. *бусы* и *бюст*. Далее, некоторые звуки данного языка встречаются в нем лишь в определенных условиях; например, [ы] в русском языке встречается лишь после твердых согласных; ср. *был*, *дым*, *в играх*

¹ Для того чтобы представить себе, каким образом понятие фонологических различий переросло в понятие фонологических противопоставлений, полезно обратиться к старому спору Мартине и Граммона (дискуссия в «Francais Moderne», 7, n° 1, 1939). Граммон отрицает фонологические противопоставления (oppositions phonologiques) на том основании, что говорящий, пользуясь языком, не противопоставляет сознательно каждую фонему всем другим фонемам данного языка. Поэтому Граммон настаивает на том, чтобы говорить о различиях (differences), а не о противопоставлениях. Мартине же отстаивает разграничение различия и противопоставления на том основании, что звуки могут быть объективно различными, но не противопоставляющимися. Только установив звуковые противопоставления, можно прийти к фонологической системе языка.

Подчеркивание коммуникативной роли различий, начавшееся под влиянием де-Соссюра, конечно, ни в коей мере не должно заслонять того важнейшего факта, что различия оказываются семиологически релевантными только на фоне тождеств или, во всяком случае, подобий.

Ср. в связи со всеми этими вопросами блестящую работу Мартине «Phonology as functional phonetics». Publ. of the philol. Society. XV, London, Oxf. univ. press, 1949. Ср. также Бейссенс (E. Buyssens). Mise au point de quelques notions fondamentales de la phonologie. Cahiers, 1949; фонема должна не только, например, различать *Lippe* и *Lappe*, но и объединять два в остальном различных обозначающих, как, например, *Tausend* и *Tischler*. См. также J. Tubiana. Agencement et ambiguïté en phonologie. Cahiers, 10, 1952. Ср. также John L. M. Trim. The Identification of phonological units. «Proceedings of the 4th International Congress of phonetic Sciences», pp. 773—778.

[выграх]. Иными словами, в известных условиях некоторые звуки данного языка в нем не встречаются, т. е. русское [ы] не может быть «сказано» в начале слова, после гласных и мягких согласных. При этом следует заметить, что некоторые звуки данного языка в известных условиях не только фактически не встречаются, но и оказываются в этих условиях вообще невозможными: звуко сочетание с таким звуком, поставленным в условия, в которых этот звук в данном языке невозможен, непосредственно воспринимается либо как искажение известной языковой единицы, либо как иноязычный элемент. Так, например, с точки зрения русского языка звуко сочетание *ыва* будет воспринято в зависимости от обстоятельств или вообще как нерусское слово, или как искажение русского *ива*; равным образом *зфой* — либо как некий экзотический элемент, либо как искажение русского *свой*.

Из сказанного вытекает необходимость признания двух принципиально разграничиваемых типов различия между звуками речи: 1) различия свободного, не общефакультативного и 2) различия, обусловленного положением (другими звуками, ударением и пр.), или различия общефакультативного.

Из сказанного также следует, что изучение объективных различий, связанных с описанием речевого аппарата (физиология звуков речи), результаты органо-генетических и электро-акустических исследований, качество, количество, ударение и т. п. — все эти категории оказывается правомочным выделять как преддверие к языкознанию или «до-лингвистику». Исследуя звуки речи как таковые, т. е. безотносительно к особенностям их функционирования в том или другом языке, общая фонетика создает необходимую основу для всех видов лингвистической категоризации. Однако для того чтобы от разного рода органо-генетических и электро-акустических исследований звуков речи перейти к определению фонологических категорий, оказывается необходимым внести в исследование нечто качественно новое. Этим качественно новым является, по-видимому, идея отношения. Как хорошо известно, многие лингвистические понятия являются по природе своей соотносительными; они создаются, конституируются констатацией того или другого рода отношений между теми или другими элементами языка. Так, например, понятие омонима не может быть определено иначе, как через указание на определенный вид отношения между двумя или несколькими языковыми единицами. Нельзя сказать «это — омоним» о каком-либо отдельно взятом слове или какой-либо отдельно взятой морфеме. Это понятие вообще приобретает смысл только тогда, когда имеется в виду определенный вид соотношения между двумя или несколькими единицами, т. е. когда говорят, например, что ключ¹ и ключ² — омонимы, морфемы *с-*, *со¹* и *с-*, *со²* (например, в *собрать* и *сойти*) — омонимичны и т. д.

Когда от простой инвентаризации и описания звуков речи переходят к рассмотрению того, каким образом они функционируют в том или другом языке, какие их свойства функционально важны и создают возможность языкового общения, вводят термины фонология (фонемика) и фонема. Ниже будет дано предостережение о тех контроверзах, которые возникли между разными лингвистическими направлениями по поводу содержания этого понятия. Здесь же следует сразу указать на то, что это понятие имеет смысл только в том случае, если учесть сказанное выше об относительном характере многих языковедческих понятий. Отдельный звук речи можно назвать фонемой только для краткости. Определение же самого понятия может быть только соотносительным. Такие-то звуки являются фонемами (или отдельными фонемами) по отношению друг к другу тогда, когда они различаются между собой не только позиционно¹.

2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ФОНОЛОГИИ

Приводимую ниже краткую характеристику различных подходов к изучению звуковой материи языка и закономерностей ее функционирования удобно разделить на три части.

¹ Или, как писала автор в брошюре «Фонология» (Изд-во МГУ, 1954, стр. 9), ссылаясь на доклад А. И. Смирницкого в Ин-те языкознания АН СССР, «фонемы—звуки, различие между которыми не является полностью обусловленным их положением». В оставшихся неоконченными и пока, к сожалению, неопубликованных заметках А. И. Смирницкого по фонологии эта мысль далее развивается следующим образом: «... Определяя звук речи как фонему, — писал А. И. Смирницкий, — мы обязательно имеем в виду или его независимое отличие от другого звука — фонемы, или, напротив, его тождество другому звуку как фонеме, т. е. отсутствие различия между данными звуками, не зависящего от различия их положения (позиций). Так же как нельзя говорить о каком-либо слове как об 'омониме' или 'синониме', не имея в виду некоторого другого слова, — нельзя говорить и о звуке речи как о фонеме, не имея в виду некоторого другого звука речи, по отношению к которому данный звук выступает либо как другая, особая фонема, либо как та же самая фонема. Без этого нет смысла говорить о фонеме, а просто о звуке речи».

Среди отдельных заметок, оставшихся в бумагах А. И. Смирницкого, есть еще следующий вариант определения:

1. Фонемы — это звуки, выступающие в качестве наиболее самостоятельно (независимо) различающихся единиц (составных частей) звуковых оболочек словоформ. Звуки, не выступающие в таком качестве, являются эквивалентами тех или других фонем.

2. На основании морфологических соотношений эквиваленты известных фонем выступают как заместители определенных фонем.

3. Разница между фонематическими и нефонематическими различиями (т. е. различиями свободными и различиями, обусловленными положением) очень существенна: первые способны дифференцировать звуковые оболочки глоссем по составу входящих в них звуков фонематического характера (т. е. по фонематическому составу).

Сначала представляется целесообразным дать совершенно конкретное представление о различных способах трактовки одного и того же звукового явления. Затем уже можно перейти к классификации направлений в более общем плане с тем, чтобы заключить изложением определенных общеметодологических соображений.

Приступая к конкретной демонстрации разных способов трактовки одного и того же звукового явления, следует прежде всего обратить внимание на следующее. Несмотря на то что существует много разных определений фонемы, формулируемых в терминах различных лингвофилософских концепций, все они имеют в виду один и тот же предмет, основные признаки которого осознаются вполне ясно и по существу во всех различных определениях совпадают. В основном расхождение между отдельными фонологическими направлениями касается трактовки тех случаев, где противопоставления, на основе которых выделяются фонемы, так или иначе нарушаются.

В связи с этим можно наметить следующие основные подходы:

1) Конкретный звук *а*, встречающийся в такой позиции, в которой фонемы *A₁* и *A₂* не противопоставляются друг другу (т. е. не дифференцируются каким-либо признаком), определяется как непосредственный представитель архифонемы «А» во всех случаях, независимо от морфологии и независимо от качества самого звука *а*. Так, например, звук *ʃ* в междометии *iʃ* (*ишь*) определяется как непосредственный представитель архифонемы «ʃ». Равным образом и звук *ʃ* в словах *miʃ* (*мышь*) и *roʃ* (*рожь*) трактуется как представитель архифонемы «ʃ» независимо от того, что в первом слове он не находится в чередовании с *з*, а во втором чередуется с *з*. Звук *э* в слове *komnətə* (*комната*) рассматривается как представитель архифонемы «А» в обоих слогах несмотря на то, что в срединном слоге он ни с каким другим звуком не чередуется, а в конечном слоге находится в чередовании с *а*, например, в слове *stina* (*стена*). Этот подход может быть охарактеризован как собственно-фонологический.

2) Конкретный звук *а* считается представителем архифонемы «А» только в тех случаях, когда он не чередуется с каким-либо другим звуком, являющимся дифференцированным представителем либо фонемы *A₁*, либо фонемы *A₂*; так, например, *ʃ* в *iʃ*, *э* в срединном слоге слова *komnətə*. В тех же случаях, когда *а* соответствует представителю фонемы *A₁* или фонемы *A₂* в условиях противопоставления этих фонем, *а* рассматривается как вариант той фонемы, представителю которой в условиях противопоставления он соответствует. Так, *ʃ* в слове *miʃ* рассматривается как вариант фонемы *ʃ*. *ʃ* в *goʃ* как вариант фонемы *з*, а *э* последнего слога в слове

компета как вариант фонемы а. Легко увидеть, что здесь вносятся определенные морфологические моменты в фонологический анализ, вследствие чего получается разрыв между фонологически однотипными случаями, а также известный отрыв от конкретной эмпирической данности. Например, трактовка е в слове стена как фонемы е, а в слове звезда, как фонемы о; t в got (os) как фонемы t, а в got (genus) как фонемы d, хотя звук t явно не является семиологически релевантным признаком в этих формах.

3) Звук а рассматривается во всех случаях как представитель той фонемы, с вариантом которой в сильной позиции он совпадает или имеет наибольшее сходство. Так, $\int$ и в $i\int$ и в $mi\int$ и в $go\int$ рассматривается как представитель фонемы $\int$, так как он совпадает с тем представителем этой фонемы, который встречается в сильной позиции, например, в слове $mi\int i$. В случае, если совпадения или значительного сходства с сильнопозиционным вариантом какой-либо фонемы не имеется, звук а относится к числу представителей той или другой фонемы более или менее условно, на основе тех или других практических соображений. Так, нейтральный гласный может рассматриваться в английском языке и как представитель фонемы Λ и как представитель фонемы е. В этом случае данный звук определяется как та или другая фонема исходя из чисто внешних эмпирических фонетических оснований.

4) Звук а рассматривается как представитель особой фонемы A_3 , отличной и от A_1 и от A_2 , хотя бы он и совпадал с сильнопозиционным вариантом какой-либо из этих фонем. Так, $\int$, в $i\int$, $mi\int$, $go\int$ рассматривается как особая фонема, отличная и от $\int$ и от $\int$.

5) Четвертая точка зрения может быть модифицирована таким образом, что звук рассматривается как представитель особой фонемы A_3 лишь в тех случаях, где он не находится в соответствии с сильнопозиционным вариантом фонемы A_1 или A_2 , в качестве представителя которых он принимается в случае наличия такого соответствия (ср. точку зрения 2).

Для того чтобы дать читателю возможно более полное конкретное представление об основных направлениях фонологического исследования, к приведенным примерам различных способов трактовки одного и того же звукового явления надо добавить еще нижеследующие замечания (это связано также с необходимостью выяснения основных различий терминологического характера).

Нередко задача фонологического исследования понимается как обнаружение различий, противопоставляемых тождествам. Для этого применяются критерии «обусловленного» или «необусловленного варьирования». Если употребление того или другого из данного ряда звуков может быть определено (или, как теперь говорят, «предсказано») в терминах окружающих

его звуков, то такое варьирование называется обусловленным. Если же в данном окружении может свободно быть употреблен любой из данного ряда (или данной пары) звуков, причем выбор того или другого звука никак не обусловлен особенностями его фонетического окружения, а лишь тем, какую словоформу имел в виду говорящий, то соотношение между этими звуками будет свободным или необусловленным. Так, например, различие английских *k* и *k'* возникает автоматически под влиянием следующего гласного звука. Поэтому здесь говорят о вариантах фонем или об обусловленном аллофоническом чередовании (т. е. определяют *k* и *k'* как аллофоны фонемы *K*). Напротив, например, в русских *пять* и *пат* *пи п'*, *тит'* выступают по отношению друг к другу как отдельные фонемы, поскольку воспроизведение твердого или мягкого в этих случаях обусловлено не особенностями фонетического окружения, а тем, какое из этих слов говорящий имел в виду.

Часто в пользу фонологической трактовки звуков языка приводится то соображение, что такая трактовка дает возможность лингвисту оперировать (вместо бесконечного числа потенциально возможных в языке звуков) ограниченным числом обобщенных единиц. В среднем, для исследованных до сих пор языков число фонем составляет 25—30, не превышая 60. Этому моменту, т. е. экономии, рационализации и т. п., некоторыми современными языковедами придается очень большое значение. Поэтому в целом ряде работ усилия направляются на то, чтобы сделать описание еще более экономным, разложив фонемы на соотносимые ряды «дифференциальных признаков», общих для различных пар или рядов фонем¹. Так, например,

¹ Последовательное применение анализа на дифференциальные признаки, предельные фонологические компоненты и т. п. как будто бы идет в разрез с тезисом Трубецкого о том, что когда язык устанавливает дифференциальные (*distinktive*) или фонологические противопоставления, то получается фонема (а не ее признаки или компоненты), и фонема является членом фонологического противопоставления, не поддающимся дальнейшему расчленению («... das Phonem ist ein in noch kleinere *distinktive* «phonologische Einheiten» nicht weiter zerlegbares Glied einer phonologischen Opposition», *Grundzüge der Phonologie*. TCLP, VII, 1939, S. 39). О том же E. Fischer-Jørgensen. *On the Definition of Phoneme Categories on a distributional basis*. «Acta Linguistica», vol. VII, fasc. 1—2, 1952, p. 14: «фонемы как дифференциальные (*distinctive*) единицы выражения, ... не способные к дальнейшему разложению на последующие (*successive*) дифференциальные единицы».

Дальнейшее исследование вопроса о дифференциальных признаках идет по следующим двум направлениям: 1) дальнейшая логико-математическая обработка материалов на основе статистических методов общей теории связи и 2) экспериментально-фонетические исследования, дающие возможность опытного выделения и изучения дифференциальных признаков. В качестве примера первой из этих линий следует указать на работы Р. Якобсона и его сотрудников, предлагающих бинарное противопоставление как основу для разъяснения фонологической системы языка или фонологической обработки фонетических данных. См. особенно R. Jakobson, G. G. Fant,

такие пары, как *p* и *b*, *t* и *d*, *k* и *g*, *s* и *z*, при несовпадении других своих фонетических характеристик различаются также на основании общего им всем дифференциального признака — глухости — звонкости. Путем последовательного противопоставления фонем друг другу *b/t*, *b/p*, *b/v*, *b/g*, *b/d* и т. д. определяются все существующие в данном языке дифференциальные признаки, и каждая фонема тогда определяется уже как известная связка (*bundle*) или пересечение таких признаков. Достижимая таким образом экономия доказывается тем, что если число фонем при старом способе их определения в среднем порядка 30-ти, то число абстрагированных от отдельных фонем и обобщенных дифференциальных признаков будет порядка 10 и даже спускается в некоторых языках всего до шести¹.

Тому, что в терминологии европейских фонологов (в основном тех, которые так или иначе продолжают традиции пражской школы) называется анализом по дифференциальным признакам, в традиционной американской фонологии соответствует анализ на компоненты (*componential analysis*) или же анализ на предельные фонологические составляющие (*ultimate phonologic constituents*).

M. Halle. Preliminaries to Speech analysis; the distinctive features and their correlates. «Acoustic Lab. Mass. Inst. of Technology, Technical Report», No. 13. Cambr., 1952. См. также С. E. Cherry, M. Halle, R. Jakobson. Toward the Logical Description of Languages in their Phonemic Aspect. Lang., vol. 29, No. 1, 1953. В качестве примера второй можно сослаться на доклад J. C. Steinberg. Basic Characteristics of visible Speech («N. Y. linguistic Circle», *compte rendu* — Word, vol. 2, No. 1, April, 1946). Применяя ряд фильтров, настроенных на последовательный ряд частот, можно произвести акустический анализ звука и представить результаты для наглядности графически. По мнению Якобсона, принимавшего участие в обсуждении этого доклада, материал Стейнберга дает чрезвычайно интересный фактический материал для выделения дифференциальных признаков каждой фонемы.

Следует заметить, что Р. О. Якобсон решительно высказывается против трансцендентного понимания фонологических единиц и против той их дематериализации, которая так характерна для глоссематики. Он настаивает на необходимости и возможности объективного обнаружения каждой фонологической единицы во всех стадиях речевого процесса — в его моторном аспекте, физико-акустическом и перцепционном. Проводимые им наблюдения и эксперименты приводят его к выводу о возможности точного определения фонологических единиц и в аспекте ушной механики и, наконец, в неврологическом плане. Дифференциальные признаки речи выделяются посредством специальных детекторов.

¹ Количественная трактовка дает следующую картину: для каждой системы можно выделить несколько дифференцирующих признаков так, что любой из ее элементов будет полностью охарактеризован на их основе по двоичному коду. Предположим, что дано число из *n* фонем. *K* — показатель степени должен тогда быть выбран так, чтобы для данного *n* оно было ближайшим числом, т. е. если $n = 9, 10, \dots, 16$, то *K* равно 4; если *n* равно 17, 18, ..., 32, то *K* равно 5 и т. п. Тогда система может быть разложена на *K* определяющих признаков, но не в терминах какого-либо меньшего числа.

При этом задача может пониматься вовсе не глоссематически, т. е. не в плане простой экономии, а в плане выяснения различных типов артикуляций, составляющих инвентарь предельных фонологических компонентов языка и их взаимоотношений.

Для того чтобы разные звуки можно было объединить как аллофоны одной и той же фонемы, они должны иметь общие дифференциальные признаки или слагаться из соответствующих предельных фонологических составляющих. Разница между этими трактовками как будто бы в том, что для первой не постулируется фонетического подобия. Если же мыслить в терминах нацеленного артикулярного движения¹, то фонетическое подобие выступит как обязательное условие для того, чтобы считать данные звуки аллофонами одной фонемы. Однако, несмотря на, казалось бы, принципиальное различие этих двух подходов, фактически получаемые классификационные системы оказываются в общем весьма сходными. Так, приводившиеся уже выше английские *k* и *k'* могут рассматриваться как аллофоны фонемы *K* на основе их явного фонетического подобия. Но и по способу дифференциальных признаков ответ будет тот же: у английских *k* и *k'* общими им обоим релевантными дифференциальными признаками являются велярная артикуляция, не-назальность и отсутствие голоса. Задний или передний характер их велярной артикуляции нерелевантен: *k* английской фонеме *K* будут принадлежать все звуки типа [k], независимо от того, в какой части неба они артикулируются. Звук *g* не является в английском языке аллофоном фонемы *K*, так как ему не хватает третьего из релевантных дифференциальных признаков — отсутствия голоса. *ŋ* также имеет велярную артикуляцию, но ему не хватает уже двух релевантных признаков, а именно не-назальности и отсутствия голоса. С другой стороны, например, *t* обладает и не-назальностью и отсутствием голоса, но лишено велярной артикуляции и т. д. Таким образом, все члены фонемы *K* вполне однозначно определяются на основе релевантных для них дифференциальных признаков.

¹ Т. е. рассматривать каждый из предельных фонологических составляющих как область направления артикуляторных движений (*target area of articulatory motion*). Так, например, мгновенное смыкание губ в английском языке представляет один из таких предельных фонологических составляющих и во фразе *Pay the man Bill* он встречается три раза. Каждый язык имеет свой инвентарь предельных фонологических составляющих и каждое высказывание на данном языке должно полностью состоять только из таких элементов. Однако спорадически могут иметь место и такие артикуляторные движения, которых в запасе языка нет. Такое явление следует квалифицировать как промах, как не попадание в *target area*, компенсируемое слушающим за счет избыточности сообщения без видимого усилия (см. C. F. Hockett. *A Manual of Phonology*, IJAL, vol. 21, No. 4, Oct., 1955, pp. 43, 112, 127, 131, 157).

Из известных автору настоящей работы многочисленных классификаций различных фонологических направлений наиболее четкой и последовательной является классификация, предложенная проф. Р. О. Якобсоном¹, которая сводит их к пяти:

1. Менталистская точка зрения, локализирующая фонему вне реального звучания и понимающая отношение фонемы к звуку как психофонетического факта к физиофонетическому. 2. Точка зрения, относящая фонемы к коду, а варианты фонем — к сообщению. 3. Родовая (*generic*) точка зрения, противопоставляющая фонему звуку как класс или семью звуков отдельному представителю этого класса. 4. Воззрение на фонему как абстракцию, как на условное отвлечение от действительности звучания и 5. Алгебраическая точка зрения, основывающаяся на максимальном и нарочитом разобщении (*estrangement*) фонологии (фонемике) и фонетики. Критика этих направлений имеет следующий вид: первое (менталистское) понимание соотношения фонологического и звукового рядов неправильно потому, что, с одной стороны, нет оснований считать коррелят звука во внутренней речи или речевом намерении ограниченным лишь семиологическими релевантными его свойствами и исключаящим свойства семиологически нерелевантные (по терминологии Р. О. Якобсона ограниченным лишь «дифференциальными признаками» и исключаящим признаки «конфигуративные» и избыточные). С другой стороны, многообразие контекстуальных и факультативных вариантов одной и той же фонемы обусловлено соединением этой фонемы с различными избыточными и экспрессивными признаками, что не препятствует, однако, извлечению постоянной (*invariable*) фонемы из всех ее вариантов. Следовательно, попытка преодолеть антиномию между инвариантностью и изменчивостью отнесением первой к внутреннему, а второй к внешнему опыту дает искаженное представление об этих двух формах опыта.

Вторая точка зрения неприемлема потому, что код включает не только дифференциальные признаки, но также и избыточные и конфигуративные, которые обуславливают контекстные варианты, а также экспрессивные черты, лежащие в основе вариантов факультативных. Следовательно, и фонемы и варианты одинаково наличествуют и в коде, и в сообщении.

Третья (родовая) точка зрения основывается: 1) на неопределенных и субъективных поисках фонетического сходства, вместо извлечения общих фонологических свойств; 2) не учи-

¹ R. Jakobson, M. Halle. *Fundamentals of Language*. 'S Gravenhage, 1956, p. 11.

тывает того, что поиски фонемы или дифференциального признака — это поиски постоянной, характеризующейся данными константными свойствами; иными словами, если утверждается, что в английском языке фонема К встречается перед и, то это не значит, что перед и встречаются все члены данного класса или семьи звуков, а только «связка дифференциальных признаков», общих им всем; 3) когда мы имеем дело со звуком, который в данном языке встречается в определенном положении и при определенных стилистических условиях, мы опять-таки имеем дело с целым классом единичных воспроизведений и их общим знаменателем, а не с одним мгновенным случаем такого воспроизведения.

Четвертая точка зрения или взгляд на фонему как абстракцию (или фикцию ума), выступая как общефилософское воззрение, согласно которому всякое научное понятие есть лишь абстракция или фикция ума, приводит к извращенному пониманию фонологии. Необходимо поэтому твердо придерживаться методологического принципа, согласно которому каждый дифференциальный признак и, следовательно, каждая фонема, выделяемая фонологом, имеют постоянные (эмпирические) коррелаты и поддаются отождествлению на каждом из доступных наблюдению уровней. Современный уровень знания физических и физиологических аспектов звуков речи позволяет в общем удовлетворять этим требованиям, так как тождество (sameness) дифференциального признака во всем многообразии его вариантных реализаций (implementations) теперь может быть объективно показано.

Пятая или «алгебраическая» точка зрения, выдвинутая Ельмслевом¹, не может явиться основой фонологического анализа потому, что язык никак нельзя свести к его предельным инвариантам посредством простого изучения их распределения в тексте без обращения к их эмпирическим коррелатам. Например, сравнение двух таких последовательностей, как *-ku* и *-uk*, не сообщит ничего о тождестве первого отрезка в одном из этих рядов со вторым отрезком во втором ряду без обраще-

¹ Эти взгляды были сформулированы Ельмслевом еще во второй половине тридцатых годов. См., например, его «Le système phonique de l'indoeuropéen» (Mélanges linguistiques offerts à M. Holger Pedersen, Aarhus, 1937; «La syllabation en slave». Bečev zbornik. Beograd, 1937; «Ueber die Beziehungen der Phonetik zur Sprachwissenschaft». «Arch. für vergl. Phon.», 11, 1939 и др). Любопытно, что именно данные сравнительно-исторического языкознания служат Ельмслеву опорой в том его суждении, что «man sich eine Sprachliche Ausdrucksform ohne Substanz vorstellen kann... die Sprache ohne Laute gedacht werden kann» и т. д.

Против отрыва фонологии от фонетики см. также H. Galton. Is the phonological System a Reality? «Arch. ling.», vol. 6, Fasc. 1, 1954; G. E. Peterson, Ch. J. Fillmore. The theory of Phonemic analysis». «Proceedings of the 4th Intern. Congr. of phonetic sciences». The Hague, 1962, pp. 476—493; Herbert Pilch. Phonetics, Phonemics and metaphonemics. «Proc. of the Ninth Intern. Congr. of linguists». The Hague, 1964, pp. 900—904.

ния к звуковым свойствам, общим для начального и конечного К и и в обеих позициях. Сопоставление слогов *ku* и *ki* не дает оснований для отнесения обоих начальных отрезков к одной фонеме К как двух взаимоисключающих вариантов, перед двумя разными гласными, если не исходить из отождествления общих признаков, объединяющих заднюю и переднюю разновидность фонемы К и отличающие ее от всех других фонем того же языка.

Неправильным является и теоретический постулат, согласно которому звуковая субстанция является простой переменной, что якобы доказывается возможностью перевода ее в графическую субстанцию. Между фонемами и графическими единицами имеется принципиальное различие, так как в человеческом обществе вообще не существует замещения речевого кода его визуальными заменителями. Письмо — это лишь дополнение к речевому коду, подсобное средство. Считать, что язык может манифестироваться с одинаковым успехом в разных эквивалентных субстанциях — звуковой и графической — то же, что считать, что музыкальная форма реализуется в двух пере-

Библиография работ о фонеме до 1935 г. в «Amer. Speech», vol. X, Dec. 1935, pp. 254—255. С тех пор бесчисленное количество и работ и библиографий. Полезная библиография по исторической фонологии, которой я здесь не касаюсь, у A. G. Juillard. Bibliography of diachronic phonemics. «Words», vol. 9, 1953. См. также Horalek. Fonologie a fonetika v novejsi literature o jejich vzajemnych vztazich. CMF, XXXII, 1948—1949, str. 113—116.

Очень полезна для понимания существа вопроса работа A. Martinet. OÙ en est la phonologie. «Lingua», 1, 1, 47, 34.

Удобен обзор разных фонологических направлений у A. Cohen («The Phonemes of English». The Hague, 1952) со ссылкой на T w a d d e l. On Defining the Phoneme. Общая схема развития у Когена следующая: психологический подход — Бодуэн, Сэпир; 1928 (1-й конгресс) — Трубецкой, Якобсон, Карцевский — основы фонологии как отдельной области языкознания. Прага — difference phonique susceptible de servir, dans une langue donnée, a la différenciation des significations intellectuelles; Блумфильд — a minimum unit of distinctive sound-features («Language», London, 1950, p. 79). Далее в противоположность значению как интеллектуальному обозначению (intellektuelle Bedeutung) исследование без какого бы то ни было упоминания либо об уме (Mind), либо о значении (например, Bloch. A Set of Postulates. Harris — distributional basis).

Как показал Juillard («Word», 10, 1, 1954), Коген принял четвертую из оставшихся альтернатив (т. е. если классифицировать фонологические направления по их отношению к выражению — содержанию, то если Прага — и фоническая и семантическая субстанция; глоссематика — ни та, ни другая; последователи Блумфильда — звуки без значения, тогда Когэн — значение без звуков).

Небезынтересно, между прочим, обратить внимание на следующее. Выше уже было сказано о том, что фонемы не дифференцируют значений слов, а лишь их звуковые оболочки. Это обстоятельство следует вновь и вновь подчеркивать, потому что введенное Трубецким понятие bedeutungsdifferenzierende Schallgegensätze («Gründzüge», S. 17) вновь и вновь расшифровывается слишком односторонне. Так, например, Cohen (цит. произв.) весьма произвольно трактует это высказывание Трубецкого как capacity of distinguishing between words as to their meaning.

менных — нотах и звуках. Ни музыкальная форма, ни фонологические отношения не могут быть оторваны от звуковой материи.

* *
*

Переходя к изложению общеметодологических выводов, которые не могут не быть сделаны в связи с приведенным обзором различных подходов к фонологическому анализу и основных фонологических направлений, следует прежде всего еще раз и со всей энергией подчеркнуть следующее несомненное положение. Особый и важнейший вид звукового различия, который называется фонологическим, оказывается специально приспособленным к особому и важнейшему виду языкового функционирования: он служит для различения звуковых оболочек словоформ¹. Хотя разными исследователями природа этого звукового различия осмысливается по-разному (и нередко по-разному же называется)², фактически разграничение фонологических и нефонологических различий между языками проводится всеми исследователями³. Например, тот факт, что в русских *мял*, *мёл*, *мел* разные гласные находятся в совершенно одинаковых положениях и что, следовательно, эти различия не такие, как те, которые наблюдаются, например, в русских *мел* и *мель*, где различие, нетождество положений является совершенно несомненным, объективно данным. Этот факт входит в общую сумму тех твердо установленных знаний, на которых зиждется лингвистика, независимо от того, понимает ли данный исследователь фонологические различия 1) как ассоциирующиеся со смысловыми представлениями дифференцирующие значения, а фонемы как представления звуков или 2) (откинув вовсе заботу о психологической природе этого явления) только как кратчайшие единицы звукового деления речи или 3) (поставив во главу угла фономорфологический ас-

¹ Под словоформой мы вслед за А. И. Смирницким понимаем грамматическую форму данного слова или данное слово в данной его форме. См. его статью «К вопросу о слове» (проблема «тождества слова») («Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. IV, 1954, стр. 21). О том, почему следует говорить о различении звуковых оболочек словоформ, а не о смыслоразличении или «различении слов» см. цит. выше мою брошюру, стр. 13—14.

² Правда за исключением тех случаев, когда оно не называется никак. Это относится прежде всего к стихийным фонологам, которые не знали или не знают, что они «говорят прозой». См. об этом у Р. И. Аванесова «Фонетика современного русского литературного языка». Изд-во МГУ, 1956, стр. 171.

³ В этой связи нельзя не напомнить о неоднократно отмечавшемся уже в литературе факте, что споры и разногласия о методах фонологического описания в общем представляют только теоретический интерес, поскольку применение разных методов к конкретному материалу дает одни и те же результаты. Различия получаются только в отдельных деталях.

пект и откинув заботу о физиолого-акустических характеристиках соотносящихся единиц) как элементы или составные части морфем и т. п. То же относится и к признанию лингвистического (а не физического и не биологического) характера фонологических противопоставлений. Разными исследователями, не только стоящими на разных методологических позициях, но и работающими в области самых разнообразных языков, собраны и зарегистрированы многочисленнейшие и совершенно неопровержимые факты сопоставительного характера, подлинность которых ни у кого не может вызвать сомнения. Действительно, можно ли сомневаться в том, что, например, звуковое различие е и є является нефонологическим в русском языке и фонологическим во французском? Может ли, например, кто-нибудь подвергнуть сомнению те факты, которые приводит для разъяснения природы фонологических различий Д. Е. Поливанов из языков аину и ботакудов? ¹ Число подобных примеров можно было бы бесконечно увеличить, но уже и сказанного достаточно для разъяснения развиваемого здесь положения об объективной реальности и полной научной несомненности существования в языке фонологических (семиологически-релевантных) различий, противопоставлений как особой лингвистической (общезыковедческой) категории.

Фонологический подход к звукам речи вытекает из свойств самого предмета, из самой природы вещей. Самым простым доказательством этого факта является следующее. Задолго до создания научной фонологии люди в разных частях земного шара создавали буквенное письмо и пользовались им. Буквенное же письмо в отличие от слогового может быть создано только на основе разграничения, с одной стороны, таких звуковых различий, которые не имеют значения для дифференциации звуковых оболочек слов и морфем и, с другой, таких, которые способны к дифференциальному фонологическому противопоставлению ². Нормально пользующийся языком замечает звуковые различия только этого последнего рода. Так, например, говорящий по-английски не замечает различия аспирированного и не аспирированного *t*, в отличие от говорящих, например, на китайском или индустани. Для того чтобы заниматься фонетикой чужого языка или составлять для него буквенное письмо, лингвист должен непременно быть в курсе именно фонологических свойств звуков данного языка, так как без этого он стал бы переносить на звуковую систему чужого языка фонологические особенности, свойственные его родному языку.

¹ См. его «Введение в языкознание для востоковедных вузов». Л., 1928, стр. 215.

² Ср. Р. И. Аванесов. Цит. произв., стр. 117: «... Можно сказать, что «стихийными фонологами» были и создатели или нормализаторы древних систем письма, как Константин Философ и Вульфила (для славянского и готского). И это естественно, ибо фонология имеет дело с реальными, су-

Из всего сказанного ни в коем случае не следует, что конкретные факты вообще важнее их общетеоретического осмысления или что общеметодологические и гносеологические вопросы не имеют значения для тех или других конкретных и частных областей знания. В условиях мирного сосуществования, т. е. в условиях идеологической борьбы двух противостоящих друг другу общественных систем, общефилософские и общеметодологические вопросы приобретают особое значение и особую остроту. Но, оценивая должным образом место и значение общеметодологического аспекта той или иной конкретной научной проблемы, ни в коем случае нельзя допускать вообще сведения всей проблемы категоризации (таксономии) в языкознании к общеметодологическим рассуждениям.

В определении основных категорий фонологии подчеркивалось значение для языкознания вообще и фонологии в частности соотносительных понятий и, следовательно, категории отношения. Поэтому необходимо, обращаясь к общеметодологическим вопросам данной отрасли знания, прежде всего остановиться на общефилософских основах категории отношения.

Как хорошо известно, в трактовке этой категории вполне отчетливо выделяются два направления, идеалистическое и материалистическое. Идеалистическое направление исходит из первичности отношений, считая конкретные явления в их индивидуальной специфике вторичными, производными, несущественными. Напротив, материалистическое направление исходит из первичности самих соотносящихся предметов и вторичности отношений: отношения не только всегда непременно связаны с соотносящимися предметами, но и вообще существуют только через эти предметы. Поэтому для марксистского языкознания принципиально неприемлема идея «чистых отношений», безразличных к формам их реализации и т. п. В применении к фонологии изучение того, каким образом звуки речи функционируют в языке, как они соотносятся с другими звуками данного языка, какие их особенности являются важными для языкового общения, ни в коем случае не должно вести к идеалистическому отрыву фонологии от фонетики, отрыву функций и отношений от функционирующих и соотносящихся реальных, материальных звуков речи. Поэтому фонемы для нас — это не места в фонологических системах, а звуки — такие звуки,

существенными для языка категориями, которые не могут не быть так или иначе отражены в звуковом письме.

Любопытна в этом отношении работа В. Collinder. *Das Wort als phonetische Einheit*. «Uppsala Universitetets Aarskrift», 1939, Bd. 11. Звук речи (Sprachlaut) — это каждое звукопредставление (ein jegliches Lautgebilde)..., которое в обычном, так называемом фонетическом письме изображается одной буквой. Коллиндер считает, что пражские языковеды, придумав запутанные терминологические тонкости, совершенно неправомочно узурпировали звание фонологов.

различие между которыми не является полностью обусловленным их положением¹.

Общефилософским вопросом о природе отношения общеметодологические проблемы фонологии отнюдь не исчерпываются. К ней всецело принадлежат все основные вопросы лингвистической методологии, прежде всего такие, как вопрос о системе языка и вопрос о статическом и динамическом в языке.

Гипостазирование понятия системы, свойственное некоторым направлениям лингвистического структурализма, принесло несомненный вред языкознанию, задержало его развитие. Отправляясь от понятия статической системы, структурализм видит единственную задачу языкознания в том, что К. Л. Пайк остроумно назвал «compartmentalization»²: разнести все по полочкам и квадратикам; все конкретные фонемы обязательно расклассифицировать как аллофоны и прикрепить к строго определенным фонемам³, постараться во что бы то ни стало лишить конкретные, реальные звуки языка их самостоятельного лингвистического значения и т. п.

Очень убедительную критику этого направления находим в цитировавшейся уже выше неопубликованной работе А. И. Смирницкого: «... Вообще далеко не всегда все звуки, составляющие звуковую оболочку данного слова или морфемы, выступают в качестве фонем... Понятия «архифонемы», «гиперфонемы», «нейтрализации» и пр. постоянно преследуют фонологов, так как действительное функционирование звуковой материи языка является более сложным и гибким, чем это изображается с помощью понятий только «фонемы» и «конкретного звука», выступающего в качестве того или иного ее представителя, «оттенка», «варианта» или «вариации». Стремление ограничиваться только этими понятиями и представить звуковую оболочку морфемы или целого слова в виде определенного «фонемного состава» этой морфемы или слова ведет лишь к схематизации, к насильственно упрощенному отражению дей-

¹ Ср. по этому вопросу мою работу «Фонология». Изд-во МГУ, 1954, стр. 7) и особенно статью Р. И. Аванесова «Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы». Сб. «Вопросы грамматического строя». М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 116—117. Как известно, именно отрыв функций и отношений от функционирующих и соотносящихся реальных предметов действительности, реальных единиц реальных языков на составляет сущность лингвистического структурализма, который в крайних своих проявлениях не только повинен в указанном выше отрыве, но и в нарочитом противопоставлении функций и отношений соотносящимся предметам, рассмотрения их как первичных по отношению к этим предметам на основе противопоставления идеального бытия реальному (подробнее об этом см. мою работу «О понятии изоморфизма лингвистических категорий». «Вопросы языкознания», 1955, № 3).

² См. его «Interpenetration of Phonology, Morphology and Syntax», Доклады 8-му съезду лингвистов в Осло, т. 11, стр. 334.

³ Принцип этот получил название «bi-uniqueness».

ствительности и, следовательно, к непониманию проблемы во всей ее жизненной сложности и подвижности»¹.

В этой связи очень большой интерес представляет идея Н. Хомского о противопоставлении классической (традиционной (фонологии), которую он называет таксономической фонемикой — *taxonomic phonemics*), такой теории, которая принадлежала бы к более высокому теоретическому уровню, позволила бы найти более абстрактные аналоги для тех обобщений, которые обычно извлекаются из фактического звукового сигнала или из фактических артикуляторных движений. Эту теорию Хомский назвал систематической фонемикой (*systematic phonemics*). Ее инварианты должны будут принципиально отличаться от физических инвариантов таксономической фонологии. Необходимо также отметить то обстоятельство, что, призывая фонологов не смешивать более широкие и абстрактные фонологические инварианты с простыми физическими инвариантами таксономической фонологии, Хомский основывается на достижениях современной инструментальной фонетики. В этой связи совершенно особый интерес представляют работы М. Халле, группы ученых Лабораторий Хаскинз и др., с полной несомненностью доказывающие подробно процитированный выше тезис А. И. Смирницкого².

Существенным недостатком интересных построений Н. Хомского и его учеников является столь часто наблюдающееся, особенно у американских лингвистов, незнание с работами ученых других национальностей. Поэтому очень убедительными являются те возражения, которые делает Вахек³ в своем исключительно интересном и обстоятельном разборе всей концепции, — на широком фоне мировой фонологической традиции и с большим количеством прекрасно подобранных и детально рассмотренных примеров. Совершенно убедительным представляется следующий общий вывод Вахека: критикуя ограниченность, фактическую несостоятельность таксономической фонологии, Хомский имеет фактически ввиду только так называемую пост-блумфильдианскую школу американской фоноло-

¹ См. его «Фонетическая транскрипция и звуковые типы». «Вестн. Моск. ун-та». № 7, 1948. Перефразируя известное высказывание А. М. Пешковского («Русский синтаксис в научном освещении», изд. 4-е, стр. 135): мы «не делим данную линейную последовательность звуков на фонемы, не распределяем их между столькими-то фонемами, якобы составляющими строго упорядоченную систему соответствий и противопоставлений, а открываем на основе глубокого изучения предмета те инвариантные единицы, которые являются действительной основой сложнейшего психо-физиологического явления, называемого речью».

² «Proceedings of the 9th International Congress of linguists», pp. 1006—1008.

³ Josef Vachek. On some basic principles of «classical» phonology (in margine N. Chomsky's logical basis of linguistic theory). «Zeitschr. für Phonetik, Sprachwiss. und Kommunikationsforschung», B. 17, Hft 5, 1964.

гии. Его критика, фактически полное отрицание предшествующих концепций (ecliptic stand) не затрагивает пражскую фонологию, уже давно пришедшую к аналогичным представлениям. Вместе с тем концепции пражской фонологической школы имеют важное преимущество в том, что в отличие от систематической фонетики Хомского эта школа рассматривает язык как динамическую систему, как непрерывное движение, развитие которой делает статические классификации на всех уровнях абстракции принципиально невозможными. Об этом подробнее сказано ниже.

В связи со сказанным необходимо обратить внимание также на следующее. При первой же попытке описания фонологической системы языка исследователь не может не столкнуться с принципиальной невозможностью вытянуть все фонологически различающиеся звуки языка в одну шеренгу. Дело в том, что те положения (или позиции), в которых реально встречаются разные звуки, в речи далеко не одинаковы с точки зрения того, что А. И. Смирницкий называл фонеморазличением. Позиции наибольшего фонеморазличения для данной категории звуков он называл сильными позициями, а звуки, выступавшие в качестве фонем в позициях максимального различения, т. е. наиболее самостоятельно различающиеся звуки — сильными фонемами. В противоположность сильным фонемам слабые фонемы — это звуки, выступающие в качестве фонем в позициях, в которых различается меньшее количество единиц. Для гласных различие между сильными и слабыми позициями оказывается нередко связанным с наличием или отсутствием ударения. Поэтому, например, для древнеанглийского языка можно было говорить о различении семнадцати гласных фонем и восьми дифтонгов только в сильных позициях (ударный вокализм). В безударном же положении различались только три фонемы¹. Если в сильном положении в русском языке различается 5 гласных фонем — а, о, у, и, е, то в заударных слогах их различается только три, а именно: и, у, э и т. д.

Согласные менее подвержены влиянию ударения, чем гласные. Поэтому здесь играют роль другие факторы, такие, как положение по отношению к началу и концу соответствующих значащих единиц (слов, морфем), положение по отношению к определенным предшествующим и последующим звукам, положение по отношению к границе между слогами и т. п. В частности, для согласных русского языка слабым является положение в абсолютном исходе².

¹ См. А. И. Смирницкий. Древнеанглийский язык. М., Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1955, стр. 102—108.

² Этот вопрос затрагивался мной в цит. выше брошюре (стр. 9 и сл.). См. также А. И. Смирницкий. Фонетическая транскрипция и звуковые

Крайняя затруднительность, прямая невозможность распределения всех звуков языка по клеточкам и отделениям системы «on tout se tient» определяется, как уже было сказано выше, тем, что язык находится в состоянии непрерывного изменения. Поэтому фонологические различия никогда не являются равномерно разлитыми, одинаковыми по четкости и функциональной нагрузке. Это можно проиллюстрировать на сопоставлении различия губных согласных по глухости — звонкости и по твердости — мягкости в начальном положении¹. Если сравнить, например, противопоставление в русском языке б и п, с одной стороны, и п и п', с другой, то окажется, что число слов, различаемых посредством первого из этих противопоставлений, очень велико, тогда как слова, различаемые посредством второго, очень немногочисленны. Малая функциональная нагрузка второго из этих противопоставлений делает его гораздо менее четким и устойчивым, гораздо более слабым. Обусловлено это исторически. Если категория глухости — звонкости у этих согласных является очень древней, то категория твердости — мягкости у них развилась сравнительно недавно в результате дифференциации одной фонемы (по качеству немягкой) на две — твердую и мягкую. Иными словами, твердость — мягкость здесь лишь относительно недавно приобрела характер фонологического противопоставления. Еще слабее противопоставление по твердости — мягкости у заднеязычных, причем настолько, что Р. И. Аванесов (расходясь с «Академической

типы. «Вестн. Моск. ун-та», № 7, 1948. В настоящем контексте важно не то или иное объяснение явления слабого фонеморазличения или критика тех или иных взглядов, а самый факт отсутствия в слабой позиции того фонологического различия, которое вполне определено, четко и несомненно наличествует в сильной позиции.

¹ Эти примеры и их историческое объяснение заимствованы из книги Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. Изд-во МГУ, 1956, стр. 135, 136, 172, 173, 158, 182 и др.

В цитированной (сноска стр. 20) выше работе Р. И. Аванесова не дается специального определения (дефиниции) фонемы, но следующий абзац представляет большую ценность для понимания существа вопроса. Как пишет Р. И. Аванесов (цит. произв., стр. 120), разъясняя природу и сущность лингвистического функционирования звуков речи, «кратчайшие звуковые единицы в тех их сторонах, которые не зависят от фонетического положения, не обусловлены позицией — употребляются в тождественной позиции и служат в языке для различения звуковой оболочки словоформ, иначе говоря, образуют самостоятельные фонемы. В противоположность этому кратчайшие звуковые единицы в своих зависящих от фонетического положения, обусловленных позицией сторонах, не употребляются в тождественной позиции, не имеют непосредственно различительной функции и потому образуют не самостоятельные фонемы, а лишь разновидности одной и той же фонемы».

Из сказанного ясно, что фонемой является кратчайшая звуковая единица как независимая по своему качеству величина и потому сама по себе достаточная для различения звуковых оболочек словоформ.

грамматикой») вообще не считает возможным говорить об этом противопоставлении как фонологическом или фонемообразующем.

Богатым и тщательно проанализированным материалом подтверждается общий вывод Р. И. Аванесова об условности вообще любого подсчета фонем, поскольку фонологические противопоставления представляют собой историческую категорию. Они далеко не одинаковы как по своей функциональной нагрузке, так и по степени противопоставленности и способности сочетаться с другими звуками.

Из сказанного ни в коем случае не следует, что разновременное и одновременное в языке вообще не следует различать. Вообще различение диахронии и синхронии не только необходимо, но и по самой природе вещей неизбежно, если речь идет о научном подходе к явлениям языка. Также совершенно несомненным является то, что в процессе научного исследования постоянно оказывается необходимым, целесообразным и оправданным в определенных случаях выделение той или иной стороны или аспекта. Поэтому здесь речь идет не о том, чтобы смешивать историческое и сравнительно-историческое изучение языков с их описательным изучением. Но одно дело смешивать эти два аспекта, подменять рассмотрение некоторого данного состояния другим состоянием, уже переставшим фактически существовать, а другое — отрывать их друг от друга. По самой своей природе язык каждой данной эпохи — это язык, существующий и развивающийся во времени и потому непременно заключающий в себе момент диахронии. Попытки такого описания языка, которое основывалось бы на «поперечном его разрезе», не имеющем протяженности во времени, обречены на неудачу, потому что сделать такой разрез языка принципиально невозможно: фактор времени по самому существу этого предмета входит в язык. Поэтому и при синхроническом подходе язык непременно должен рассматриваться во времени. Для каждого данного этапа в непрерывном развитии языка должны тщательно дифференцироваться явления развивающиеся¹, продуктивные и явления отмирающие, окаменевающие, причем и те и другие должны отличаться от явлений на данном этапе относительно стабильных; в отношении этих последних должны раскрываться потенции изменения; следует выяснить, в какую сторону может направиться, куда

¹ Как совершенно правильно указал при обсуждении работы проф. В. Скаличка, сказанное здесь не следует понимать механически прямолинейно в применении к отдельным элементам языка. Так, например, [m] атематического спряжения в славянских языках вообще рассматривается обычно как «архаизм»; однако в некоторых из них, таких, как чешский, сербохорватский и болгарский, она вновь получила широкое распространение.

«напряжено» данное относительно стабильное явление, выступающее на данном этапе как нейтральное по отношению к изменению¹.

3. ВОПРОС О СИСТЕМЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

а) Сегментные или линейные (или ингерентные) и сверхсегментные или просодические фонемы

Понятия сегментных или ингерентных и сверхсегментных или просодических фонем (также прозодем) возникли в связи с необходимостью различения, с одной стороны, линейных явлений, т. е. располагающихся в одной временной последовательности, а с другой, явлений перемежающихся и одновременных с линейными. Хотя, казалось бы сверхсегментные или нелинейные или просодические фонемы и можно было бы продолжать называть просто ударением, интонацией и пр., было бы ошибкой думать, что вопрос о терминах и названиях представляет собой нечто внешнее и несущественное по отношению к исследуемому предмету: научная терминология — это средство фиксации научных знаний, их классификации и систематизации. Научная терминология, применяемая тем или другим научным направлением, помогает, кроме того, сравнивать его с другими научными направлениями, раскрывая специфический подход к предмету, избранный данным направлением. Поэтому заслуживают серьезного внимания новые фонологические термины, как бы ни были они неуклюжи (вроде «плеремы», «кенемы» и т. п.).

Понятно, что для проникновения в существо предмета его необходимо проанализировать и рассмотреть в мельчайших деталях. При исследовании речи с звуковой стороны такими мельчайшими или предельными или кратчайшими элементами являются звуки, которые можно выделить из речевого потока и представить как дискретные вследствие их регулярной воспроизводимости. Эти мельчайшие звуковые единицы называют фонами. Употребление термина фона для обозначения единичного лингвистически релевантного звучания не следует смешивать с тем значением, которое фона имеет в акустической литературе, употребляясь для обозначения шкалы квантования динамики звука в децибеллах, приравниваемой полосе частот в 1000 герц.

Звуки языка могут обладать разной длительностью. Кроме той длительности фонации, которая отличает так называемые гласные звуки (0,02 сек.), для языкознания важно различие в

¹ Подробнее по этому вопросу см. А. И. Смирницкий. По поводу конверсии в английском языке. «Иностранные языки в школе», 1954, № 3, стр. 14.

длительности звуков одного и того же порядка. Это различие в традиционном языкознании выражалось в морях. Теперь речь идет о том, чтобы выделить элемент количества звука, как бы вынести его «за скобки» по отношению к собственно артикуляторным или качественным свойствам отдельных звуков и обозначить его особым термином — хрона. По аналогии с фоной и хроной выделяются далее стро́на — единица интенсивности (или силы) и то́на — единица высоты. (В морфологии соответствующей единицей будет морфа).

Научное исследование предполагает не только обнаружение и определение мельчайших или предельных единиц, но их соотношение, их место по отношению к другим единицам того же порядка (также как и других порядков), иными словами, — их место в системе или структуре языка. Для того чтобы представить данный элемент как определенную единицу в структуре данного языка, используется суффикс — *ема*. Присоединением этого суффикса к перечисленным выше основам получают фонему, хронему, стро́нему¹, то́нему, морфему. После того, как установлена принадлежность данных фон к данной фонеме, а данных морф к данной морфеме, они обозначаются соответственно как аллофоны и алломорфы соответствующих фонем и морфем.

Оценивая только что описанную систему разграничения фонологических понятий, следует отметить, что она представляет факты в схематизированном виде. Однако в целом она не лишена и известной теоретической ценности, так как обращает внимание на различия, которые могут быть выделены в изучаемом предмете с точки зрения функционально-лингвистической, а функционально-лингвистическая точка зрения, как уже неоднократно отмечалось, далеко не всегда и не во всем оказывается в простом и однозначном соотношении с точками зрения акустики вообще, и физиологической акустики, в частности. Дальнейшее рассуждение будет иметь целью выяснить функционально-лингвистические свойства обозначенных выше категорий.

¹ Энтуистлу (W. J. Entwistle. Aspects of Language. London, 1952) представляются особенно неприемлемыми стро́на и стро́нема — варваризмы, которые могут значить только *strewing*, а не *stressing* (p. 81).

Следует заметить, что хотя приведенная система терминологии дает полную возможность образовывать параллельные термины без ограничений, фактически эти возможности языковедами в полной мере не используются. Так, автору настоящей работы не встречались ни аллохроны, ни аллотоны, так же как и прозо́ды или фонесты. Однако то, что возможности у данной системы понятий большие, видно из современной кинеси́ки: при так называемой жестикуляторно-визуальной связи каждое данное движение или положение части организма (лица или тела) может быть названо кино́й; из обнаруженных исследованием кино́ далее выделяются такие, которые являются релевантными в пределах данного визуально-жестикуляторного кода, затем определяется, какие из них в качестве аллоки́н входят в состав кино́м и т. п.

Сверхсегментные фонемы классифицируются на основе различения просодических явлений одновременных с единичными сегментными фонемами и таких, которые распределяются уже по грамматическим единицам — фразам, предложениям и т. п. Просодические явления первого рода могут либо включаться в состав соответствующих сегментных фонем, либо выделяться как отдельные фонемы. Так, например, в языке с тремя гласными фонемами (а, і, у) и двумя уровнями тона высоким /' / и низким /` / — можно рассматривать á, â, î, ì, ú, ù как шесть отдельных сегментных фонем или же считать а, і, у сегментными, а /' / и /` / — просодическими.

Некоторые фонологи относят к фонемам также фонему характера соединения (*juncture phoneme*) или фонему значащей границы (*significant boundary phoneme*). Как известно, фактором обусловленного варьирования звуков часто является начальное и конечное положение в данной грамматической единице (морфеме, слове и т. п.), а не соседний звук или звуки. Так, например, р, т, к в английском языке не имеют эксплозии (*are unreleased stops*) в положении конца морфемы или слова. Поскольку согласно общей тенденции структуралистического языкознания усилия направляются не на противопоставление комплексных образований друг другу во всей их целостности, а на их анализ, на разложение всех рассматриваемых единиц на их компоненты желательно не включать этот фактор в характеристику новых отдельных фонем, а как бы выносить его за скобки, приплюсовывая его к прочим дифференциальным признакам или предельным фонологическим компонентам. Так, например, — п — в английском *syntax* короче, чем — п — в *sin-tax*. В орфографии подобные факты обычно обозначают посредством пропусков, дефисов и т. п. В фонологическом же описании на это указывают одним из следующих двух способов: либо заключают о наличии в данном языке двух разных фонем типа — п — (поскольку эти два — п — реально дифференцируют звуковые оболочки разных слов и находятся друг к другу в отношениях необусловленного варьирования); либо характеризуют более долгое п как п + соединение конца первой морфемы в сложном слове (маркированный член). С точки зрения последовательно-аналитической тенденции второй из этих способов будет более правильным, так как даст возможность более дробного анализа и, следовательно, более глубокого проникновения в существо явления.

Следует заметить, что способы разъяснения этого явления не ограничиваются двумя приведенными альтернативами. Некоторые фонологи считают, что фонологическим различителем для *sintæks* и *sin-tæks* является не характер соединения, а различие ударения (в *sin-tax* ударение на втором слоге более сильное, чем в *syntax*). Поскольку, однако, само понятие ударения, особенно в плане фономорфологического исследования

не является вполне ясным, на этом вопросе следует остановиться несколько подробнее.

Как известно, в последнее время получило широкое распространение понятие уровней и их иерархий. Если обсуждать один и тот же факт языка с точки зрения разных уровней лингвистического анализа, то он предстанет в разных аспектах, определяемых тем, с какой точки зрения он будет рассматриваться. Но это отнюдь не значит, что разные языковые единицы качественно не различаются. Напротив, необходимо всячески подчеркнуть наличие качественных различий в самих предметах, откуда сомнение в возможности последовательного изоморфизма в лингвистическом исследовании. Поэтому, например, термины сегментные фонемы и сверхсегментные фонемы вызывают сомнение не потому, что они неудобны и громоздки. Они не раскрывают сущности исследуемого явления, а скорее затемняют его. Фонемы качественно отличаются от языковых единиц более высоких порядков. Они не различают смысла как такового, они лишены способности непосредственно выражать лингвистическое значение. Они лишь различают звуковые оболочки языковых единиц. Поэтому, например, никак нельзя сказать, какую семантику имеет фонема а или б, п или г. В отличие от фонем такие единицы языка, как характер соединения или интонации, помимо определенной формы выражения, обладают еще и вполне определенным и закрепленным за ними значением или содержанием. Так, например, конечное соединение имеет значение конца предложения. Вторая мелодия выражает незаконченность, незавершенность и, следовательно, вопрос и т. д. Поэтому в ряде случаев следует говорить уже не просто о разных уровнях лингвистического исследования, а об иерархии явлений в плане определения величин или единиц разных порядков. Однако эти вопросы требуют привлечения уже совсем другой системы понятий, рассмотрению которых будет посвящен особый раздел настоящей работы.

б) Дозволенные последовательности фонем и комплексные фонемы (clusters), множественное дополнительное распределение и нейтрализация.

Во всех языках существуют известные нормы и особенности употребления тех или иных звуков, относящиеся не к отдельным звукам, а к определенным классам звуков; например: сочетаемость с последующим [i] есть свойство не только звука [i'] или [n'], но всякого мягкого согласного в русском языке; ср. *люби, купи, лови, разграфи, ходи, шути, вози, носи, точи, свиньи* (род. пад.), *береги, пеки, дохи* (род. пад.), *свищи, визжи, ломи, огни, вели, говори*; тем самым и гласный [i] в русском языке характеризуется не сочетаемостью с предшествующим мягким

[l'], [p'] и т. п., но вообще с предшествующим мягким согласным, т. е. со звуками определенного класса. Равным образом, в конце слова перед паузой в русском языке невозможны не отдельные конкретные звонкие шумные, скажем, [b] или [d'], но вообще звонкие шумные, т. е. целый класс согласных, выделяемый определенными признаками. Далее, фонетически обусловленные чередования звуков в пределах морфемы нередко также представляют собой чередования не отдельных звуков, а известных звуковых классов; иными словами, отдельные ряды чередования образуют такую систему, в которой отношение между чередующимися звуками оказывается одним и тем же, а сами чередующиеся звуки представляют собой два класса звуков, находящиеся в данном отношении друг к другу. Так, в русском языке чередуются не только, например, [d] в положении перед звонким шумным (кроме [v] и [t] в положении перед глухим шумным, но и [b] и [p], [z] и [s] и т. д. в соответственно тех же условиях; ср. (при тесном контакте слов) *год был — год прошел, кот был — кот пропал; хлеб был — хлеб привезли, склеп был — склеп построили; таз был — таз пустой, час был — час прошел* и т. п.; также на стыке морфем внутри слова: *подбрасывать — подписывать, отбрасывать — отправить*.

Звуки в звукосочетаниях могут находиться в различных отношениях между собой: один компонент звукосочетания может зависеть или не зависеть от другого, зависимость компонентов или их независимость может быть взаимной или нет, степень зависимости или независимости может быть различной.

Зависимость или независимость данного звука от другого компонента звукосочетания определяется тем, встречается ли данный звук только в данном звукосочетании, или так же в том же положении в составе другого звукосочетания. Чем в большее число звукосочетаний входит данный звук в том же самом положении по отношению к другим компонентам, тем больше степень его независимости от каждого из них. Вместе с этим нужно также заметить, что зависимость или независимость данного звука от другого компонента должна определяться не только в пределах общей совокупности звуков данного языка, но и в пределах отдельных классов или частных систем звуков, так как общая совокупность звуков выступает как их система именно в связи с ее членением на отдельные частные системы соответственно распределению звуков по тем или иным классам. Иными словами, отношения между звуками в различных звукосочетаниях могут быть очень неодинаковы с точки зрения зависимости или независимости одного из них от другого, и различия в этих отношениях тесно связаны с принадлежностью каждого данного звука к тому или иному классу, т. е. с теми или другими признаками отдельных звуковых классов.

Весьма продуктивной является трактовка вопроса о дозволённых последовательностях в терминах порождающих моделей. Стремление раскрыть внутреннюю природу языкового устройства, представить в четкой и компактной форме схему его внутреннего механизма заставило по-новому подойти к языковому исследованию, освобождаясь от эмпиризма, свойственно-го, в частности, дескриптивному структурализму.

Порождающая модель — это набор правил (формул, аксиом и т. п.), применение которых исключает составление неправильных (не допускаемых в данном языке) рядов или последовательностей, т. е. обеспечивает порождение только таких рядов, которые соответствуют каноническим правилам данного языка. Следует заметить при этом, что разработка порождающих моделей вовсе не обязательно предполагает обнаружение моделируемых закономерностей; очень часто ее задача ограничивается переписыванием наблюдений, уже сделанных предыдущими исследователями, но представленных в виде, не соответствующем требованиям современной методики¹.

Следует подчеркнуть, что преимущество формул подобного рода по сравнению со словесно описательным выражением не только и не просто в ее сжатости. Вот как мотивирует А. И. Смирницкий выбор формализованного описания (см. его Фонетическая транскрипция и звуковые типы. «Вестн. Моск. ун-та», № 7, 1948). Как известно, в древневерхненемецком дифтонг [au] стянулся в [o] перед старым герм. h [x] и перед всеми зубными (в широком значении этого термина). В виде формулы этот процесс изображается так:

$$[au(+x/«\Theta») > O].$$

Знак [«\Theta»] показывает, что монофтонгизацию вызывали не только собственно зубные [Θ], но и альвеолярные ([S]) и постальвеолярные ([R], т. е. вообще переднеязычные.

Достоинствами формулы такого рода являются следующие моменты: 1) [x] отчетливо отделено в ней от зубных; этим подчеркивается, что монофтонгизация перед [x] и монофтонгизация перед зубными не должны полностью объединяться в один

¹ См. особенно Morris Halle, *Speech Sounds and Sequences*. «Proc. the 4th Intern. Congr. of phonetic sciences, Helsinki, 1961». The Hague, 1962, pp. 428—434. Здесь правила порождения предстают как набор инструкций, на основании которых говорящий преобразует ряд дискретных единиц (фонем) в квази-непрерывную деятельность голосового тракта и затем в квази-непрерывный акустический сигнал. См. также его «Phonology in generative grammar» «Word», vol. 18, No. 1—2, August, 1962. Правило, исключющее последовательности типа (tsaym), (gnayt), (vnig) и т. п., в современном английском языке имеет там следующий вид (p. 60):

— vocalic + consonantal	→	+ strident — compact — grave + tense + continuant	in env. # [—]	— vocalic + consonantal
----------------------------	---	---	---------------	----------------------------

процесс (возможно, правда, что стяжение *ai* перед *г* требовало бы его выделения, т. е. формулы $[ai + x/r / \langle \Theta \rangle] > O$). 2) Знак $[\langle \Theta \rangle]$ привлекает внимание к тому общему моменту в артикуляции (*d, t, ts, s, n, r, l*), который и был существенным для монофтонгизации. Иными словами, введение особого транскрипционного знака $[\langle \Theta \rangle]$ подчеркивает, что монофтонгизирующее воздействие производили все зубные (переднеязычные) согласные — факт, который при простом перечислении соответствующих звуков может остаться незамеченным. Из сказанного на предыдущей странице ясно, что любое подобное обстоятельство может очень легко быть выражено при помощи системы универсальных дифференциальных признаков.

Понятия дозволённых последовательностей и комплексных фонем связано также с понятием множественного дополнительного распределения (*multiple complementation*). В трактовке этого понятия отражаются указанные выше фонологические концепции. Так, с точки зрения «дескриптивной» фонологии, каждый данный звук, независимо от того, насколько специфической является данная позиция его воспроизведения, непременно отождествляется с той или иной фонемой, непременно характеризуется как аллофона той или иной из выделенных фонем. Поэтому, например, взрывные после *s* в *spill, still, skill* должны быть отождествлены либо со взрывными в *pill, till, kill*, либо со взрывными в *bill, dill, gill*. Если они отождествляются с первыми, то отсюда вытекает, что позиционные возможности *p, t, k* в английском языке шире (богаче), чем у *b, d, g*, поскольку в отличие от первых они не могут употребляться в положении после глухого спиранта.

Традиция пражской фонологической школы отличается большой гибкостью в трактовке этих проблем — на основе понятия архифонемы. Если две фонемы, например, английские *p* и *b*, различаются каким-либо одним признаком, но в остальном тождественны и состоят из признаков, не встречающихся в данной комбинации ни в одной другой фонеме данного языка, то они образуют архифонему. В некоторых позициях могут появляться обе фонемы, образующие данную архифонему. В других же, в которых данное противопоставление не-релевантно, оно нейтрализуется¹ и реально воспроизводимые звуки понимаются как реализующие уже непосредственно архифонему. Различие в американской и пражской концепциях можно показать еще на следующем примере: согласно первой — в русском *рот* звук *t* есть фонема *t*; согласно второй — это реализация апикальной архифонемы. Ельмслев же распространяет на

¹ А. Martinet («Neutralisation et archiphonème», TCLP, 6, 1936) так определяет нейтрализацию: *Il y a neutralisation phonologique là, où est mécaniquement réglé par le contexte l'emploi de l'un ou de l'autre des sons qui par ailleurs s'opposent phonologiquement.*

подобные случаи понятие синкретизма: здесь это будет синкретизм *t* и *d*.

Понятие нейтрализации связано с различием маркированного и немаркированного представителя архифонемы (например, в русском П—Б П будет немаркированным, поскольку Б обладает дополнительным признаком голоса).

в) Соответствие модели (pattern congruity), симметрия и множественность фонологических систем

Понятия соответствия модели, симметрии и т. п. нередко сводятся к тому, чтобы при наличии нескольких возможных описаний выбирать то, которое даст более симметрическую систему как фонем, так и их вариантов. В действительности же речь должна идти о том, чтобы обнаружить симметрию, реально существующую в данном языке.

С вопросом о дозволенных последовательностях фонем тесно соприкасается вопрос о комплексных фонемах и, далее, о сложных фонемах (дифтонгах, аффрикатах и т. п.). Является ли данная последовательность фонем простым рядом двух отдельных цельных фонем или же данное сложное соединение различных артикуляторных компонентов дает особое соединение, качественно отличное от простой последовательности двух простых фонем, в целом функционирующее так же как одна простая фонема? В качестве примера можно привести вопрос о фонологической природе английских *tʃ* и *dʒ*¹.

¹ В некоторых диалектах этого языка *tʃ* и *dʒ* встречаются наряду с *t* и *d*, например *pitcher* — *won't ya*, *ledger* — *did ya*; они также противопоставляются *ty*, *dy*, например: *choose* — *tune* — *teutonic*; *juice* — *dune* — *deuteronomy*. Можно ли отсюда сделать просто вывод об эквивалентности этих последовательностей, обычным согласным фонемам английского языка? По-видимому нельзя, так как *tʃ* и *dʒ* не могут входить в состав более сложных приступов, в отличие от обычных (или нормальных) согласных фонем английского языка, таких, как *p*, *t*, *k*, *b*, *d*, *g*. Поэтому наиболее правильным будет сказать, что *tʃ* и *dʒ* занимают в иерархической шкале положение между такими единицами, как *p*, *t*, *k*, *b*, *d*, *g*, и такими, как *pr*, *tr*, *kr*, *br*, *dr*, *gr*, *pl*, *kl*, *bl*, *gl*.

Теоретические основы разграничения сложных фонем и дозволенных последовательностей четко суммируются в связи с исследованием румынских [*tʃ*] и [*dʒ*] (Emanuel Vasiliu. Phoneme or cluster and the phonemic status of the Rumanian affricates. «Proc. of the 9th Intern. Congr. of linguists», pp. 589—592).

Следует также обратить внимание на распространяющееся мнение, что, выбирая между разными возможностями отнесения аллофон к той или другой фонеме, следует исходить из максимальной средней энтропии на единицу сообщения. Так, например, испанское *tʃ* следует рассматривать как одну фонему потому, что *ʃ* встречается вообще только в положении после *t*. Признать его самостоятельной фонемой значило бы включить в фонологическую систему языка единицы, несущие нуль информации и, следовательно, сокращающие среднее количество информации на единицу сообщения.

Разграничение этих понятий следующее. Если например, в английском языке в конечном положении возможны только [st] и [zd], но невозможны [sd] и [zt], то при определении фонематической принадлежности вторых членов в таких начальных группах, как sp-, st-, sk-, отнесение их к p, t, k, а не b, d, g будет поддерживаться соображениями соответствия общей фонологической модели языка. Критерий соответствия модели может использоваться также при определении фонематической природы сложного фонетического комплекса. Так, например, для решения вопроса о том, является ли *č* в данном языке сложной фонемой — аффрикатой [č] или же просто последовательностью фонем [t] и [ʃ], не может не иметь значения факт противопоставления этого *č* другому, не зависящему от него t; тот факт, далее, что, например, в немецком языке имеется целый ряд таких последовательностей (clusters), как pf, ps, ts, tš, ks, является весьма веским аргументом в пользу того, чтобы рассматривать встречающееся в этом языке *č* как [tš], а не *č* и т. п.

При описании фонологической системы языка необходимо иметь в виду, что вовсе не обязательно, чтобы все гласные и согласные в нем образовывали одну систему. Отсюда понятие множественности фонологических систем.

г) Минимальные пары

Вопрос о методе минимальных парных противопоставлений как основном методе фонологического исследования теперь подвергается гораздо более глубокой и принципиальной критике, чем это делалось до сих пор. Применение методов статистического анализа и таких понятий общей теории связи, как эффективность, надежность, избыточность, укрупнение, предсказание и проч., дает возможность преодоления той ограниченности, которая свойственна методу минимальных парных противопоставлений¹.

Ведь при том примитивном подходе, на который наталкивает традиционный метод минимальных пар, получается, что, например, английское *go get the pail* понятно слушающему и говорящему потому, что сказано *pail*, а не *tail* и не *dail* (и что,

¹ В терминологии глоссематики — «коммутация». Непригодность коммутации для фонологического исследования демонстрировалась на следующем примере. Предположим, что требуется исследовать фонологическую природу французских звуков типа (p). В тексте обнаружены последовательности звуков типа *pelle* и *sar*. Если записать этот текст на пленку, а потом вырезать соответствующие куски и произвести пермутацию (т. е. коммутацию в тексте), то потребуются ответить на следующий вопрос. Сможет ли француз признать *pelle* тождественным себе, если в него будет вставлено *p* из *sar*? Другой пример — датское *e* в *send* и *ret*. Уже проверено, что, получив *send* с *e* из *ret*, датчане его принимают за *sand*. Тем не менее все фонологи, включая и самого Ельмслева, считают *e* в датском *send* и *ret* вариантами одной фонемы, а не разными фонемами.

таким образом, кроме того, определены дифференциальные признаки фонемы р). Но почему же тогда слушающему понятно, например *piscatorial techniques*, хотя в языке нет ни слова *biscatorial*, ни слова *miscatorial*? Конечно, потому, что фонемы не различают слов или вообще значений, а служат только для дифференциации их звуковых оболочек. Поэтому совершенно неправомерно смешивать дифференциальный уровень с уровнем семантическим, где основной движущей силой является закон лексической изменчивости¹.

Поиски фонологических противопоставлений на основе минимальных пар очень трудно снабдить необходимым научным обоснованием, почему они и ведутся, исходя из лексической эмпирики. Почему, например, противопоставление *bl-* и *gr-* (как в *blown* и *grown*) не дает минимальной пары в английском языке, в отличие, как будто бы от полинезийского? По-видимому, вследствие отсутствия точного определения не только метода, но и самого понятия минимальных пар. Употребление этого термина обычно вызывает лишь весьма туманное и приблизительное представление об артикуляторном различии, могущем служить основой для фонологической дифференциации. Поэтому остается совершенно неясным, противопоставляются ли реально одна фонема другой, или же два фонологических комплекса (*clusters*), или же фонема и комплекс или дифференциальные признаки?

Выше уже было сказано о неправомерности ограничения звуковой стороны языка только релевантными признаками фонем. Становится все более ясной 1) роль вариантов при изучении фонетической структуры языка и 2) роль глобальных изменений в относительной характеристике фонем в высказывании, их потенциальных различительных возможностей. Иными словами, становится все более ясным, что идеалистическое понимание соотношения языка и речи, кода и сообщения, инварианта и варианта и т. п. не может явиться основой для разрешения фонологических проблем. При этом все более настоятельно подчеркивается необходимость отказа от увлечения различиями, в ущерб сходству и тождеству, которые по традиции принимают как нечто само собой разумеющееся. Знаменитый парадокс Соссюра «*dans la langue il ny a que des différences sans termes positifs*» настолько увлек некоторых представителей современно-го неососсюрианства (причем еще с ударением именно на *sans termes positifs*!), что фактически указание того же Соссюра о том, что механизм языка «*roule sur des identités et des différences*», оказывалось преданным забвению.

¹ Этот закон конституируется тем, что словарный состав языка непрерывно и непосредственно реагирует на изменения, происходящие в жизни данного коллектива. Особенно резко указанное смешение уровней выступает в тех случаях, когда возникает вопрос о фонологической природе звуков, ограниченных определенной категорией слов.

Перечисляя разнообразные и сложные проблемы, возникающие перед фонологом, необходимо особенно подчеркнуть следующее обстоятельство. Хотя основной фонологической функцией звуков речи и является дифференциация звуковых оболочек слов и морфем, из этого не следует, что общающиеся посредством языка приучаются игнорировать все остальные свойства звуков речи, кроме собственно дифференциальных¹. Такими свойствами являются свойства конфигурации, сигнализирующие посредством объединения и разграничения деление высказывания на значащие единицы и свойства экспрессии или эмфатики, выражающие эмоциональные состояния говорящего.

Нельзя не учитывать также и того, что кодовые признаки, воспринимаемые слушающим речь, ни в коем случае не исчерпывают информации, получаемой при восприятии звуковой стороны данного сообщения. Сопоставляя фонематический код говорящего со своим собственным, слушающий делает выводы о происхождении, образовании и социальной принадлежности говорящего. Кроме того, естественные (биологические) свойства звуковой стороны речи позволяют определить пол, возраст, психофизиологический тип говорящего, отличать знакомого от незнакомого и т. п.²

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФОНОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНЫХ РАЗЫСКАНИЙ

Как можно было видеть, первая часть настоящей работы имела целью выяснить содержание основных понятий традиционной фонологии и кратко охарактеризовать основное содержание традиционного фонологического описания. Теперь представляется возможным обратить внимание на те новые пути и цели, ко-

¹ Во многих случаях собственно дифференциальные признаки лишь с большим трудом и далеко не однозначно можно отграничить от признаков избыточных. Например, английские *s* и *z* в конечном положении различаются только силой, для их дифференциации большое значение имеет сопутствующее различие в силе избыточное различие в долготе предшествующего звука, как например, в *repse* [rɛps] и *pens* [pen:z]. Напротив, например, в русском языке различие слабости и силы представляют собой избыточный признак, сопровождающий дифференциальное противопоставление звонкости — глухости согласных; однако при шопотной речи основной (дифференциальный) признак исчезает и единственным способом различения оказывается избыточное противопоставление слабости — силы.

² Ср. R. Jakobson и M. Halle (op. cit., p. 11). Пути исследования такого рода «физиономических» показателей были намечены Сиверсом в его «Shallanalyse», но их систематическое изучение еще не начато.

которые открылись перед фонологией в связи с развитием интердисциплинарных разысканий. Объединение усилий филологов, акустиков, лингвистов, психологов, теоретиков связи и др. поставлено жизнью в порядок дня. Разобщенность смежных дисциплин должна быть безотлагательно преодолена, так как без этого невозможно не только разрешение, но и даже серьезная научная постановка целого ряда кардинальных проблем человеческого общения. Однако на пути сближения смежных дисциплин имеются до сих пор непреодоленные серьезные препятствия. Одним из самых больших и трудных является то, что до сих пор не решена проблема подготовки специалистов, которые обладали бы достаточно широкими знаниями, а главное, были бы вполне вооружены современными точными методами исследования и сознавали бы специфику новых подходов, принципиальное отличие современных направлений в изучении проблемы звучания и значения, общей семиологии и многого другого. Современный фонолог должен быть и лингвистом, и физиком, и психологом, и семасиологом, и физиологом и, что самое трудное для представителя гуманитарных наук, он должен не только иметь серьезные познания в области общей теории связи, но и преодолеть огромные для гуманитаря трудности, связанные с методами точного исследования и математической обработки результатов.

Весьма значительные успехи интердисциплинарных изысканий в области фонетики были достигнуты благодаря применению понятий и методов общей теории связи. Традиционные лингвистические методы исследования ограничиваются констатацией данного фонологического противопоставления, ничего не говоря о его важности, о его значении для передачи сообщений при помощи языка. Традиционные описания фактически игнорируют такие первостепенной важности вопросы, как 1) число минимальных пар, различающихся данным фонологическим противопоставлением и 2) соотношение реальных высказываний в реальных контекстах языкового общения по линии минимального фонологического противопоставления, т. е. вопрос о том, находятся ли реальные высказывания в отношениях фонологического противопоставления или нет. Так, например, хотя в современном английском языке можно найти множество таких минимальных пар, как *pet — bet, pit — bit, pride — bride* и т. п., доказать таким же образом, например, фонологическое противопоставление *š* и *з*, *θ* и *δ* крайне затруднительно. Еще более затруднительно оно, к примеру, для *й* и *э*; для *ж* и *п* оно ограничено строго определенными позициями.

Что же касается второго из указанных выше моментов, то абсолютно на любом реальном высказывании, на любом предложении естественной речи можно показать, что вошедшие в него фонемы немисливо заменить противопоставляемыми им парами и получить в результате что-либо, хотя бы отдаленно

напоминающее соответствующую контрастирующую ситуацию. Реальная дифференциация высказываний основывается отнюдь не на минимальных фонологических противопоставлениях, а на противопоставлениях многочисленных и разнообразных. Фонологически разные реальные высказывания весьма отдалены друг от друга. Для обозначения этого факта крайне важно обращение к понятиям общей теории связи. Вследствие избыточности языковых сообщений, пренебрежение правильными фонологическими противопоставлениями не препятствует пониманию сказанного или декодированию сообщения.

Нормально каждый данный отрезок речи отличается от каждого другого, т. е. фактически сказанное отличается от того, что могло бы быть сказано, но сказано не было, множеством фонологических различий. Функционирование этих различий не может быть правильно понято иначе как в терминах двусторонних единиц сообщения, относящихся к словарю и грамматике. Так, например, такой отрезок речи, как *erzpuusig' nifikənsindis*, может дойти до декодирующего в виде: *əz-ou-s-g-nif-isdis*¹.

Тем не менее декодирующий не только примет сообщение, но даже и не осознает, что фактически не слышал всех составляющих его фонем. Недоразумения возникают только тогда, когда фонологическая дифференциация спустилась ниже средней возможной. Иными словами, на качество слышимости имеет непосредственное влияние соотношение между фонологическим и грамматическим восприятием речи. Мы можем не уловить фонетических оттенков при слабой слышимости, но вследствие определенного ожидания наш слуховой приемник превратит принятое в соответствующий поток фонологических единиц. Это значит, что можно не расслышать в терминах фонологии, но воспринять все правильно в терминах грамматики (т. е. морфем). Возвращаясь к тому же примеру: восприняв *ə: z ou s-g nif* — *sn is*, где пропущенные фонемы обозначены только посредством интервалов, слушающий даже не осознает потерю реальных фонологических дифференциаций; интервалы заполняются им автоматически и правильно на совершенно подсознательном уровне. Поэтому при оценке возможности декодирования сообщения даже в том случае, если фонологическая дифференциация спустилась ниже средней возможной, надо обязательно принимать во внимание реальную ситуацию общения. Следовательно, в общем случае различимость речи является не только функцией фонологической дифференциации, но и функцией фактора ситуации.

Как уже было сказано, для обычного (традиционного) лингвистического анализа частота того или другого элемента системы не считается релевантным критерием. Лингвистический

¹ Пример заимствован у Хоккета (С). F. Hockett. A. Manual Phonology. IJAL, vol. 21, Nr 4, Oct., 1955, p. 214.

анализ занимается только возможностью появления того или другого элемента, причем для лингвиста безразлично, доказываем ли эта возможность одним примером или тысячами. Для статистического же анализа в центре внимания оказывается именно частота. Он занимается прежде всего вероятностью появления того или другого элемента системы. Для этого берутся единицы данного порядка — в нашем случае фонемы — и ставится следующий вопрос: если дано наличие единицы x (т. е. данное состояние в марковском процессе), то какова вероятность того, что следующей единицей в ряду будет y или z и т. п.? Для вероятностей более высоких порядков вопрос естественно будет ставиться об обусловленности последующих состояний наличием последовательностей единиц — xy , xu^w и проч.

Приведенная краткая характеристика тех важнейших для фонологического исследования понятий, которые дала исследователю звуковой стороны языка общая теория связи, показывает, сколь важным является интердисциплинарное сотрудничество даже и в этом, пока еще небольшом масштабе. Но, как было уже сказано выше, сотрудничество смежных дисциплин приобретает все более и более широкий размах. Прежде всего представляется полезным остановиться на уже известных точках соприкосновения фонологии и психологии.

Как известно, звуки речи можно рассматривать как занимающие положение в многомерном пространстве, в котором каждая из переменных, применяемая для описания звуков, соответствует одному из измерений этого пространства. Измерения такого пространства могут быть определены в физических терминах и могут соответствовать либо дискретным, либо непрерывным переменным или комбинации тех и других; однако категории дискретной переменной должны быть организованы таким образом (например, четыре степени долготы), чтобы их можно было рассматривать как квантованную непрерывную переменную. Положение звука в таком фонетическом пространстве будет рассматриваться как составляющее его фонетическую реальность. Фонетическое пространство является постоянным в том смысле, что существование и употребление данного языка не может вызвать в нем изменений. Оно непрерывно, так как никакой звук не может быть отнесен на место, уже занятое другим звуком, если измерение было достаточно точным. Физическое подобие звуков речи измеряется расстоянием между положениями в этом многомерном пространстве.

Фонологический анализ дает возможность разделить звуки языка на ряд n -фонем, мысля его как пространство, состоящее из n взаимоисключающих областей, соответствующих фонемам. Положение звука в таком фонологическом пространстве будет составлять его фонологическую реальность. Фонологическое пространство в отличие от фонетиче-

ского является переменным в том смысле, что положение в нем звука определяется фонологической системой данного языка. Далее, в отличие от фонетического пространства, фонологическое пространство является дискретным и внутренне неупорядоченным в том смысле, что два звука могут относиться как к одному и тому же, так и к разным фонологическим классам, причем фонетическое тождество или его отсутствие при этом играют второстепенную роль.

Теоретически рассуждая, простейшее соотношение между фонетическим и фонологическим пространствами имело бы место в том случае, если бы определения фонологического пространства совпадали с группами (clusters) звуков в фонетическом пространстве. При таком положении фонетически подобные звуки были бы фонологически тождественны. Однако утверждение об отсутствии точной корреляции такого рода лежит в основе вообще современного фонологического анализа, исходящего из того, что перцептивные привычки пользующихся языком заставляют их дифференциально реагировать на одни различия и игнорировать другие.

От фонетического и фонологического пространств принципиально отлично психологическое пространство. Основой для изучения психологического пространства является определение степени психологического подобия звуков. Психологическое пространство является непрерывным, как и фонетическое, но переменным, как фонологическое. Измерения (dimensions) этого пространства должны служить основой для дифференциации звуков речи пользующимися языком, причем эти измерения и будут составлять минимальный ряд дифференциальных признаков.

Психологическое пространство не может не быть соотнесено с теми или другими частями фонетического пространства, так как измерения фонетического пространства не могут не соответствовать хотя бы в определенной степени тем дифференциальным стимулам, на которые реагируют говорящие. Психологическое пространство должно также быть связано с фонологическим пространством, так как звуки не могут противопоставляться и использоваться для указания на дифференциации, если они не различаются говорящим. Таким образом, различие между фонетическим и психологическим пространствами предстает как преобразование в расположении звуков речи, вызываемое перцептивными привычками говорящих на данном языке; оно может рассматриваться как результат своего рода фонологического анализа, в котором каждый звуковой комплекс есть группа психологически подобных звуков, имеющих общие дифференциальные признаки и подобные «языковые ценности», но где критерии распределения игнорируются. Различие между психологическим и фонологическим пространствами представляет, следовательно, трансформацию упорядоченного располо-

жения, производимую на основе только критериев распределения.

Психологическое пространство служит, таким образом, как своего рода переходная ступень между фонетическим и фонологическим расположением звуков речи; обращение к нему способствует выяснению природы фонологического анализа. Оно может также служить в качестве объективного критерия восприимчивого подобия звуков речи. Расположение (ordering) звуков речи в психологическом пространстве может использоваться в качестве стандарта при выборе между двумя одинаково простыми, исчерпывающими и непротиворечивыми фонологическими анализами.

Имеются также и другие потенциальные применения этого понятия к лингвистической теории. Если сравнить, например, противопоставление звонких и глухих согласных в испанском и английском языках, то окажется, что в испанском языке противопоставление звонких и глухих является фонематическим в случае *p* и *b*, *t* и *d*, но аллофоническим в случае *s* и *z*. Психологическое пространство для испанца отразит этот лингвистический факт, расположив члены аллофонической пары ближе друг к другу, чем члены фонологической пары. Совсем другая ситуация возникнет, если попросить испанца различить *f* и *v* (второй из этих звуков в испанском языке отсутствует); *v* представится ему в таком случае как психологически подобный другому испанскому звуку, вследствие чего отношение *f* — *v* воспримется как соответствующее отношению *f* — *b*. Это подтверждается ошибками, которые делают испанцы, изучающие английский язык. Возможно, что природа психологического пространства связана с морфонологическими отношениями. Так, например, тот факт, что по-английски *t* и *d* являются альтернантами очень распространенной морфемы, должно делать их психологически более подобными, чем такие пары, как *p* — *b*, *k* — *g*, которые фонетически и, как принято считать, фонологически являются вполне аналогичными первым.

Изложенные соображения вплотную подводят к одному из краеугольных вопросов науки о лингвистическом выражении. В центре внимания с полной очевидностью оказывается следующий вопрос: обладают ли те единицы, которыми оперируют языкознание, психологической значимостью и психологической реальностью и являются ли естественные психологические единицы лингвистически объяснимыми и продуктивными с точки зрения языкознания. Отсюда и в высшей степени своевременные попытки отыскания качественно новой единицы — единицы психолингвистической. Совершенно ясно, что психолингвистические единицы вовсе не должны точно соответствовать тем, которые устанавливаются изощренными методами современного структуралистического языкознания, или же тем единицам, которые выделяет непосвященный. Психолингвисти-

ческие единицы — это те отрезки сообщения, которые выступают как функционально цельные в процессе кодирования и декодирования.

Несмотря на то что лингвистика оперирует единицами, отличными от тех, на которые естественно делит свою речь говорящий, она не могла пройти мимо того факта, что именно слог, слово и предложение являются для пользующегося языком основными понятиями, и потому не могла уклониться от попыток их определения. Однако эти попытки пока не увенчались успехом. Так, среди различных определений слога не только не существует такого определения, которое было бы общепризнано, но даже высказывалось мнение, что эта категория вообще не может использоваться при формальной системе анализа¹. Определение же слова либо считают псевдопроблемой, не находя в языке единицы, которую можно было бы соотносить с тем, что традиционно называют словом, либо отказываются от общего определения, считая, что слово можно определять только отдельно для каждого данного языка (например, на основе ударения и т. п.).

Не получило единого определения и предложение. Наиболее ясными из имеющихся определений являются те, которые основываются на интонационных особенностях высказывания и явлениях, связанных с так называемым характером соединения (*juncture, jointure, Anschlussart*). Конец предложения обычно отмечается одним или несколькими концевыми соединениями, сопровождающимися определенными интонационными рисунками. Однако, если прослушать большие отрезки неподготовленной речи на разных языках, легко убедиться, что даже эти критерии дают хорошие результаты только в «подчищенных», литературно обработанных текстах и неприменимы в ситуациях повседневного общения.

Из сказанного вытекает, что структурная лингвистика пока что не находит в своей системе вполне определенного места для тех единиц, которые интуитивно воспринимают и применяют пользующиеся языком как средством общения.

Не менее сложным является и следующий вопрос: поддаются ли психологическому обоснованию существующие лингвистические единицы, которыми оперирует как основными современное языкознание?

Реальность фонемы не вызывает сомнения ни с лингвистической, ни с психологической точки зрения. При декодировании в нормальных условиях общающиеся при помощи языка не замечают различий между вариантами фонем (или аллофонами): варианты фонем замечаются только в случае неправильного их выбора иностранцем, говорящим с акцентом. Выбор вариантов при кодировании также осуществляется автоматически. Следо-

¹ Ср. сноску к стр. 47—48.

вательно, вариант фонемы не может быть единицей кодирования или декодирования; такой единицей может быть только фонема. Однако если выбор варианта определяется фонемой, следующей за данным вариантом, то это значит, что с точки зрения кодирования единицу составляет группа, состоящая из двух фонем, т. е. кодирующий должен выбирать одновременно по крайней мере две фонемы. С другой стороны, если два слова или два сообщения различаются только одной фонемой, то отсюда следует, что эта одна фонема избирается независимо от окружения и что декодирующий должен различать отдельные фонемы.

Так, например, гласный звук в слове *пять* играет двойную роль. С одной стороны, данный вариант фонемы *А* (æ) является частью большой единицы, т. е. (п'æt'). С другой стороны, фонема, к которой относится данный звук, т. е. *А*, сама является единицей и в качестве таковой служит для отличия данной лексической единицы, например, *пять* и *пить*. Пытаясь соотнести лингвистические единицы с точками сознательного выбора, мы приходим к выводу, что если фонема как инвариант, т. е. в парадигматическом плане, соответствует единице сознательного выбора, то данная ее манифестация, или актуализация, т. е. данный ее вариант, является лишь частью такой единицы. Тогда нашей задачей будет определение природы этой большей единицы. Для этого имеются следующие две возможности: *пять* можно рассматривать либо как фонологическую единицу (слог), либо как морфологическую единицу (морфему). Эти два уровня рассмотрения не являются, однако, взаимоисключающими.

Для выделения морфем имеются также вполне реальные основания. Варианты морфем выбираются столь же автоматически, как и варианты фонем, что, по-видимому, указывает на осуществление того же по существу процесса, но только на морфологическом уровне. Так, например, пользующиеся русским языком не осознают фонемного различия между *рук-* (у) и *рук'* (е) в разных падежах слова *рука*. Вместе с тем морфема, выступающая в виде этих вариантов, является вполне определенной единицей, так как говорящий пользуется ею в речи вполне сознательно, на основе решения не говорить, например, *нога*. Но данный конкретный вариант морфемы обычно является частью большей единицы в потоке речи. Такая большая единица может быть словом или синтаксической единицей, например, однословным предложением именного типа.

Из сказанного с полной несомненностью вытекает первостепенная важность вопроса о значении на всех уровнях исследования. Пренебрежение содержанием нередко приводит к сведению всего инвентаря лингвистических единиц к обезличенным и нивелированным фонемам, морфемам и конструкциям. Такой подход оставляет совершенно вне рассмотрения вопрос о том, как эти единицы соотносятся с естественно выделяемыми

единицами: слогом, словом и предложением (известно, что эти последние нередко оказываются вообще исключенными). Как бы ни было трудно определение слога, именно слог, а не фонема, является предельной единицей речи. То, что это так, легко проверить, попросив говорящего замедлить речь: он естественно увеличит интервалы между слогами, тогда как интервалы между составляющими их фонемами останутся практически без изменения. О том же говорит и малая детская речь, как и опыты с отношением толчков диафрагмы к слогообразованию.

* *
*

Одним из наиболее значительных событий в области фонологии в определенном здесь смысле явились работы Н. И. Жинкина¹. Широко привлекая современную технику, он разработал интересную и оригинальную методику и получил результаты, которые явились основой для новых, смелых и вместе с тем чрезвычайно убедительных решений таких сложнейших вопросов (добавим: вопросов, которые в рамках традиционного языкознания и традиционной психологии никак не могут получить удовлетворительного решения), как вопрос о природе слога, вопрос о внутренней речи, вопрос об особенностях развития речи у детей, вопрос о природе би- и полилингвизма (имеющий первостепенное значение для изучения иностранных языков, устного перевода и др.), не говоря уже о разнообразных вопросах патологии речи. В отношении последней из перечисленных областей уместно заметить, что в условиях общества, в стадии перехода от социализма к коммунизму, борьба с дефектами речи, с нарушениями и потерями в области речи — мысли, систематическая профилактика и логопедия как часть педиатрии — проблемы столь же насущные, как освобождение от всяких вообще эндемических заболеваний; это — часть общей программы обновления человечества, освобождения его от вековых язв и бичей, все еще препятствующих счастью и прогрессу. Ведь современная техника позволяет измерить едва заметные на слух слоговые толчки в звуковом составе слова, разложить гласные на составляющие гармоники, точно измерить длительность элементов в отрезке речи, документировать на пленке движение языка, глотки, диафрагмы и даже перистальтику бронхиальных веточек в процессе речевой фонации. Поэтому недоступное для психологии и фонетики раньше, теперь, подготовленное в раз-

¹ См. его «Механизм речи». М., Изд-во АИПН, 1958. Произнесение слов — концепция глоточного образования слога. «Intern. Journ. of Slavic Ling. and Poetic», 1/11, 1959 и др. В связи с концепцией Жинкина интересные работы W. Appel см. «Wiener slavistisches Jahrbuch», t. 6 и рец. P. Trost в «Philologica Pragensia 1964», vol. 4.

ных смежных областях, становится не только достижимым, но и необходимым. Конечно, открываемые подобным образом факты не должны замыкаться позитивистской фактологией отдельного явления в себе, а освещаться основополагающими концепциями диалектического материализма и определяться в их отношении к центрам переработки, к неподдающимся непосредственному наблюдению процессам образования значений — дифференцированию и синтезированию в высшей нервной деятельности человека. Тогда перспективы и возможности становятся поистине захватывающими дух.

Принципиально новой и в высшей степени продуктивной является постановка вопроса о природе органов речи. Сущность этой новой постановки состоит в следующем: под органами речи обычно понимают такие органы, как язык, губы, небная занавеска и т. п. Но в языкознании нет даже намека на то, что органами речи (при том важнейшими) являются также реберные мышцы, бронхи, диафрагма, брюшной пресс.

Указать на этот важнейший факт, — не значит просто увеличить номенклатуру частей речи, удлинить их список. Это значит полностью революционизировать всю концепцию фонетики.

В основе традиционного учения об органах речи лежит представление о том, что можно изучать их работу, не ставя вопроса об управлении. Считалось, что всякие движения органов речи являются произвольными. И только теперь, когда на помощь языкознанию из области смежной дисциплины пришло понятие о «речедвигательном анализаторе», стала очевидной крайняя ограниченность и потому ошибочность старых представлений: стало ясно, что изучать органы речи надо так, чтобы в конечном счете был раскрыт полностью механизм речедвигательного анализатора. Но если понятие органов речи просто вошло в систему фонетики как отрасли языкознания, то понятие *речедвигательный анализатор* (сложившееся совершенно независимо от языкознания в другой научной дисциплине) настолько чуждо фонетисту-языковеду, что необходимо отыскание такого термина, который выдвинул бы третье понятие, в известном смысле синтезирующее два других и конкретно служащее тому объединению усилий, тому развитию интердисциплинарного исследования, о котором было сказано выше. Таким понятием явилось понятие *речевого эффектора*, получившее новый смысл в данном совершенно новом контексте. Важность этого понятия станет особенно очевидной, если учесть, что под речевыми эффекторами понимается не усложненный синоним для термина органы речи, т. е. не простые исполнители движений, заданных из «центрального управления», а одновременно (и в такой же мере) участники формирования аналитико-синтетической системы как часть анализатора, позволяющая не только проследить конец процесса, но и его формирование.

Из сказанного ясно, что уже объединение усилий лингвистов

и психологов дает качественно новые результаты. Но для подлинного проникновения в природу речевого эффектора и законов его функционирования недостаточно объединенных усилий только языковедов, психологов и физиологов. Стремительное развитие точных физико-математических наук начинает все больше и больше оказывать влияние на рассмотрение речевого процесса как своеобразного живого механизма. Этому в значительной мере способствуют успехи теории и практики в области исследования линий связи, техники звукопередачи и автоматизации вычислительных операций. На основе этих величайших достижений в области смежных наук становится не только возможным, но и необходимым принципиально новый подход к вопросу об авторегулировании в системе основных звеньев речевого механизма. Речевые кинестезии выступают теперь как обратная связь, по которой центральное управление осведомляется, что выполнено из тех приказов, которые посланы на исполнение. Иными словами, первоначально центральное управление двигательного анализатора неспособно подать такой верный импульс на органы речи, который вызвал бы артикуляцию и звук, соответствующий нормам контролирующего слуха. Первые попытки управления речевыми органами будут отклоняться слуховым контролем. Но для того чтобы ошибочный посыл перестроился в точный и был принят слуховым контролем, необходимо, чтобы сами речевые органы сообщали в управляющий центр, что ими делается, как воспроизводится ошибочный, непринимаемый слухом звук. Таким образом, оба звена приема, как слуховой так и кинестезический, выступают как обратные связи, замыкающие циркулярную цепь автоматического регулирования и обеспечивающие условия для формирования элементов словаря, складывающегося в виде стереотипов в премоторной области коры.

Как уже было сказано выше, традиционное ограничение органов речи видимыми органами приводило к ложному представлению о возможности изучать их работу, не ставя вопрос об управлении. Считалось, что достаточно знать, в каком положении находится язык, когда производится тот или другой звук для того, чтобы обеспечить выполнение важнейшей и распространеннейшей практической задачи — обучению языкам и исправлению неправильностей произношения. Это совершенно неправильное понимание основывалось на убеждении, что все движения органов речи являются произвольными, что если определены положения языка и других активных органов речи при произнесении того или другого звука, то практически достаточно поместить язык в соответствующее положение для того, чтобы обеспечить возникновение требуемого звука.

Только что охарактеризованное ошибочное представление о природе речевого механизма постоянно опровергается тем непомерным количеством времени и усилий, которые обычно затра-

чиваются на овладение произношением иностранного языка, хотя количество усваиваемых звуков не превышает обычно 40—50. Большой заслугой Н. И. Жинкина явилось раскрытие ошибочности теоретической концепции, лежащей в основе только что описанного подхода. Немыслимо сводить дело к описанию положений активных органов речи. Полная речевая дифференциация звуков должна происходить не только в ротовом, но и в глоточном резонаторе. Выучка глоточной трубки — вот проблема, на которую до сих пор не было обращено должного внимания при обучении иностранному языку. Именно от ее разрешения зависит правильное, не искаженное чуждым акцентом произношение. При обучении же иностранному языку показом ротовой артикуляции можно добиться лишь самых грубых дифференцировок-подобий. Как бы идеально ни была поставлена ротовая артикуляция для произнесения того или другого звука иностранного языка, при переходе к словесному стереотипу она тотчас же будет разрушена глоточным дезартикулятором, так как кроме ротовой артикуляции для данного звука в данном слове обязательно должен быть усвоен силовой индекс.

Из сказанного ясно, какое значение имеют методы исследования произвольно неуправляемых кинестезий для решения проблемы обучения произношению на иностранном языке. Теперь совершенно очевидно, как важны современные интердисциплинарные исследования для решения вопроса о наиболее рациональных и эффективных способах осуществления дифференцировки произвольно неуправляемых речедвижений — вопроса, который принципиально не может быть разрешен традиционными приемами, сводящимися в лучшем и наиболее полном своем виде к объяснению системы фонем иностранного языка, рисункам и муляжам органов речи и разъяснению деталей устройства речедвигательного анализатора.

Как можно видеть из изложенного, новые пути фонологического исследования колоссально углубили изучение роли слухового восприятия звуков речи. Известно, что слух, вообще говоря, способен к репродукции ранее воспринятых звуковых комплексов, независимо от двигательного анализатора, в таких случаях как представление о мелодии, звуке гудка, шорохе листьев и т. п. Но речевые звуки находятся в особом положении, так как являются средствами взаимного общения, почему принятый комплекс звуков обязательно должен соответствовать воспроизведенному. Отсюда огромная важность проблемы отбора звуков, которая членится на 1) отбор звуков для составления слов (или, что то же, отбор речедвижений для составления двигательного стереотипа слова) и 2) отбор слов для составления сообщения. Иными словами, отбор звуков и отбор соответствующих им речедвижений позволяют различать слова и сформировать словарь, не играющий сам по себе самостоятельной

роли, а являющийся лишь фоном, из которого черпаются слова для составления сообщений.

Поскольку отбор звуков производится слуховым, а не речедвигательным анализатором, отбор речедвижений для производства звуков, входящих в словесный звуковой комплекс, происходит в процессе специальной выучки, формирующей словарь, который приобретает через слуховой анализатор, складывается в двигательном и им же воспроизводится. Выучка эта состоит в составлении устойчивого стереотипа (подпрограммы) речедвижений, на которые распадается запущенное по одному импульсу слово. В процессе выучки при взаимодействии прямой и обратной связи от мышечных речевых синергий составляется точная схема последовательности возбуждательных и тормозных процессов на все речедвижения, необходимые для воспроизводства статики и динамики данного слова. Все эти положения получают точную проверку в произведенных Н. И. Жинкиным обширных и тонких исследованиях. При помощи кинорентгено съемки надставной трубки Н. И. Жинкину удалось проследить не только последовательное разворачивание стереотипа, но и обратное явление — резкое торможение речевых эффекторов в том случае, когда предстоящее произнесению слово попадает в зону торможения.

Одной из сложнейших проблем фонетики, не решенной до сих пор несмотря на огромное количество работ, ей посвященных, является проблема слога. В наиболее общем своем виде она может быть представлена следующим образом. Функционируя в качестве звуковой стороны языка, т. е. служа для различения звуковых оболочек слов и морфем, фонемы фактически не воспроизводятся в виде отдельных изолированных звуков, а сцепляются друг с другом, образуя определенные последовательности или объединения. Моделью такого объединения является слог, основным принципом построения которого считают противопоставление отдельных его частей друг другу — обычно гласного согласному.

Важно отметить, что понятие о слоге и характере соотношения составляющих его фонем дает основу для классификации дифференциальных признаков на 1) просодические и 2) ингерентные. Просодическими дифференциальными признаками могут обладать только те фонемы, которые образуют вершину слога, причем только по отношению к рельефу слога, тогда как ингерентные признаки обнаруживаются у фонем безотносительно к их роли в рельефе слога¹.

¹ Вопросу о просодических явлениях посвящена интересная работа Е. Науген. *Phoneme or Prosodeme?* Lang. 25, No. 3, 1949. Он выделяет интонацию, ударение и длительность (tone, stress and duration). Сильное ударение (loud stress) значит, что больше произносительной энергии сосредоточивается в данный период времени, чем в другие периоды, причем протяженность этого периода имеет первостепенное значение. Вопрос о харак-

Просодические признаки, а именно — тон, сила и количество выступают в двух разновидностях — меж- и внутрислоговой. В первом случае вершина одного слога сравнивается с вершинами других слогов внутри одной и той же последовательности. Во втором — данное свойство вершины может сравниться с другими свойствами в той же вершине или со следующей за ней неслогообразующей частью.

Всякий просодический признак основывается прежде всего на противопоставлении двух переменных в пределах одной и той же последовательности фонем: относительная высота, громкость или длительность данного отрезка определяется по отношению к предшествующим или последующим отрезкам. Напротив, распознавание и определение ингерентного признака основывается только на выборе между двумя альтернативами, допустимыми в данной позиции, и не предполагает сравнения двух полярных членов, сосуществующих в пределах одного и того же контекста. Иными словами, обе альтернативы ингерентного признака сосуществуют в коде как два члена противопоставления, но не предполагают контрастирующего положения в пределах одного сообщения. Вследствие того, что ингерентный признак определяется только сравнением наличествующей альтернативы с отсутствующей, реализация ингерентного признака

тере соединения (juncture) уже непосредственно связывается с морфологией (A morphologically determined displacement of syllable timing). В этой связи также о лалетике (F. Forschhammer, Allgemeine Sprechkunde, Heidelb., 1951; четыре разновидности тоном у K. L. Pike («The Intonation of American English», Ann Arbor, univ. of Michigan Press, 1946), из которых составляют все виды выражения отношения (модальности). Разные аспекты вопроса показывают такие работы, как B. Malmberg. La coupe syllabique dans le systeme consonantique du Français. «Acta Ling», vol. IV, fasc. 2, 1944; K. Zemen. Experimentalphonetisches zur Akzentfrage, Curme vol. of ling. studies Phil., 1930, pp. 165—166; K. L. Pike. Tone Languages. Michigan, 1948; A. Martinet. La phonologie. «Le fr. moderne», 1939, n° 1; S. Karcevskij. La phonologie de la phrase. TCLP, 4; L. Hjelmslev. Groundtraek af det danske udtrykssystem med saerligt henblik pa stødet. «Selskab for nord. Filologie», Arsberetning for 1948—49—50, pp. 12—23 и E. Nida. The Analysis of grammatical constituents. «Lang», 24, 2, 1948, где дается грамматическая классификация всех видов; J. Kurylowicz. Contribution a la theorie de la syllabe. Krakow, 1948; C. Dietrich. Über die höheren Ordnungen phonologisch-linguistischen Gliederung im englischen Satz, Ztsch; für Phonetik und allgemeine Sprachwiss., 1952, Heft, 1/2; Bohuslav Hala. La nature phonetique de la syllabe и A. Rosetti. La syllabe phonologique. Albert Lange Fliflet Einige Beobachtungen über Anschluss und Silbe (последние три работы в «Proceedings of the Fourth International Congress of Phonetic Sciences», Mouton, The Hague, 1962).

Интересна постановка вопроса A. N. Stowe. Segmentation of natural Speech into syllables by acoustic-phonetic means. «Proc. of the 9th Intern. Congr. of linguists», p. 899 (там же критика его положений Энkvистом—Nils Erik Enkvist).

в данном положении менее подвержена модификации, чем реализация просодических признаков¹.

Между силой и количеством имеется взаимная связь. Во всех случаях противопоставления ударных и безударных слогов сила всегда используется в качестве конфигуративного (кульминативного) признака, количество же никогда. Кульминативная функция силы закономерно соединяется либо с другой разновидностью конфигуративных функций — демаркацией, либо с дифференциальной функцией. Языки, использующие в качестве дифференциальных признаков и количество, и силу, представляют собой исключение, причем если сила и выступает в качестве дифференциатора, то она по большей части сопровождается избыточными явлениями количественной модификации.

К сказанному можно еще добавить следующие соображения, дающие картину, будто бы соответствующую действительности². Для образования слога необходимы три элемента — приступ, вершина и конец. В таком высказывании, как, например, английское *Hot day*, есть обязательно две вершины, между ко-

¹ См. R. Jakobson and Morris Halle. *Fundamentals of Language*. 'S-Gravenhage, 1956, section «Types of Features», p. 8; J. Rischel («Stress, juncture and syllabification in phonemic description». «Proc. of the 9 th Intern. Congr. of linguists», pp. 85—93) обосновывает следующую классификацию единиц фонологического уровня: основные фонемы (basic phonemes), основные прозодемы (basic prosodemes), сверх фонемы (supra-phonemes) и сверх прозодемы (supra prosodemes).

² К сожалению, здесь нет возможности более подробно рассмотреть чрезвычайно интересную работу Мартинэ (A. Martinet. *Accent et ton*. «Miscellanea phonetica», 2, 1954), выделяющего следующие три основные функции для просодических единиц: дистинктивную, демаркативную и кумулятивную. Мартинэ считает, что то, что языковеды, даже не причисляющие себя к функционалистам, называют *accent* по существу характеризуется своим *unicité*, в основной семантической единице, обычно в слове. То, что называют второстепенным ударением, является в некоторых случаях отражением на расстоянии главного ударения (всюду *accent*), которое одно только и способно к выполнению акцентуационных функций (p. 14). Тем не менее и он характеризует определенную семантическую единицу — полную морфему, нередко называемую семантемой. В английском языке второстепенное ударение лексикализовалось в сложном слове. Хотя Трубецкой уже внес важные разграничения, различив демаркативную функцию в случае фиксированного ударения и кульминативную — в случае свободного, Мартинэ предполагает далее различать активную демаркативную функцию (пример англ. *if you consider...* и пассивную, когда, например, в чешском языке произносятся с ударением первый слог каждого слова).

Датский *stød*, который Хауген называет прозодемой, потому что он соотносится со структурой слога, по мнению Мартинэ, является характеристикой второстепенного ударения.

Правда Jones («The phoneme», p. 148) считает, что промежуточные степени ударения на самом деле лишь степени проминантности, вызываемые особенностями тембра, группировки звуков, долготы и мелодии или соединением всех перечисленных элементов, которое может сопровождаться, а может и не сопровождаться собственно ударением.

горыми располагаются конец и приступ, причем конец примыкает к первой вершине, а приступ — ко второй¹.

Кратко суммированные факты получают новое и плодотворное объяснение. В концепции глоточного слогообразования, согласно этой концепции, слог — это особая и важнейшая речевая произносительная единица, формирующаяся на выходе речевых эффекторов. Слоговое образование и слоговое деление составляют динамическую систему речи. Отторжение произнесенного элемента и упреждение, подлежащего произнесению (т. е. удержание и упреждение), были бы невозможны, если бы возбуждающие и тормозные процессы не регулировались слоговое делением, которое выступает, таким образом, как важнейший фактор механизма речи. Слог — это место встречи акустического и фонетического рядов; он не принадлежит ни к одному из них и не получил поэтому ни в одной из этих наук в отдельности удовлетворительного объяснения. Следует согласиться в основных чертах и с тем объяснением, которое Н. И. Жинкин дает неудовлетворительному состоянию науки о слоге в современной фонетике. Причина в том, что современная фонетика, оставаясь по преимуществу статической, способна лишь показать (и то без необходимой полноты), где образуются звуки и каким образом, но она оказывается неспособной показать, как звуки сливаются в динамические образования — слоги и слова, вследствие чего основная произносительная единица — слоги — выпадают из поля ее наблюдения. Не может служить основой для изучения вопроса о природе слога и статическая рентгенография, данные которой в лучшем случае дают лишь общую описательную классификацию форм полостей рта и глотки. И только кадры кинорентгеносъемки документируют образование слогового кванта, регистрируемого в акустических записях как дуга громкости. Из этих кадров видно, что дуга громкости образуется в результате модуляции глоточной трубки, при постепенном сужении которой возникает нарастание громкости (в момент максимального сужения дуга образует вершину), тогда как при постепенном расширении трубки появляется ветвь падения громкости. На основании этого, на первый взгляд крайне простого наблюдения создается прочная база для построения общей теории слога и для проникновения, наконец, в природу более сложных случаев слогового образования.

¹ Отсюда естественно заключить о наличии между вершинами еще одного звукового элемента — открытого неконечного соединения (internal open juncture), отмечающего границу между концом и приступом. В ставших классическими примерах *night-rate* и *nitrate* первый дает именно тот случай, который был описан выше, — *-t* представляет собой конец а г-приступ и разделяются они посредством открытого соединения. Напротив, в *nitrate* *tr* не может подразделиться на конец и приступ и потому дает такой сложный консонантный элемент, который одновременно принадлежит и к предыдущей и к последующей вершине.

Итак, слог оказывается не только основной, но и предельной, т. е. далее неделимой произносительной единицей. Тогда термин фонема приобретает уже принципиально новое содержание как один из элементов слога, как неполный речевой звук. Физически — неполный звук — это часть спектра, соответствующая набору формантных признаков (т. е. составляющих спектра, которые конструктивны для неполного речевого звука). Остаток спектра, получающийся после вычитания из полного звука формант, выполняет сложные и многообразные функции, связанные с более высокими ярусами членения речи. Рассмотрению этих последних будет посвящена следующая часть настоящей работы.

МОРФОНОЛОГИЯ

МОРФОНОЛОГИЯ (ФОНОМОРФОЛОГИЯ) КАК УЧЕНИЕ О СОПОСТАВЛЕНИИ ФОНЕМАТИЧЕСКИХ РЯДОВ С МОРФЕМАТИЧЕСКИМИ

Как можно было видеть из изложенного в первой части настоящей работы, функционирование языковой материи языка является более сложным и гибким, чем может быть изображено с помощью только понятий собственно фонологии или собственно морфологии. Отсюда возникновение и распространенность таких понятий, как архифонема, гиперфонема, нейтрализация фонем, фонологический синкретизм и т. п. Поэтому необходимо исследование некоторой промежуточной области, в которой обнаруживается реальная связь и взаимодействие двух начал — фонологического и морфологического. Эта область традиционно называется морфонологией, но ее, может быть, было бы правильнее обозначать как область фonomорфологического исследования. Краткая характеристика достигнутого здесь тем более своевременна, что литература, освещающая данный круг вопросов с разных точек зрения, теперь уже достаточно обширна.

Наиболее простым определением морфонологии является следующее: *фонология морфем*, т. е. наука, исследующая принципы употребления разных фонем для образования морфологических элементов. Она исследует особенности и закономерности морфологического использования тех фонологических противопоставлений, которыми располагает данный язык. Поэтому морфонология рассматривает морфемы не как инварианты, т. е. не в отвлечении от тех конкретных вариантов или морф, в виде которых они только и могут реально воспроизводиться в речи, а как конкретные единицы сообщения, представленные своими соответствующими вариантами на фонематическом уровне, т. е.

в виде системы правил для перевода рядов фонем в ряды морфем¹.

Если взять, для примера, такие согласные, как *к* и *ч*, *г* и *ж*, то ни у кого не возникнет сомнения в том, что в современном русском языке это разные фонемы, закономерно используемые для различения слов и морфем — *кара* и *чара*, *гар* и *жар* и т. п. Однако в таких случаях, как например, *рука* и *ручной*, *могу* и *можем*, эти звуки, сохраняя вполне свое фонетическое различие, функционируют иначе, чем в тех случаях, которые были иллюстрированы выше. Они уже не различают *рук-* и *руч-*, *мог-* и *мож-*, не служат указанием на то, что это разные единицы, разные морфемы. Больше того, они как будто бы подтверждают, сигнализируют тождество этих элементов на морфологическом уровне. Как же оказывается возможным такое, казалось бы, парадоксальное положение?

Дело в том, что лингвистическое исследование не может ограничиваться просто рядами фонем и их взаимными отношения-

¹ Детальное рассмотрение вопроса с кратким историческим очерком см. у А. А. Реформатского («Проблема морфемы и морфонологии», в статье «О соотношении фонетики и грамматики». Сб. «Вопросы грамматического строя. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 96). Не совсем ясным представляется лишь его комментарий к известному высказыванию Улашина (стр. 97): взаимосвязь фонологии и морфологии, как известно, по-разному трактуется, например, А. И. Смирницким и Р. А. Аванесовым, с одной стороны, и П. С. Кузнецовым и А. А. Реформатским, с другой. Свообразным является понимание этого термина Блумфильдом: морфофонемика (morphophonemics) как внутреннее сандхи. Морфофонемика, согласно Блумфильду, описывает видоизменения (variations) морфологических элементов, на которые распадаются слова (см. L. Bloomfield. Menomini morphophonemics, TCLP, No. 8, 1939). Из других работ дескриптивного направления можно упомянуть Z. S. Harris («From Phoneme to Morpheme. «Lang», vol. 31, No. 2, 1955), где делается попытка подойти к морфологическому расчленению слова и к установлению его границ на основании подсчета возможных сочетаний фонем в английском слове по принципу indeterminacy in a string. Введенный им термин successor variety близок по смыслу к potential following environment: we are asking not the frequency of the various phonemes, but only which ones ever occur in that position. Сочетание принципов объяснения (accountability) и предсказания (predictability), т. е. сочетание описания всех высказываний в данном корпусе с определением того, какие другие высказывания с наибольшей вероятностью могут встретиться в дальнейшем, составляют основу работы Hockett, Ch. F. («A. Formal Statement of Morphemic Analysis», «Studies in Ling», vol. 10, No. 2, 1952). Правило дескриптивной лингвистики, согласно которому фонемическое подобие не является необходимой основой для эмического объединения алломорф, разъясняется у Trager, C. L. and Smith, H. L. («An outline of English Structure», «Studies in Linguistics», Occas. Papers 3. Battenburg Press, Norman Oklahoma, 1951, p. 54. Ср. также Э. Хэмп. Словарь американской лингвистической терминологии. М., «Прогресс», 1964, стр. 122—125.

Следует заметить, что выделение морфонологии как отдельной лингвистической дисциплины вовсе не обязательно предполагает выделение морфофонемы как отдельной языковой единицы. Способность двух или более фонем заменять друг друга в соответствии с морфологической структурой данного языка (напр., *к*, *к'*, *ч* в русск. яз.) вполне адекватно обозначается термином «морфонологическое чередование».

ми. Переходя к более высоким уровням языка, исследователь не может не столкнуться с фактами, подобными только что приведенным. *Рук-* и *руч-*, *мог-* и *мож-* явно различны по своему фонемному составу. Однако это не является достаточным основанием для того, чтобы рассматривать их просто как разные единицы, безотносительно друг к другу. Более того, несмотря на различие их на уровне фонологическом, на морфологическом уровне они оказываются функционально совпадающими или, как теперь говорят, эти морфы (т. е. *рук-/руч-*, *мог-/мож-*) выступают как алломорфы одной и той же морфемы соответственно [РУ_ч^к] и [МО_ж^г].

Среди различных методов исследования этой области языкознания наибольшее распространение получил метод дескриптивной лингвистики. Согласно этому методу минимальные (предельные) значащие отрезки речи (морфы) трактуются как алломорфы одной морфемы, если они: 1) находятся в отношениях дополнительного распределения; 2) имеют то же значение; 3) если в языке существуют другие последовательности, которые не меняются (не варьируются) по форме и имеют тот же тип распределения, для нашего случая, например, *лекарь* и *лечить*, *друг* и *дружить* и т. п. Если все эти требования соблюдены, то говорят уже не о разных морфемах, а о варьировании фонемного состава алломорф одной и той же морфемы или о морфонологическом чередовании. Систематическое описание таких чередований и составляет ту область языкознания, которая называется морфонологией.

Следует заметить, что некоторые виды морфонологического чередования оказываются несвязанными с данной конкретной морфемой или морфемами. Иными словами, некоторые звуки в составе морфем определенным образом и совершенно регулярно и обязательно взаимно заменяются (чередуются) в зависимости от известных фонетических условий. Такие чередования называются автоматическими. Изучающий их раздел морфологии соответственно приобретает особый характер, располагаясь ближе к фонологии, чем к морфологии¹. Так, например, в современном английском языке по крайней мере 3 омонимические морфемы [-Z¹, -Z² и -Z³] характеризуются при их реальном воспроизведении автоматическим чередованием 1) -s 2) -iz, 3) -z, в условиях дополнительного распределения — соответственно 1) после глухого согласного, 2) после свистящих и 3) во всех остальных случаях.

Однако простыми случаями, вроде только что приведенного, дело не ограничивается. Морфонологические чередования, так-

¹ Автоматическому чередованию противопоставляется неправильное, достаточное или уникальное чередование, которое оказывается, таким образом, наиболее морфологизованным. Все остальные располагаются между этими двумя полюсами, связываясь с классами фонем разной величины.

же как и вообще явления языка, не поддаются вполне однозначному делению на типы и разряды. Весьма поучительным в этом отношении является вопрос о соотношении русских *и* и *ы*¹. Как известно, правило выбора (*i*) или (*ы*) может как будто бы формулироваться следующим образом: (*i*) употребляется (избирается, воспроизводится) в начале морфемы после паузы или при тесном контакте² с предшествующей морфемой после гласного или мягкого согласного; (*ы*) в начале морфемы после твердого согласного при тесном контакте² с предшествующей морфемой; например, *игры, проигрывать, выигрывать, но в игры (выгры), их игры (их ыгры), обыгрывать, разыгрывать*; далее, *синие, но красные; поле и лес, конь и вол, но лес и поле (л'эсыпол'э), вол и конь (волыкон')*; *лучи, но карандаши (-ы)* и т. п.

Если бы дело ограничивалось только что изложенным, то случай с *i* и *ы* отличался бы принципиально от более простого, разъясненного на примере с английским [-Z]. Но, как оказывается, здесь возникают серьезные осложнения. Выясняется, что описанные выше чередования являются фонетически совершенно обязательными только если соответствующие звуки в составе данных морфем не чередуются (в одних и тех же условиях) с какими-либо другими звуками. Так, например, чередование (*i-ы*) является фонетически обязательным в морфеме (-игр-ыгр-) только при том условии, что на месте этих гласных не встречаются никакие другие звуки. Фонетически обязательным это чередование оказывается и в морфеме *-ие (-ые)*, хотя оно и осложняется наличием таких форм прилагательных, как *лисы, олени, медвежьи, мышь*³.

¹ Ср. Реформатский о *Кире* и *Кыре*.

² О термине «при тесном контакте» в связи с juncture, диэремой и т. п. см. стр. 77.

³ В связи с этим случаем существенно обратить внимание на следующее. Если конечную морфему этих прилагательных выделять в виде [-jɪ] и считать ее вариантом (алломорфой) морфемы *ие/ые*, то может показаться, что [i] и (ы) в морфеме *-ие (-ые)* чередуются не только между собой, но также и с [j] — в варианте [-ji] этой морфемы, например, *синие — олени, рыжие — медвежьи*. Но тогда их чередование с [j] представится фонетически не обусловленным. Однако парадигма склонения прилагательных типа *лисий, олений, медвежий* как будто свидетельствует о другом: вряд ли можно считать [j] в окончании [-ji] звуком, соответствующим [i] или (ы) в варианте *-ие* или *-ые*. Гораздо больше оснований соотносить их с последующим [i] и не находить для [j] реального эквивалента в звуковом составе варианта *-ие (-ые)*, считая его либо соответствующим нулю, либо вообще принадлежащим не флексивной морфеме, а основе, т. е. [j] в -ji = 0 в [-]ijə, [-]yjə, или — [-]ijə — [-]yjə.

Данное чередование, т. е. (*и-ы*), характеризуется следующими свойствами. В варианте (—[j/i]) звук [i] обуславливается предшествующим мягким согласным, т. е. [j]. Ясно, что это чередование является обязательным и в том случае, если окончание (—[j/i]) считать не вариантом морфемы (*-ие/-ые*), а особой морфемой, так как в этом случае (—[j]—) вообще не сопоставляется с *-ие/-ые* с точки зрения чередования звуков.

Совершенно особый интерес для теории морфонологических альтернатив (чередований) представляет чередование *i/ы* в составе таких морфем, как союз *и* и *-и* в качестве показателя множественного числа существительных. Так как обе эти морфемы состоят из одного только звука, отождествление их звукового состава с *i/ы* возможно лишь при условии, если будет признано автоматическое чередование *i/ы*, т. е. их взаимное замещение в зависимости от фонетического окружения. По-видимому, факты дают для этого все основания. Так, например, *поле и лес (i)*, но *лес и поле (ы)*. Считать, что *и* в первом и во втором случае — не одно и то же слово, а два полных синонима, нет никаких оснований. Вряд ли можно сомневаться в том, что данное звуковое различие может быть целиком отнесено за счет различия в фонетических условиях, т. е. что выбор между тем или другим из данных звучаний определяется полностью и только этими условиями.

В случае с чередованием (*i* и *ы*) в значении множественного числа дело осложняется тем, что в этом же значении и в тех же условиях в русском языке употребляются и другие звуки, например */-a/*, в *дома, края* и т. п. Хотя (*-a*) встречается в тех же условиях, что и (*i*) и (*ы*), однако выбор между (*-a*), с одной стороны, и (*—i*) — (*ы*), с другой, фонетически не обусловлен. Поэтому окончание (*—a*) является особым окончанием, лишь синонимическим с (*—и*), (*—ы*)¹. Из сказанного следует, что поскольку (*i*) и (*ы*) взаимно заменяют друг друга в соответствии с определенными фонетическими условиями, они отождествляются на том же основании, на каком отождествляются (*i*) и (*ы*) как варианты союза *и*.

Для того чтобы избежать схематизма в трактовке вопроса о морфонологических чередованиях, необходимо остановиться еще на одной категории явлений. Нередко обязательность чередования оказывается неполной, ограниченной. Если взять в качестве примера чередование *[b] ~ [p]* в русском языке, то получится сложная система отношений, которую можно описать так: в конце морфемы при звонком в начале следующей морфемы того же слова, а также перед звонким шумным (за исключением *[v]*) следующего слова, при тесном контакте между словами будет *[b]*. В положении же перед паузой или перед глухим согласным последующей морфемы, а также перед гласными, сонорным согласным или *[v]* следующего слова будет *[p]*; например *труба, трубный, труб дали много, — труб [-p], трубка [-p], труб не было [-p], труб восемь [-p]* и т. п. Но в предлоге *об* *b* не чередуется с *[p]* перед гласным, сонорным согласным или *[v]* следующего слова, например, *об этом, об него, об воду* (просторечные варианты при литературных *о него, о воду*). Чередова-

¹ Злоупотребление семантикой, которое проявляется при трактовке аналогичных вопросов в дескриптивной лингвистике, неоднократно подвергалось критике.

ние [b] ~ [p] имеет место также и в следующих случаях: *глубокий* — *глубь* [-p] — осложненное чередование с [p'] в *прорубленный* — *прорубь* [-p], при *лесоруб* [-p] и с [b'], например, в *глуби*, *глубина*; *рубить*, в *проруби* и т. п. Общим выводом принципиального характера, который следует сделать из приведенных фактов, является следующий: чередование [b] ~ [p], которое в конце определенных морфем является автоматическим, в других условиях зависит от тех или других нефонетических моментов. Такого рода случаев и является предлог *об*. В этом слове глухой вариант [p] не встречается во всех тех положениях, в которых [b] других морфем теряет голос, но вообще свойственно лишь просторечию (ср. *об стол*). В литературном языке в этих условиях оказывается нуль (соответственно — *о стол*). Иными словами, в определенных случаях чередование [b] ~ [p] оказывается уже не автоматическим, а ограниченным известными морфологическими отношениями между теми единицами, в состав которых входят данные морфемы. Можно поэтому сказать, что в определенных условиях чередование [b] ~ [p] оказывается обязательным лишь ограниченно или условно — в том смысле, что оно имеет место лишь постольку, поскольку данная морфема принадлежит к определенной категории и поскольку между единицами, в состав которых входит данная морфема, имеются определенные морфологические отношения.

К сказанному необходимо добавить, что чередование [b] ~ [p] в русском языке является примером не только ограничено обязательного чередования, но и чередования в известных пределах необратимого, т. е. такого, при котором один звук в известном положении обязательно заменяется другим звуком, но этот последний не всегда заменяется первым в тех же положениях. Так (в парадигме склонения), [b] в конце слова обязательно переходит в [p], если не имеется тесного контакта с последующим словом, начинающимся со звонкого шумного согласного (кроме [v]). Однако [p] конца слова не обязательно заменяется даже в пределах парадигмы склонения звуком [b] перед гласным внутри слова, откуда, например, *столбы* — *столб* [-lp], но *столп* — *столпы*, наряду со *столб* [-lp] — *столбы*. Но в пределах отдельных морфем чередование оказывается, конечно, обратимым. Поскольку, например, русское звуко сочетание [stolp] выступает не как представитель определенного фонетического типа морфем в известных морфологических и фонетических условиях, но именно как форма корневой морфемы слова *столб*, постольку [-p] в этом звуко сочетании оказывается членом обратимого чередования [b ~ p]. Иными словами, [b] и [p] в данной конкретной морфеме в пределах парадигмы склонения слова *столб* будут взаимно заменяться автоматически в соответствии с фонетическими условиями.

Все изложенное дает основание для ответа на следующий вопрос. Какое место в морфологическом исследовании должна

занимать морфонология? Или иначе, какая часть морфологического исследования должна быть фономорфологической?

Ответ представляется вполне однозначным. Формальный анализ парадигм — неотъемлемая часть морфологии. Сущностью же этого анализа является обнаружение фонологических сходств (подобий) и различий в парадигмах, их членах и составных частях. Иначе говоря, в морфологию обязательно должен включаться раздел, изучающий морфологическое использование фонологических различий, т. е. морфофонологию.

Приведенное определение задач и существа морфофонологии дает достаточно определенное представление о соотношении фонологии и морфологии и задачах морфофонологии. Было бы ошибкой, однако, сделать из изложенного вывод о единой иерархии всех лингвистических единиц. Упрощенным, а потому неверным было бы представлять морфемы просто как состоящие из одной или нескольких фонем (соответственно — слово как состоящее из одной или нескольких морфем и т. д.).

Для более углубленного проникновения в сущность основных лингвистических категорий значительный интерес представляют попытки применения понятий общей теории связи (теории информации) к этой области знания. При этом подходе морфонологическая система языка — это код, определяющий работу фонологического уровня, т. е. преобразование при передаче сообщения потока морфем в поток фонологических единиц. Этот же код управляет и обратным процессом — преобразованием потока фонем в поток морфем при приеме сообщения. Фонологическая система языка имеет в своем распоряжении строго ограниченный запас сигналов, которые могут передаваться только в соответствии со строго определенными моделями их относительного расположения. Иными словами, поток морфем может быть преобразован в поток фонем только в строгом соответствии с закономерностями данной фонологической системы. Фонетическая система — это код, согласно которому поток фонологических единиц преобразуется в звуковые волны.

Изложенное может легко быть соотнесено с физическими свойствами речевого потока. Как известно, синусоидальный сигнал как таковой представляет собой чистый тон, чистый гармонический сигнал, и он только тогда может служить для передачи сообщения, если его определенным образом «маркировать», снабдить определенными «заметками», т. е. определенным образом его промодулировать, исходя из заданного сообщения. Модуляция¹ определяется данным речевым сообщением, но при

¹ Модуляция — это, вообще говоря, процесс превращения сообщения в сигналы, способные нести информацию, для передачи его через соответствующую среду. Технически модуляция вызывается необходимостью приспособить сообщения для передачи через среду, т. е. преобразовать принятые сигналы таким образом, чтобы они могли бы быть переданы по назначению.

всех условиях с точки зрения собственно акустики речевые сигналы непрерывны; они анализируются, воспринимаются как дискретные уже с точки зрения языкознания¹. Воспринимая речевой сигнал, лингвист может подвергнуть его фонематическому анализу, применяя для этого вполне точные методы современной фонологии. Записав полученный речевой сигнал, лингвист может перейти к морфологическому анализу, что потребует одновременного проведения и анализа тактического, т. е. учета особенностей порядка следования и взаимного расположения морфем — операция уже гораздо более сложная, чем первая. Иначе говоря, подобно тому, как с внешней стороны речевой сигнал представляет собой передачу в виде непрерывного потока дискретного ряда фонем, сам этот ряд фонем (не имея самостоятельного значения для передачи смысла, а будучи сделанным только для того, чтобы служить внешней звуковой оболочкой для передаваемых носителей смысла — морфем и т. д.), выступит уже как средство передачи качественно отличного от него непрерывного же потока единиц более высокого порядка — потока морфем. Предположим теперь, что на новом уровне исследования привлечена морфонология, которая рассматривает морфемы не как инварианты, не в отвлечении от конкретных вариантов или морф, в виде которых они только и могут реально воспроизводиться в речи, а как конкретные единицы сообщения, представленные своими соответствующими вариантами на фонологическом уровне, т. е. как система правил для перевода рядов фонем в ряды морфем. Предположим, далее, что при нормальном слушании, без записывания и последующего специального исследования полученного речевого сигнала, морфонологический анализ сигнала включается автоматически после столь же автоматического квантования поступающего звукового потока. Все равно и в этом случае самая существенная с лингвистической точки зрения часть всего процесса так и останется не только не проанализированной, но и принципиально не поддающейся анализу доступными в настоящее время точными методами, так и останется глобальной, принципиально недоступной переводу из непрерывного ряда в дискретный. До сих пор не поддаются вполне научному предсказанию изменения состояний первоисточника сигнала — говорящего человека, обусловленные всем тем, что происходит в остальной (кроме занятой непосредственно в образовании речевых сигналов) части его центральной нервной системы, т. е. непрерывным поступлением разнообразных восприятий, удерживанием одних из них, перестройкой других, задерживанием третьих и т. п.

¹ Этот процесс должен быть обратимым, т. е. дискретный ряд должен поддаваться переводу в непрерывный. Иными словами, если непрерывный ряд акустика и дискретный ряд лингвиста правильные («корректные»), то для каждого отрезка должна существовать система операций, обеспечивающая взаимно-однозначные переводы — соответствия.

Отсюда вполне естественным является вывод, что морфемы не могут рассматриваться как состоящие из фонем. Морфемы — это неделимые единицы. Данная морфема лишь представляется определенным расположением фонологического материала. Если данный представитель данной морфемы обозначается термином морфа, то можно сказать, что морфа обладает известной фонологической структурой, т. е. состоит из данного порядка фонем. Это поясняется на следующем примере. В телеграфии два коротких импульса напряжения представляют (репрезентируют) букву *i*. Но это не значит, что буква *i* реально состоит из двух коротких импульсов напряжения: буква — это неделимая единица в системе письма. Но так как эта буква представлена, ее «представление» в телеграфии обладает структурой, определяющейся в терминах более мелких повторяющихся единиц: в данном случае — двух точек. Подобно только что изложенному, например, английская морфема [boy] в ее реальных воспроизведениях представляется соответствующими морфами, которые и состоят из определенным образом расположенных фонологических единиц. Из сказанного следует, что предметом морфонологии является не то, каким образом разные морфы в разных окружениях объединяются как принадлежащие к одной и той же морфеме. При охарактеризованном выше подходе морфонология выступает как «сложный код, определяющий фонологическую репрезентацию морфем и их рядов».

Совершенно аналогично только что изложенному нельзя сказать, что фонема или другая какая-либо фонологическая единица физически присутствует в речевом сигнале. То, что в нем присутствует и может быть непосредственно воспринято, — это репрезентация фонемы. Иными словами, ни морфемы, ни фонемы не поддаются непосредственному наблюдению; они могут быть лишь выведены из непосредственно воспринимаемых фактов, отвлечены от них. В плане гносеологическом они выступают как общее, которое существует в отдельном и через отдельное¹.

¹ Хотя эта сторона вопроса неоднократно уже освещалась в нашей литературе, представляется существенным еще раз указать на существование принципиально различных подходов разных школ к соотношениям рассматриваемого типа. Для идеалиста первичным, исходным являются «эмы» — фонемы, морфемы, семемы и проч., которые существуют идеально, трансцендентно, до их материализации или реализации, а фона морфа, сема и т. п. — это вторичное, производное. Научный материалистический подход исходит из того, что первичным и основным является реальное проявление — морфа, сема, фона и т. п., а морфема, фонема, семема и т. п. — это то общее, что существует в отдельном, в отдельных проявлениях и через них, как всякое общее, которое существует только в отдельном и через отдельное.

Следует заметить, что невозможность сведения морфем к некоторым суммам или последовательностям фонем приобретает все более широкое признание. Распространено также мнение, что метод дистрибуции не оправдал своих претензий и что его практическая непригодность (*impracticableness*) теперь уже должна быть включена в число принятых допущений¹. Работы Всемирного 9-го съезда лингвистов представляют в этом отношении очень большой интерес². Чтобы дать представление об общем направлении современной лингвистической мысли в этой области остановимся на следующих двух примерах.

Исследуя один из северных ирокезских языков, Поль М.Postal³ показывает, что обычная дескриптивная методика не дает возможности адекватного анализа структуры этих языков, так как для этого необходима гораздо более абстрактное представление структуры, т. е. такое ее представление, которое предусматривало бы выделение элементов лишь косвенным образом отражаемых на дифференциальном уровне, а также учитывало бы наличие особых формальных отношений между предложениями. Со свойственной ему предельной ясностью разъясняет существо вопроса М. Халле. Выступая в обсуждении вышеуказанного доклада Ф. Р. Пальмера⁴, Халле соглашается с утверждением последнего о невозможности прямого ассоциирования разных морфологических компонентов высказывания с их фонемическим строением (фонемным составом), поскольку науке известны разнообразные морфонологические процессы, такие, как умлаут, аблаут, удлинение, редупликация, спирантизация и др. Существование подобного рода явлений разрушает взаимно однозначное соответствие между морфологическим содержанием высказывания и его фонемным составом. В качестве примера рассматривается парадигма ед. ч. двух классов имен жен-

¹ B. M. H. Strang. Theory and practice in Morpheme identification. «Proc. of the 9th Intern. Congr. of linguists», p. 359.

² Имеются в виду такие работы, как F. P. Palmer. Grammatical categories and their phonetic exponents; Lehiste, Ilse. Compounding as a phonological process. «Proc. of the 9th Intern. Congr. of linguists», p. 331.

³ P. M. Postal. Mohawk Prefix generation. «Proc. of the 9th Intern. Congr. of linguists», p. 346. Необходимо всячески подчеркнуть все эти явления, как безусловно заслуживающие самого пристального внимания. Хотя ограниченность, крайняя односторонность дескриптивной методики была ясна с самого начала, она получила очень широкое распространение и в течение долгого периода времени занимала главенствующее положение, особенно на нижних уровнях исследования языка.

⁴ «Proceedings of the 9th Intern. Congr. of linguists», pp. 344—345. Совершенно ясно, что в морфонологии естественных языков нельзя обойтись без выявления и таких процессов, которые не соблюдают взаимнооднозначного соответствия между морфемами и последовательностями фонем. Это не значит, конечно, что к подобного рода построениям не может стремиться интерлингвистика, занимающаяся поисками вспомогательных искусственных языков, начиная от классических международных и включая языки-посредники для машинного перевода, языки-эталон для типологии, абстрактно логические языки науки и т. п., и проч.

ского рода в латышском языке, а именно *māsa* и *māte*. В отличие от традиционного описания, Халле указывает на проявляющиеся в этой парадигме реальные фonomорфологические процессы, состоящие в том, что показателями категориальных форм им., род. и дат. падежей являются соответственно нуль, -s и -j, локатив образуется удлинением конечного гласного (*mā-sā, mātē*), а акузатив — превращением гласного в более высокий (узкий), приданием ему диффузного характера (в терминах системы универсальных фонологических противопоставлений Якобсона), т. е. соотв. *māsu, māti*.

МОРФОЛОГИЯ КАК УЧЕНИЕ О ПРЕДЕЛЬНЫХ ЗНАЧАЩИХ ЕДИНИЦАХ ЯЗЫКА

1. О ДВУСТОРОННОСТИ МОРФЕМ

Конституирующей для элементов более высоких уровней, таких, как морфемы, слова, конструкции и словосочетания, выступающие в функции слов, является их двусторонность¹, т. е. наличие у них не только определенной внешней формы, определенного закономерно построенного звучания, но и определенного значения. В фонетике и в фонологии исследователь может вести рассуждение в терминах чисто формальных² связей и соотношений, не касаясь природы того содержания или значения, которое изучаемые им звуковые знаки призваны передавать. Но как только он переходит к следующему уровню, перед ним сейчас же возникает гораздо более сложная проблема, мимо которой (так же, как и мимо вопроса о фонологическом изучении звуков языка) не могло пройти ни одно лингвистическое направление³.

¹ Материалистическое понимание двусторонности (билатеральности) языковой единицы, исходящее из реальности, материальности звуковой формы обозначающего и реальной, фактической, внеязыковой обусловленности строения обозначаемого, диаметрально противоположно идеалистическому пониманию двусторонности языкового знака как двусторонности «в себе», т. е. как идеальной функции двух функтивов полностью и эксплицитно оторванной как от реального вещественного значения, так и от конкретной звуковой материи языка.

² Поэтому звуки языка в отличие от морфем, слов и т. д. не являются единицами языка в подлинном смысле слова. Они не имеют собственного значения, представляют собой односторонние единицы, служащие для различения звуковых оболочек слов и морфем. Структура обозначающего вследствие своей дискретности, прерывности принципиально отлична от структуры обозначаемого, которая имеет глобальный, непрерывный характер и потому не может без игнорирования ее специфики быть подвергнута последовательному линейному анализу.

³ Подробно об этом см. мои «Очерки по общей и русской лексикологии». М., Учпедгиз, 1957, стр. 9—57, а также «Лингвистическое значение и его разновидности» в сб. тезисов «Проблема значения в лингвистике и логике». Изд-во МГУ, 1963; А. И. Смирницкий. Звучание слова и его семантика. ВЯ, 1960, № 5.

Иными словами, переход от дифференциального уровня языка к уровню семантическому связан с открытием и описанием качественно отличных явлений. Если раньше дело ограничивалось только одной категорией — категорией семиологической релевантности, то теперь появилась сложная и многоярусная система взаимосвязанных категорий — формально-языковых, психологических, логических, стилистических¹.

Из сказанного ясно, что морфемы не только звучат по-разному, но и значат не одно и то же. Выделить первостепенную важность семантических различий необходимо для того, чтобы показать, что эти различия не являются простой функцией различий звуковых. Например, *-и* и *-эй* им. и вин. пад. мн. ч. являются разными морфемами прежде всего не только потому, что они звучат по-разному, а потому, что значат разное, имеют разную семантику; семантическое различие останется вполне определенным и в случае, например, *жеңа, веретена, стена, окна*². Поэтому превращение (замена) родительного падежа *веретена* падежом дательным — *веретену* не есть замена звука (фонемы) *а* звуком (фонемой) — *у*. Для того чтобы произвести эту трансформацию, необходимо мыслить другое грамматическое значение.

Семантика — такой же конституирующий элемент двусторонней языковой единицы, как и ее звучание: взятое без семантики, звучание не является языковой единицей, а представляет собой лишь одну ее сторону, ее звуковую оболочку; так же и

¹ По-видимому, все такие категории участвуют в создании того однозначного соотношения (singleness of reference), которая отличает функционирование единиц семантического уровня от единиц уровня дифференциального, где дело ограничивается простым «что то другое», «не то» (otherness; см. Jakobson и Halle, цит. произв., стр. 11). Однако, как будет показано ниже, критерий тождества-различия и сейчас играет большую роль также и для определения единиц семантического уровня; ср., например, C. F. Voeglin. Meaning Equivalence. «Lang.», 24, 1948, No. 1; W. Haas. Semantic Value. «Proc. of the 9th Intern. Congr. of linguists», p. 1071.

² А. И. Смирницкий (см. статью «Звучание слова и его семантика». ВЯ, 1960, № 5) поясняет это на следующем примере: *туца* и *куца* различаются, являются разными словами не только потому, что одно из них имеет в начале (т), а другое (к), но и потому, что они имеют различную семантику, значат разное. Возможен такой дефект речи, при котором вместо звука (к) произносится звук (т), так что при этом дефекте оба слова будут звучать одинаково, но все же они останутся разными словами, даже в речи того лица, которое заменяет (к) через (т). Поэтому в частности нельзя говорить, что фонемы (например, те же (к) и (т)) различают смысл, (т. е. семантику) слов: они различают не смысл (семантику), а звучание слов, и поскольку слова различаются (и притом обычно различаются) не только семантикой, но и звучаниями, постольку фонемы участвуют в различении слов.

Заметим, что особенно наглядно это в речи детей, где количество омонимов очень велико: (гльза) — глаза и гроза; [кас'ка] — каска, краска и кашка и т. п. Любопытно, что ребенок обычно даже не замечает совпадения по звучанию в своей речи таких совершенно разных единиц. Ср. B. Malmberg. Minimal systems, potential distinctions, and primitive structures. «Proc. of the 9th Intern. Congr. of linguists», pp. 78—84.

семантика сама по себе не составляет языковой единицы, а является лишь ее семантическим наполнением. Неразрывная связь между дифференциальным и семантическим уровнями определяется также тем, что изменения в составе фонем могут непосредственно обуславливаться лексическими изменениями, которые, в свою очередь, являются прямой реакцией на изменения в общественной жизни говорящего коллектива¹.

2. О СООТНОШЕНИИ «ПОНЯТИЯ» И «ЗНАЧЕНИЯ»

Методологической основой советской науки является монистическое материалистическое миропонимание — единство объективно существующей материальной действительности, весьма разнообразной в своих различных проявлениях, но имеющей одну основу — материю. Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи.

В сознании отражаются не только единичные факты, но и то общее, что в них содержится. Высшая форма сознания — мышление — есть отражение не отдельных, единичных фактов, а общих закономерностей, общего, содержащегося в частном.

Основными единицами мышления, в которых происходит обобщение частных случаев, являются понятия. Мышление и его единицы-понятия нуждаются в опоре. Для того чтобы они могли существовать и развиваться, необходимо, чтобы параллельно с восприятием действительности, отражением в сознании ее фактов и закономерностей осуществлялось восприятие внешней звуковой стороны языка как особого рода частных, конкретных и индивидуальных явлений.

Из сказанного следует, что, если отправляться от понятий, то значения языковых единиц вполне логично могут предстать как понятия, связанные с определенным звучанием, с определенной звуковой формой. Однако нельзя не считаться с тем фактом, что понятия выступают как неразрывно связанные с их конкретными внешними проявлениями в виде звуков. Они образуют единство с воплощением их в звуках, со (вторичным) отражением в сознании тех звучаний, в которых они воплощены. Кроме того, нельзя не учитывать и взаимосвязи понятий: каждое понятие существует не изолированно, а входит в систему понятий.

¹ R. Jakobson. The phonemic and grammatical aspects of language in their interrelation. «Actes du 6 Congrès Intern. des linguistes», pp. 5—18. Paris, 1948; A. Graur. Role des facteurs morphologiques dans l'évolution des phonèmes. «Proc. of the 9th Intern. Congr. of linguists», pp. 765—766 (там же выступления Р. Якобсона и М. Козна — Marcel Cohen); H. Hoijer. Linguistics and cultural change. «Lang.», 24, 4, 1949.

Таким образом, понятия приобретают трехстороннюю обусловленность:

1. Они основываются на познании действительности. При этом, являясь элементами мышления, они представляют общее, извлеченное из бесконечного многообразия объективной действительности.

2. Поскольку понятия не существуют и не могут существовать без опоры на конкретные, частные явления данной звуковой формы, они зависят в известной мере от существующих в ней особенностей и различий. Таким образом, по-видимому, создается обратная зависимость мышления от языка: мышление, по-видимому, возникая, прежде всего, через отражение действительности, видоизменяется от той системы внешних (звуковых и пр.) различий, с которыми в данном языке связываются данные понятия?

3. Понятия модифицируются не только данной системой внешних различий, но также и тем, что они существуют не изолированно, а входят в систему понятий. Дальнейшее познание действительности, направленное на более адекватное ее отражение, меняет как отдельные понятия, так и их общую систему. Параллельно изменяется и внешняя (звуковая) сторона, то, с помощью чего понятия фиксируются в сознании. Более углубленное познание действительности, развитие и усовершенствование самих понятий оказывается связанным с преобразованием системы их внешнего различения.

Важным средством для усовершенствования понятия является осмысление его отношения к другим понятиям; в этом осмыслении отражается познание связи между отдельными явлениями самой действительности. Для этого большое значение имеет развитие терминологии, которая дает возможность не только осмыслить отношение понятий к действительности, но и отношения, существующие между понятиями как членами, составными частями, определенной терминологии. Для установления терминологии имеет большое значение углубление, усовершенствование понятия при помощи определения. Давая определение, например, слова, мы уточняем связь этого понятия с другими элементами действительности — фонемой, морфемой, предложением и т. п. и, таким образом, углубляем и развиваем наше понятие действительности. Осознание связи данного понятия с другими понятиями не только помогает проникнуть в существо реальных связей явлений действительности, но и приводит в дальнейшем к качественному изменению самого понятия. Так, например, в содержании слова *звезда* уже с самого его возникновения отражается то общее, что могло быть воспринято из реально имеющегося в бесчисленном количестве индивидуальных звезд. Когда этому понятию было дано научное определение (*звезда* — самосветящееся раскаленное мировое тело), слово *звезда* оказалось включенным в соответствующую терминологию.

гию, стало термином. В дальнейшем то, что было только что приведено как определение термина *звезда* может стать общественно осознанным значением этого слова, т. е. тем его содержанием, с которым оно существует как единица данного языка.

То, что понятия реально существуют только в словах, раскрываются в их значениях, не только позволяет нам указывать на отдельные единичные явления действительности, выделять, отмечать и различать их, но и вскрывать в них нечто общее с другими явлениями, т. е. связывать их со всем нашим обобщенным предыдущим опытом.

Выделяя и исследуя слова как основные единицы языка лингвист не может ограничиваться лишь описанием их общих (глобальных) значений. Научное изучение языка обязательно требует проникновения в строение этих основных и важнейших единиц, принципы и закономерности их функционирования.

3. СОДЕРЖАНИЕ И ВЫРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

Изложенное в предыдущем разделе можно суммировать следующим образом. Предметом морфологии является соотношение выражения и содержания в языке, тесно связанное с вопросом о соотношении формы и функции. Точное определение этого соотношения затрудняется тем, что язык подвержен сложным морфонологическим закономерностям и в отличие от рациональных знаковых систем, не обнаруживает простого соответствия между означающим и означаемым. Особенно наглядно это свойство проявляется в языках, изобилующих синтетическими формами: здесь установить простые, однозначные соответствия оказывается невозможным даже для продуктивных образований. Так, например, даже для такой словоформы, как *звал*, нельзя установить прямого и однозначного соответствия между данным звуковым и орфографическим комплексом, с одной стороны, и тем сложным комплексом содержаний, которые сообщаются этими скудными звуковыми средствами, т. е. время, число, залог, наклонение и т. д., с другой¹.

Рассматривая единицы языка с точки зрения соотношения содержания и выражения, можно выделить определенные морфонологические типы. В своем выступлении на 6-м съезде (1948 г.) лингвистов, проводшем специальный симпозиум по морфологии, А. Мартине классифицировал их следующим образом:

¹ Теоретически рассуждая, каждое из отдельных значений, содержащихся в такого рода сложных комплексах, может быть абстрагировано, выделено в качестве минимальной единицы значения. Это отнюдь не означает, однако, что даже теоретически каждой из таких единиц может быть приписана определенная минимальная единица выражения. Теперь эти вопросы могли бы обсуждаться в терминах «гипо-лингвистики» («hypo-phonématique»). Ср. «Proc. of the 9th Intern. Congr. of linguists», p. 267.

1) Синтетические формы, т. е. такие, где локализация выражения или обозначаемого чрезвычайно затруднена. Например, в латинском *egat* с синхронической точки зрения нельзя сказать, чем выражено понятие бытия, понятие изъявительного наклонения и понятие имперфекта; в *ато* неразложимое -о сочетает несколько морфем в одном «форманте». Иными словами, значения синтетических грамматических форм в большинстве случаев являются комплексными, т. е. представляют собой определенные соединения разных категориальных грамматических значений. Например, грамматические формы существительных в русском языке регулярно содержат комплексные значения падежа-числа.

2) Образованные посредством инфиксации или внутренних чередований (альтернатив). Например, лат. *tango*; фр. *peux, puis, pouvoir*; англ. *sing, sang, sung, song*.

3) Образованные посредством флексий (*désinences*) значения, которых можно установить только в сочетании с определенными лексическими морфемами. Например, -а в *стена* (*стен -а* является формой им. п. ед. ч. ж. р., а в сочетании *стол -а* — род. п. ед. ч. м. р.).¹

Единицы, выделяющиеся первой лингвистической артикуляцией (*première articulation linguistique*, по Мартине), можно изучать, отправляясь со стороны содержания, исходя из определенного инвентаря значений, зарегистрированных для данного языка (как это предлагали делать, например, Есперсен и Блейк при изучении падежей). Можно подходить к этим единицам и со стороны их формы, которая обладает большой степенью автономности, повинуется своим особым законам развития и функционирования² (следует напомнить, что и в первом случае, т. е. отправляясь от системы значений, исследователь не сможет обойтись без рассмотрения тех средств, которые используются для выражения значений данного языка). Следовательно, какая сторона ни принималась бы за отправную точку, исследование будет лингвистическим только в том случае, если оба указанных выше подхода будут выступать как рассмотрение двух сторон одного предмета — единства формальной и содержательной сторон. Это единство имеет диалектический харак-

¹ Следует заметить, что проблема такого рода морфонологических типов по-разному трактуется в зависимости от того, которому из трех основных аспектов грамматической категории приписывается ведущая роль: обобщенному грамматическому значению (Шахматов), парадигме (Пешковский) или воспроизводимости (Поливанов).

О полной непригодности для морфологии традиционного механического дистрибуционализма очень определенно высказался А. Мартинэ: см. «Proceedings of the 9th Intern. Congr. of linguists», p. 527.

² Относительная автономия фонетического и грамматического изменений показана А. И. Смирницким в его работе «Взаимоотношение между редуцией гласных и историей грамматической системы имени в германских языках». «Изв. АН СССР», ОЛЯ, X, 2, 1951.

тер: каждая из сторон не только обладает известной автономностью, но и может вступить в известное противоречие, с другой. Иными словами, установленные в общем для данного языка закономерности связи означающего и означаемого могут нарушаться. Отсюда такие понятия, как синкретизм (грамматическая омонимия) и суспенсия. Синкретизм — это совпадение означающих при различении означаемых. Суспенсия — это утрата противопоставления означаемых при сохранении различий в означающем. Например, синкретизм дат. и предл. пад. в ед. ч. ж. р. в русском языке приводит, по-видимому, к утрате соответствующих грамматических противопоставлений, соответствующего различения грамматических значений. Но, например, суспенсия грамматического противопоставления в таких сочетаниях, как *рюмка коньяка* и *рюмка коньяку*, не влечет за собой синкретизма соответствующих формативов.

Случаи синкретизма и суспенсии отнюдь не опровергают общего правила соотношения выражения и содержания в языке. Нормально внешне тождество или подобие двух или более единиц языка является свидетельством их внутреннего тождества или подобия и, наоборот, отсутствие внешнего тождества или подобия, т. е. внешнее различие, свидетельствует о различии внутреннем. Поэтому, констатируя внешние различия таких, например, словоформ, как *встретя*, *встретив* и *встретивши*, естественно было бы заключить о наличии между ними соответствующих внутренних различий и сделать попытку определить содержание этих различий. Однако, принимая изложенное как основное или общее правило, основной закон языка, нельзя вместе с тем забывать о свойственной языку тенденции к нарушению этого общего «закона знака».

Внимание лингвистов было привлечено к проблеме ассиметрии содержания и выражения в языке, впервые с такой ясностью и яркостью постановки вопроса, в известной статье Карцевского «Об ассиметрическом дуализме лингвистического знака»¹. Дальнейшая его разработка оказалась связанной со сложными техническими и терминологическими вопросами. Так, например, значительный интерес вызвал вопрос о путях и возможностях замены термина «грамматическая омонимия» термином «нейтрализация на дифференциальном уровне» (с вытекающими отсюда выводами о возможности представить это явление как своеобразный процесс); еще более сложной явилась бы постановка вопроса о нейтрализации на семантическом уровне, которая пришла бы на смену понятию синонимии². Очень важным оказалось также попытаться выяснить подлинную природу

¹ «Du dualisme asymetrique du signe linguistique». TCPL, 1, 1929.

² «La notion de neutralisation dans la morphologie et la lexicque». Travaux de l'institut de ling. Paris, 1959.

синкретизма¹, до сих пор представляющего в несколько туманном и расплывчатом виде. По-видимому, основным принципом здесь должен явиться аспект продуктивности несинкретизированных форм словоизменения и, следовательно, их способность индуцировать данное содержание в синкретизированных формах. Так, например, вряд ли можно сомневаться в том, что такие формы, как *крыса* — *крысу*, в русском языке способны расщепить такие формы, как *мышь* им. ед. и вин. ед. Но нет никаких оснований предполагать, что, например, в английском языке есть такие элементы в его морфонологическом составе, которые могли бы явиться основанием для идеи о синкретизме категориальных форм дательного, винительного и др. внутри категориальной формы так называемого общего падежа.

Сказанное о диалектической противоречивости содержания и выражения отнюдь не означает, как уже можно было видеть из приведенных выше соображений, что это важнейшее соотношение вообще не поддается квантованию. Напротив того. Следует всячески подчеркнуть, что омонимические (синкретизированные, суспензированные и т. п.) морфемы представляют собой лишь отдельные вкрапления в систему языковых парадигм. Несмотря на неуспехи метода изоморфизма, последовательное проведение аллоэмического принципа в исследовании языка представляет большой интерес и теперь, т. е. уже после 9-го съезда лингвистов и той вполне обоснованной критики, которой подвергся на этом съезде классический механический дескриптивизм.

Как известно, термины морфа и алломорфа широко применяются в языкознании наряду с фоной и аллофоной, закономерно соотносясь с морфемой в терминах отдельного и общего². Нельзя не заметить, однако, что эти понятия (термины), привлекая полной кодовой пропорциональностью терминам и определениям дифференциального уровня, имеют по сравнению с первыми тот недостаток, что включают никак не определенное «значение». Поэтому серьезного внимания заслуживают имеющиеся попытки подвергнуть значение анализу с последующим синтезом в терминах эмовой терминологии. Одна из известных попыток этого рода имеет следующий вид:

¹ Думается, что именно явление вариантности форм, избыток грамматического выражения, нарушение закона знака в сторону умножения внешних различий без установления соответствующих им внутренних различий (т. е. суспензию), мы имеем в таких случаях, как *похмура*, *похмури*, *похмуриши* и т. п. (ср. Р. Якобсон. *Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb*, Russ. «Lang.», Project, Haw. univ., 1957). Думается, что формы этого ряда не являются свободно взаимозаменяемыми только в фразеологических единицах, вроде «снявши голову по волосам не плачут». Нельзя не напомнить в этой связи о проблеме периферийных форм, у которых все упомянутые выше моменты приобретают особые свойства.

² Подробнее об этом см. О. С. Ахманова. К вопросу об основных понятиях метаязыка лингвистики. «Вопросы языкознания», 1961, № 5.

сема — аллосема — семема
эписема — аллоэписема — эписемема
макросема — алломакросема — макросемема

Из этого сопоставления вытекают следующие определения:

1) Сема (seme). Семой называется 1) значение в определенном типе контекста а) морфемы, б) формальной части морфемы; или 2) значение, заключенное в формах парадигматического ряда. Семы первого типа символизируются положительными языковыми элементами (are overtly symbolized); семы второго рода указываются в скрытом виде (are covertly indicated).

2) Аллосемы (allosemes) — семы в их отношении к данной семеме. Аллосемы состоят из аллолингвосем (лингвосема — минимальная особенность значения, основанная на лингвистическом контексте) и аллоэтносем (этносема — минимальная особенность значения, основанная на этнологическом контексте).

3) Семемы. Семема состоит из класса семантически родственных сем, составляющих значащие компоненты: 1) морфемы, 2) формальной части морфемы (например, sl- в slip, slime, sleek и т. п.), 3) скрытой особенности (feature) парадигматического ряда, или 4) соединения 1) и 3) (т. е. в таких ситуациях, когда значение открыто символизируется (is overtly symbolized) в одних формах и отрицательно (covertly) в других.

4) Эписемы. Эписема — значение грамматического отношения между морфемами. Это так называемое значение построения (constructional meaning).

5) Аллописемы — эписемы в их отношении к эписемеме.

6) Эписемема — класс семантически родственных (объединенных) эписем (т. е. аллоэписем), конституирующих значащее соотношение между непосредственно составляющими конструкциями.

7) Макросема — значение лингвистической структуры, имеющей более одной семемы и по крайней мере одну эписемему.

8) Алломакросемы — макросемы в их отношении к данной макросемеме. Имеется два типа: аллолингвомакросемы и аллоэтномакросемы.

9. Макросемема состоит из класса семантически родственных макросем, составляющих значащий компонент структуры, имеющий две или более семем и по крайней мере одну эписемему. Макросемемы делятся на лингвомакросемемы, основанные на лингвистических контекстах, и этномакросемемы, основанные на нелингвистических контекстах.

Следует заметить, далее, что разложение на «триады» — ноль, алло-, -ема — все чаще выступает как само собой разумеющаяся предпосылка работы на эмическом уровне. Поэтому эмовую терминологию нередко ограничивают перечислением лишь понятий структурно значимого ряда (т. е. типа, а не чле-

на, если вернуться к терминологии А. М. Пешковского). Ясно, что такой способ изложения принципиально отличается от того, который применялся в течение весьма длительного времени, когда наука вообще ограничивалась понятиями (терминами) фонема и морфема, не ставя даже вопроса о выделении и обозначении их единичных, реальных воспроизведений и отношении этих реальных воспроизведений друг к другу. В эмическом выражении для собственно содержания языка оказывается возможной следующая система понятий и обозначений¹.

1. Семема — значение морфемы.

2. Эписемема — значение построения.

3. Макросемема — значение идиомы (фразеологическое сращение). Термин макросемема должен применяться к тем случаям, когда значение сложного целого нельзя предсказать исходя из составляющих его семем и эписемем. Например, семемы и эписемемы, представленные в такой сложной единице, как *I'm from Missouri* — я из (штата) Миссури — не раскрывают ее макросемантологического значения — «меня не проведешь».

Понятия этносемемы (значение, референт которого подразумевает не-лингвистические аспекты ситуации) и лингвисемемы (значение, референт которого ограничивается лингвистическим аспектом ситуации) идут уже в совершенно другой плоскости, пересекающейся с плоскостью первого тройного деления, предполагают иной принцип классификации. Над обоими делениями надстраивается третье, которое включает следующие понятия: 1) элементарная единица значения (*elementary meaning unit*, E. M. U.), родовой термин, охватывающий все три единицы первой классификации, т. е. семему, эписемему и макросемему; в сочетании эти элементарные единицы образуют сложные лингвистические объекты, вплоть до предложения; 2) сложная единица значения (*complex meaning unit*, CMU): значение комплексного построения, включающего более одной элементарной единицы значения; 3) значение законченной единицы высказывания (*sentential meaning*) как значение максимальной структурной единицы языка — предложения и 4) родовое значение (*generic meaning*), т. е. значение, общее для определенной группы элементарных единиц значения (EMU) как, например, значение «человек мужского пола» общее таким единицам, как *отец, сын, брат, дядя, племянник* и т. п.²

Подробное изложение двух попыток последовательного применения эмического принципа в трактовке вопросов лингвисти-

¹ См. Гринберг. (J. H. Greenberg. *Language in Culture*. New York and Chicago).

² Компонентный анализ в области семантики вообще и терминов родства в частности получил теперь большое развитие. Одним из наиболее интересных явлений в этой области являются работы Ф. С. Лаунзбери (F. C. Loonzburgy), суммированные в докладе «The structural analysis of kinship semantics. «Proc. of the 9th Intern. Congr. of linguists», p. 1073.

ческого значения не следует воспринимать лишь как комплекс терминологических ухищрений. Речь идет о реальном проникновении в сущность сложного явления, упорно неподдающегося полному научному объяснению. А стремление более глубокого проникновения и более тонкого расчленения непременно предполагает и умножение терминов. Принципы уточнения терминологии могут быть разными, но существо проблемы остается тем же. Для пояснения сказанного небезынтересно напомнить точку зрения Лотца (Lotz) (6-й съезд, 1948): высказывание может разлагаться на минимальные знаки, т. е. минимальные отрезки выражения, обладающие константой значения — по Лотцу «морфема₁». Последние можно разбить исходя из их звуковых свойств (т. е. пренебрегая значением) на абсолютные минимумы или минимальные единицы выражения — фонемы. Абсолютные же минимумы значения Лотц считает удобным обозначить термином «морфема₂». Следовательно, «морфема₁» может быть определена как минимальный класс фон, включающий хотя бы одну «морфему₂». Отношение между ними может быть как отношением однозначного, так и неоднозначного соответствия. Например, латинская «морфема₁» — *ibus* включает две «морфемы₂» — множественность и *dativus ablativus*¹.

Основное различие между фонами и «морфемами₂» состоит в том, что значение не поддается разложению на такое же ограниченное число компонентов как выражение. Поскольку семантические единицы относятся к действительности, для их выражения необходимо иметь много единиц. Поскольку же фонемы с действительностью непосредственно не соотносятся, их роль состоит лишь в том, чтобы свести языковые знаки к экономному минимуму звуковых характеристик, определяемых и ограничиваемых голосовым и слуховым аппаратом человека.

В очень решительной и определенной форме аналогичная точка зрения изложена в интересной статье Базэлла². Базэлль полностью и принципиально отвергает возможность перенесе-

¹ Иными словами, понятийный (содержательный, семантический, концептуальный) эквивалент многих минимальных формальных единиц это не один семантический минимум, а скопление (*sumul, bundle*) семантических минимумов. Вместе с тем некоторые из таких семантических минимумов могут воплощаться в разных формальных минимумах, например, различные окончания одного и того же падежа в разных склонениях и т. п. Это явление асимметрии и асимметрического дуализма обозначающего и обозначаемого, особенно бросающееся в глаза в индоевропейских языках, было детально проанализировано С. Карцевским в его известной работе «*Du dualisme asymetrique du signe linguistique*» см. стр. 69.

² С. Е. Bazell. *Phonemic and Morphemic analysis*. «Word», vol. 8, No. 1, 1952. В этой связи интересно обратиться к статье В. М. Н. Strang. *Theory and practice in morpheme identification*. «Proc. of the 9th Intern. Congr. of linguists», p. 358. Особенно следует обратить внимание на те соображения, которые высказываются ею по поводу новой работы Базэлла (стр. 364 цит. соч.). Важное значение имеет также приведенное там же высказывание Р. О. Якобсона.

ния на семантический уровень методов и приемов, разработанных на уровне дифференциальном (особенно если, как он думает, и на дифференциальном уровне эти методы себя не оправдали). Семантический уровень характеризуется резко выраженной асимметрией выражения и содержания. Поэтому, если вернуться к классическому примеру с *duke* (dju:k) «герцог» и *duchess* (dʌtʃɪs) «герцогиня» (на котором соответствующие приемы разъяснялись еще Блумфильдом), то получается следующая картина: семантическое соотношение между *duke* и *duchess* столь же очевидно, как любая фонологическая корреляция. Однако пытаться соотносить эту семантическую корреляцию с корреляциями в плане выражения, т. е. называть их алломорфами и еще, к тому же, говорить о морфонологическом чередовании *k/tʃ*, по мнению Базэлла, совершенно нелепо и бесплодно. Тем более, что в нелепостях подобного рода нет никакой нужды. Точно также, как никому не причиняет неудобства тот факт, что разделить именную флексию в латинском языке на части, соответствующие значениям падежа и числа невозможно, нет никаких препятствий и к тому, чтобы заявить, что *duchess* поддается анализу в плане содержания, но является неопределенной в плане выражения (But there is evidently no need of such absurdities. Just as nobody is in the least disturbed by the fact that the division of a Latin nominal termination answering to the distinction of case and number, is impossible, so no scholar need mind saying that the analysis of *duchess* is determinate on the side of content but indeterminate on the side of expression).

Употребление пропорции (allo) phone:phoneme-(allo)-morph: morpheme, по мнению Базэлла, не порождает ничего, кроме заблуждений. Аллофоны мотивированы синхронически, т. е. фонолог может объяснить причину их выбора, не обращаясь к истории языка. Выбор же алломорф синхронически не мотивирован: синхронически исследователь оказывается в области того, что Соссюр называл произвольным. Морфемы — строго конвенциональны. Объяснить их особенности можно (и то не всегда) только распуская сложные клубки уже несуществующих фонетических чередований и аналогических переходов (как известно, аналогическое изменение аллофоны невозможно по определению, так как она при этом автоматически повышалась бы в ранг фонем).

Какими бы ни были подобного рода суждения, как ни обстоит дело критика теоретических основ данного подхода и сколь ни были туманны термины «единица значения», «единица выражения» и подобные, означаемые ими явления и содержащиеся в них понятия составляют фактическую основу всей обычной работы в области языка, т. е. всего, что делается в плане его реального лексикографического описания, изучения, преподавания и т. п. Абсолютно каждый человек уже в школе при-

выкает к установлению вполне осознанной связи между такими, например, единицами выражения, как — у в *брату* и т. п., — л в *звал* и т. п. и соответствующими содержаниями — дат. падежа, ед. числа, прош. времени и т. п. При переводе на специальный язык лингвистики он учится отличать выражение как внешнюю звуковую оболочку морфем от звуков языка, рассматриваемых просто в качестве элементов его фонологической системы. Например, (т) или (л), с одной стороны, в таких словах, как *плот, жакет, портрет, бал, аврал* или *фал*, и, с другой, в таких, как *берет, несет, ведет, звал, брал, упал* будет совершенно по-разному трактоваться языком. В первых шести словах эти звуки не поддаются выделению в качестве минимальных единиц выражения, соответствующих определенным минимальным единицам содержания, т. е. не морфологизируются. Во второй же группе слов они вполне последовательно и закономерно выступают в качестве внешней стороны, внешних оболочек определенных единиц содержания.

Между дифференциальным и семантическим уровнем есть еще и следующее, эмпирически устанавливаемое различие. Звуки языка как элементы его фонологической системы поддаются сравнительно легко инвентаризации. Во всех языках число функционально различающихся звуков (фонем) весьма невелико (от 20 до 60). Но совершенно иначе обстоит дело тогда, когда те или другие звучания выступают уже не просто в качестве различителей, а в качестве конкретных, индивидуально закрепленных оболочек именно этих, а не других морфем (например, -т в *берет* и -т в *разбитый*, -у в *несу* и т. п. и -у в *брату*, -а в *жена* и -а в *стола* и -а в *доктора* и т. п.). Здесь инвентаризация становится весьма затруднительной, а число их становится неопределенно большим. Причиной этому является то, что единицы выражения оказываются уже непосредственно соотнесенными с единицами содержания или значения. А эти последние соотносятся с действительностью, отражая многообразие тех отношений, в которых находятся разнообразнейшие предметы действительности.

В лингвистической литературе неоднократно указывалось на то, что именно в вопросе о значении, содержании разные направления морфологии различаются наиболее четко. Разные понимания предмета морфологии и разные определения морфемы зависят от общей методологической направленности данной лингвистической школы.

В качестве примера небезынтересно напомнить судьбу определения морфемы в дескриптивной лингвистике. Основатель этого лингвистического направления Л. Блумфильд, сохраняя понятие семантического тождества соответствующих единиц, старался одновременно фиксировать внимание на звуковой (формальной) стороне морфемы. Его определение морфемы

как «языковой формы, не связанной частичным фонетико-семантическим сходством с какой-либо другой формой», вполне определенно учитывает обе стороны. В дальнейшем у последователей Блумфильда семантический аспект, вопрос о значении был объявлен иррелевантным, и были сделаны попытки построить морфологию полностью на формальной основе распределения или дистрибуции. Было предложено сугубо позитивистское определение морфемы, основанное на понятии воспроизводимости структурно-определенных частичных элементов (*recurrent patterned partials*): воспроизводимость (*recurrent*), структурная организованность (*patterned*), частичные элементы (*partials*).

Как известно, в практике работы этот подход применения не нашел, вследствие чего дескриптивная лингвистика впала в противоположную крайность, которую вполне правомерно определить как злоупотребление семантикой. Напротив, принцип фонетико-семантического сходства более крупных и сложных единиц, является и теперь наиболее естественным и поэтому общепринятым способом морфологического анализа.

Однако конкретное применение этих принципов к разнообразному языковому материалу далеко не всегда дает возможность однозначного ответа. Поэтому трудно не согласиться с мнением о реальной невозможности отнесения каждой морфы к одной и только одной словообразовательной морфеме. Также и постулат о полной дискретности морфем и, следовательно, о невозможности их взаимного переплетения, вряд ли можно признать вполне обоснованным. В каждом языке существует огромное количество слов, подобных, например, русским *поэт*, *поэма* и *поэзия* (англ. *poet*, *poet*, *poesy*), которые чрезвычайно трудно подвергнуть вполне однозначному морфологическому членению на основе таких общих принципов, как частичное фонетико-семантическое подобие или семантическое подобие плюс дополнительное или свободное, т. е. неконтрастивное распределение (дистрибуция)¹.

Хорошо аргументированной является мысль С. F. Voegelin («Distinctive features and meaning equivalence». «Lang.», 24, No. 1, 1948) о том, что проблемы морфологического анализа будут решены, только если будет составлен полный инвентарь всех морфем с одновременным учетом их значений и распределений. Один семантический критерий недостаточно надежен. Например, желающий учиться играть на саксофоне узнал, что бывают специальные виды музыки, называемые *вор* и *гебор*.

¹ Сол Сапорта (Sol Saporta) ставит в связи с подобными случаями вопрос о возможности введения понятия «архиморфема» (в параллель архифонеме). См. S. Saporta. Morph, Morpheme, Archimorpheme. «Word», vol. 12, No. 1, 1956.

Он естественно тут же выделил префикс *re-* по аналогии, например, с *reinvestigation* и т. п.¹. Но непосредственно за этим выяснилось, что в Чикаго *вор* и *гебор* обозначают один и тот же вид музыки, тогда как в Индиане вообще употребляется только *гебор*. Следовательно, выражаясь лингвистически, *вор* и *гебор* оказались алломорфами одной и той же морфемы. Дело еще более осложнилось, когда выяснилось, что то же самое можно называть еще *бебор* (*be-* тоже вполне определенный глагольный префикс).

Выхода из подобных затруднений, по мнению Voegelina, надо искать в распределении (дистрибуции). Метод распределения позволяет установить, что *re-* может быть префиксом только в производном существительном, т. е. в существительном, состоящем не менее чем из двух морфем. В *гебор re-* оказывается в сочетании с простой (непроизводной) основой, поэтому его фонетическое совпадение с *re-* в *reinvestigation* следует считать случайным.

Среди разнообразных подходов к вопросу о морфологическом членении слова особенно большого внимания заслуживает тот, который основан на понятии потенциальной диэремы²: можно сказать, что морфологически сложным является только то слово, которое независимо от характера его реального произнесения в обычной связной речи обладает внутренней диэремой (*internal juncture*). При такой трактовке вопрос решается следующим образом: например, слово *otherness* является составным, потому что его при желании можно произнести как *other* плюс *ness*, разложить на составные части, делая его содержание таким образом более раскрытым и понятным — например при переспросе, и т. п. и особенно в особых лингвистических или метаязыковых ситуациях, естественно возникающих в общении. Нередко морфологический шов получает открытое выражение и в самых обыкновенных ситуациях речи, причем наиболее отчетливо это проявляется в словосложении³.

¹ Словообразовательные морфемы выражают обобщенные лексические значения — определенные свойства и отношения, которые в отличие от грамматических не связаны со словоизменением. Так, например, в *rewrite*, *read-re read* и т. п. закономерным соединением основ с префиксом *re-* выражается обобщенное значение первичного-повторного действия.

² «Диэрема» — термин, предложенный М. В. Пановым (ВЯ, 1961, № 1). Более известны названия *junction*, *jointure*, *limites signalisées*, *Anschlussart*, *Grenzsignale*. Вопрос этот получил оригинальную постановку у А. Хилла (A. A. Hill. *Introduction to Linguistic Structures* N. Y., 1958, p. 93); см. также А. Мартинет. *Éléments de linguistique générale*. Paris, 1960, p. 91; с точки зрения разграничения лексической и грамматической частей слова у М. Сэна. *Catégories de mots et phonologie*. TCLP, 1939, No. 8.

³ См. материалы 6-го всемирного съезда лингвистов («Actes du VI-ème Congrès de linguistes»).

4. О ПРЕДМЕТЕ МОРФОЛОГИИ В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ СЛОВА

В качестве общего заголовка к настоящему разделу книги морфология была определена как учение о предельных значащих единицах языка. Из этого определения следует, что хотя обычно этот термин и употребляется в более узком смысле, для обозначения учения о системе форм словоизменения (тех модификаций, которым слова подвергаются, используя или функционируя в речи), данный раздел языкознания не может ограничиться только одним каким-либо видом морфем, не поставив сначала более широкого вопроса о мельчайших (предельных) значащих единицах, далее не разложимых в терминах данного уровня исследования вообще. В терминологии русского языкознания это значит считать предметом морфологии как явления словоизменения, так и явления словообразования.

Основания для объединения этих двух разделов языкознания следующие: в обоих случаях исследователь имеет дело с определенным рядом или совокупностью единиц. В обоих случаях такие ряды характеризуются наличием общих частей или элементов и регулярно противопоставляются друг другу вследствие того, что, кроме общих элементов, они имеют в своем составе еще и различные или несовпадающие элементы. Существенным для обоих типов единиц является также то, что эти их особенности не выступают как особые или изолированные, а повторяются, воспроизводятся также и в других рядах.

Словообразование, формообразование и словоизменение оказываются теснейшим образом взаимосвязанными еще и потому, что во флективных языках (составляющих материал всего настоящего рассуждения) корневые (вещественные) морфемы реально не существуют как таковые: они воспроизводятся в речи в совокупности не только с морфемами уточняющими и развивающими это их значение, но и обязательно с морфемами, указывающими на их отношение к другим словам в предложении. Поэтому можно сказать, что морфология как бы входит одной стороной в лексикологию, а другой — в синтаксис. Связь морфологии с синтаксисом является настолько тесной, что разграничение морфологии и синтаксиса как двух отдельных лингвистических дисциплин многим представляется невозможным. Отсюда следующая постановка вопроса: для более глубокого проникновения в сущность морфологии недостаточно только определить ее отношение к фонологии; необходимо также выяснить отношение между морфологией и лексикологией и морфологией и синтаксисом¹.

¹ Поэтому не лишенным смысла является введение понятия морфосинтаксис, параллельного морфофонологии и имеющего целью выделение и изучение морфем на основе их синтаксических функций. См. стр. 82.

Весьма существенным для морфологии вопросом является вопрос о разграничении морфемы и служебного слова. К тому, что предложил А. И. Смирницкий («К вопросу о слове» — проблема «отдельности слова»), теперь можно добавить следующее. В отличие от слов (включая и слова служебные), морфемы всегда выступают как такие единицы, которым должны непосредственно предшествовать или за которыми должны непосредственно следовать вполне определенные другие единицы, находящиеся с ними в тесной семантической связи; слова же — как единицы подобным тесным семантическим объединением с другими элементами, подобной непосредственной зависимостью от них не характеризуются. Слово в отличие от морфемы имеет значение само по себе, т. е. независимо от непосредственно предшествующих ему или следующих за ним элементов.

То обстоятельство, что разные единицы языка обладают различной способностью сочетаться друг с другом в речевой цепи, позволяет рассматривать речевую цепь как стохастический процесс, в котором вероятность появления каждого нового элемента зависит от предыдущего состояния, т. е. от элементов, уже имеющихся налицо. Поэтому разграничение и определение языковых единиц может теперь осуществляться с применением точных методов современной теории информации, т. е. теории, строящей свои выводы путем определения степени соответствия данной последовательности элементов их вероятностной порядковой последовательности. На это особенно важно обратить внимание потому, что существующие (традиционные) методы морфологического анализа не являются вполне строгими и определенными.

а) Разновидности морфем и способы их различения

Предыдущие страницы содержат попытку обоснования широкого понимания морфологии как науки о предельных значащих элементах вообще. Теперь необходимо более подробно остановиться на вопросе о различных типах морфем и на тех основаниях, которые побуждают исследователей проводить те или иные таксономические операции.

Для «словесных языков» деление грамматики на морфологию и синтаксис не вызывает сомнений. Ср. Блумфильд. «Язык», стр. 183; RIL, p. 157 (сноска); более подробно с указанием других источников см. О. С. Ахманова. Лексическое и синтаксическое сочетание в современном английском языке. «Zeitschr. für Angl. and Amerg», 6 jahrg, Hft 1, 1958, SS. 16—17.

В этой связи небезынтересно напомнить трактовку этого вопроса Есперсеном (MEG, t. VI, p. 2), согласно которому морфология идет от формы к значению, а синтаксис — от значения к форме.

Возможно также определение морфологии как «системы выраженных значимостей» (valeurs).

В советской и вообще русской лингвистической традиции можно считать общепринятым деление морфем на два больших класса в зависимости от того, какой из двух основных типов значения они выражают — лексическое (вещественное) или грамматическое (формальное, или «значение отношения»). Значение слова в отличие от морфемы есть всегда химическое соединение, сплав обоих этих значений; значение же морфемы всегда только одно из них. Морфемы первого рода называют лексическими, морфемы второго рода — грамматическими.

Различие между лексическими и грамматическими морфемами наиболее ясно проявляется в их внутренней (семантической) стороне. Одни морфемы сознаются как самодовлеющие, единично-абсолютные, другие — как побочные, общно-отнесенные, сопутствующие морфемам первого рода.

Со специфическим характером лексического значения морфем связан абсолютный характер их фонетического выражения. Со специфическим характером грамматических морфем связано то, что в их выражении обязательно имеется некоторый относительный момент, так как только таким образом может быть обозначена относительность грамматического значения, дополнительного к лексическому значению и подчиненного ему¹.

Грамматические морфемы, соединяясь с лексическими, образуют слова. Отношения между лексическими и грамматическими элементами в таком соединении могут быть весьма различными — от максимальной расчлененности до почти полной слитности. В последнем случае может возникнуть новый лексический элемент².

Исходя из сказанного, «словоформы» (т. е. слова как реально выступающие в речи, как единичное проявление данного слова в данной грамматической форме) могут быть обозначены как абсолютно-относительные средства языкового выражения. Это значит, что в них известный относительный или грамматический элемент выступает в тесном соединении с абсолютным или лек-

¹ Соединение лексических и грамматических морфем бывает в разной мере синтетическим. Основным свойством синтетической морфологии (в отличие от морфологии аналитической) является отсутствие линейности выражения. Ср. Ch. Bally. *Linguistique générale et linguistique Française*. Bern, 1944, p. 44; V. Taubert. *Morphological analysis and Synthesis*, vol. V, fasc. 2, 1945—1949. Развитая теория вопроса у А. И. Смирницкого («Морфология». М., Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1959, стр. 62).

² В советском языкознании явлениям этого рода уделяется большое внимание. См., например, анализ некоторых явлений, связанных с морфологией числа, «Морфология», М., Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1959, стр. 31; с морфологией глагола, стр. 343 и т. п.

Свойства этих двух типов морфем очень ясно описаны А. И. Смирницким. См. его «Лексикологию английского языка». М., Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1956, § 54—55; промежуточные случаи — § 56; соотношение понятий «морфема» и «основа слова» — § 59; соотношение морфем в многоморфемном слове и структурные типы слов — § 60—61; обсуждение принципов морфологического членения основ — § 62—69.

сическим элементом, образуя с ним неразрывное целое. Выражение грамматических значений посредством грамматических морфем оказывается, таким образом, принципиально отличным от его выражения чисто относительными средствами, т. е. посредством порядка, соответствия и т. п.

Разграничение лексических и грамматических морфем может приобретать и несколько другой вид. Так, например, Ало Раун¹ считает, что словоизменятельные морфемы — алломорфны, но семемны (allomorphic but sememic), тогда как словообразовательные — морфемны, но семны (morphemic but semic). Это значит, что для грамматических морфем определяющим является общность структурно-лингвистически-релевантного содержания (sememic значит «относящийся к лингвистически релевантному значению или содержанию») при допустимости различного выражения. Так, например, если мы возьмем, исходя из этого определения, морфемы множественного числа существительных, то мы можем сказать, что морфема множественного числа алломорфична; она допускает в области звукового выражения значительное разнообразие, но как бы ни было велико это разнообразие — содержание, значение всюду одинаково, выполняет одну и ту же функцию, оно семемно.

В словообразовательных морфемах (derivational morphemes) положение другое. Каждый данный звуковой комплекс есть данная морфема. Нормально фонологического разнообразия нет (за исключением случаев морфологической вариантности — проблемы совершенно не разработанной, причем количество проявлений этой категории чрезвычайно мало)².

Как правило, у каждой словообразовательной морфемы одной ей свойственный вид; она не допускает множества звуковых выражений. Она semic, т. е. имеет данное, индивидуальное значение, не входящее в морфологическую структуру языка в обычном понимании.

Изложенное понимание соотношения двух основных видов морфем на основе двух разновидностей лингвистического значения — лексического и грамматического — не является общепринятым. Некоторые авторы, вслед за Бюлером³, ограничивают понятие грамматики только синтаксисом. Другие, вслед за Вандриесом, принимая различие лексического и грамматического в пределах слова настаивают на более резком делении. Тер-

¹ Alo R a u n. Grammatical Meaning. Verba Docent, Julakirja Lauri Hakulisen 60 vuotispaivaksi 6.10.1959). А. Раун совершенно правильно обращает внимание на следующее обстоятельство. Если люди обязательно овладевают всем комплексом фонем своего родного языка уже в раннем возрасте, то грамматическими (флективными или словоизменятельными) морфемами они овладевают лишь очень постепенно, а полным комплексом лексических морфем не овладевают практически никогда.

² Подробнее об этом см. О. С. Ахманова. Очерки..., стр. 213.

³ K. Bühler. Sprachtheorie. Jena, 1934; «Das Dogma von Lexikon und von der Syntax».

минологически это находит выражение в том, что лексические морфемы предлагают называть семантемами, ограничивая термин морфема лишь флексиями (*désinences*)¹.

Ф. де Соссюр исходил из принципиального неразграничения морфологии и синтаксиса². Известное решение Есперсена³ заключается в том, чтобы относить к синтаксису то, что в настоящей работе понимается под содержанием грамматических категорий, оставляя морфологии только внешнее выражение. Датским лингвистам эти идеи оказались очень близкими: Брендалль, а за ним Кнуд Тогебу (Knud Togeby, см. цит. выше материалы 6-го съезда лингвистов) предложили компромиссное решение, введя понятие морфосинтаксиса (*morphosyntaxe*) в отличие от чистой морфологии (*morphologie pure*), которая изучала бы морфемы строго парадигматически. Однако в отвлечении от их грамматического функционирования морфология оказывается сведенной либо к разделу семантики, либо совпадает фактически с морфонологией. Нельзя не заметить, что проблема нередко очень затемняется именно вследствие терминологических неясностей. Так, например, К. Л. Пикс («*Phonemics; a technique for reducing languages to writing*», Ann Arbor, 1947) вообще предпочел бы отказаться от термина «морфема», как чрезмерно широкого, покрывающего единицы, не совпадающие ни по протяженности, ни по функции и потому не способствующего в продвижении в природу языка. Другие предложения — называть морфему семой для того, чтобы представлять ее не как единицу, элемент, а как некоторый идеальный процесс, конкретная реализация которого делает возможным общение (*acte sémique*), становящийся вообще возможным только вследствие противопоставленности каждой семы всем другим семам. Однако такие воззрения относятся к последнему разделу настоящей работы.

Очень интересны замечания У. Вейнрейха⁴, который приходит к выводу о полной невозможности разграничивать лексическое и грамматическое значения, вернее, вообще говорить о грамматическом значении, вообще делить знаки языка на автокатегорематические и синкатегорематические и т. д. Категоричность его утверждений основывается на том, что противоположный взгляд «этноцентричен», ограничен небольшим числом языков и потому совершенно неприемлем для исследователя языковых универсалий. Нельзя не заметить, что этот аспект языковедческого исследования очень важен и заслуживал бы более детального обсуждения. В рамках настоящей работы мож-

¹ По остроумному замечанию Бэйссенса (E. Buyssens. *Le Langage et le discours*. Bruxelles, 1943), если принять деление на семантемы и морфемы (впервые предложенное Вандриесом), то, к примеру, слово *idée* было бы семантемой, а слово *garport* — морфемой.

² «Курс общей лингвистики». М., 1933, стр. 187.

³ «*Philosophy of Grammar*», p. 37, «*The System of Grammar*» («*Linguistica*», p. 304), «*A Modern English Grammar*».

⁴ «*Universals of language*», ed. Joseph Greenberg. Mass MLT, 1963, p. 135.

но только обратить внимание на то, что все существующие лингвистические исследования в той или другой мере «этноцентричны», причем пока еще трудно представить себе вполне конкретные работы, основанные на подлинной универсальности их авторов. Интересный подход к проблематике дают сравнительно исторические исследования, подчеркивающие отсутствие четких границ между словоизменением и словообразованием в историческом плане и переходы одной категории в другую. Особенно интересные данные этого плана содержатся в работах Куриловича¹.

б) Словоизменительные морфемы языка и задачи морфологии в узком смысле

Когда предметом описания является морфология языка, понимаемая как учение о системе словоизменения, вводится понятие грамматический. Грамматический значит: 1) связанный с понятием отношения; 2) систематический, стандартный, регулярно воспроизводимый; 3) по линии «выражения» — вспомогательный, дополнительный. Отсюда следует, что грамматические категории представлены в единицах 1) связанных с выражением отношений между предметами; 2) выраженных регулярно воспроизводящимися, стандартными средствами и 3) средствами дополнительными, вспомогательными по отношению к «материальной», «вещественной» части слова.

Иными словами, грамматическая морфология регистрирует значения таких единиц, которые связаны с обозначением (или выражением) отношений между предметами, причем отношений, закономерно выражаемых посредством некоторых типовых средств, воспринимаемых как добавочные или дополнительные по отношению к основным или вещественным значениям слов². Такие значения обычно называют грамматическими, а систему тех единиц языка, которые характеризуются регулярным соотношением определенных грамматических значений с дополнительным по своему характеру выражением, — морфологией, или системой форм словоизменения языка.

Первостепенное значение для морфологии, как и вообще для всех лингвистических дисциплин, представляет вопрос о соотношении субституции и коммутации.

¹ См. его «On the Methods of Internal reconstruction». «Proc. of the 9th Intern. Congr. of linguists», p. 17.

² Имеются поэтому серьезные основания для того, чтобы считать морфологию как бы грамматическим приложением к лексике или лексическим — к грамматике; при таком понимании собственно грамматика начинается уже за пределами морфологии. Предметом собственно грамматики при таком подходе является, следовательно, структура и значение таких элементов языкового выражения, которые поддаются исследованию в полном отвлечении от лексических элементов и лишь соотносимых с последними.

На основе субституции можно говорить о способности или неспособности различных единиц заменять друг друга линейно, в речевой цепи. Таким образом, субституция выступает как первый шаг, первый этап на пути к проникновению в сущность языка. От изучения элементов в цепи переходят к изучению альтернации элементов (или членов) в системе языка или коммутации. Иными словами, от эмпирического линейного рассмотрения переходят к определению структуры языка, которая размещается уже в разных измерениях.

Очень важным моментом является, то, что, коль скоро исследователь языка переходит от линейного рассмотрения речи к установлению особенностей системы данного языка, т. е. переходит от субституции к коммутации или от синтагматики к парадигматике, от сосуществующего в речевой цепи к взаимоисключаемому в ней, перед ним сейчас же встает вопрос о категориях. Особенно важен этот вопрос для грамматики, так как без категориального анализа невозможно обнаружить и инвентаризировать грамматические единицы языка и понять его грамматическую систему.

Следует заметить, что традиционное понятие «уровней» языка не дает достаточно ясного представления о существе различий между разными его аспектами. Не дают о нем представления и понятия система и подсистема, так как и здесь сохраняется отсутствие качественных различий. Думается, что различные аспекты языка и соответственно различие лингвистических дисциплин может быть кратко определено следующим образом.

Что характерно для единиц фонологического и вообще дифференциального уровня? Чтобы они достаточно определенно различались, чтобы были другими, не такими по отношению друг к другу.

Что характерно для лексических единиц, включая словообразовательные морфемы? Чтобы они наиболее адекватно выражали содержания, наиболее полно обеспечивали бы пользующихся возможностью формировать и передавать мысль. Надо добавить, что лексический и фонетический составы языка чрезвычайно тесно связаны, так как устойчивость или неустойчивость фонологических различий в большей степени обусловлена их функциональной нагрузкой или продуктивностью, «количественным фактором» (по Вахэку).

Что характерно для грамматических единиц? Ответ на этот вопрос невозможен без обращения к категориям. Для того чтобы говорить о грамматических единицах, надо их сначала обнаружить. А обнаружены они могут быть только на основе категориального анализа.

Хотя необходимость категориального анализа и первостепенная важность понятия «грамматической категории» ни у кого не вызывает сомнения, этот анализ и это понятие разными

лингвистическими направлениями толкуется по-разному. Например, у младограмматиков грамматические категории понимались как фиксация (*Erstarrung* — Пауль) психологических. Во французской лингвистической школе под категориями понимаются понятия, выражаемые посредством морфем (Вандриес); следует напомнить, что в этой школе различаются морфема и семантема, вследствие чего под морфемами понимаются только флексии (*désinences*). В лингвистическом словаре Марузо (3-е издание, Париж, 1951 г., стр. 44) грамматические категории определяются как классы, по которым распределяются единицы (*éléments*) словаря, исходя из их природы, их образования и их функции. Таким образом, различаются именная и глагольная категории, а внутри первой категории существительного и прилагательного и т. д., а с другой стороны, категории рода, числа, лица, наклонения и т. п. Нельзя не заметить, что первая часть определения, даваемого Марузо, совпадает по существу с определением Блумфильда, согласно которому категории — это крупные формальные классы, между которыми полностью распределяются либо весь лексикон, либо отдельные его части. Таким образом, части речи для английского языка являются его категориями¹.

По Ельмслеву (*OSC*, Определение 54). «Категория — это парадигма, имеющая корреляцию к одной или нескольким другим парадигмам в том же ранге», однако в «*La notion de relation*» (стр. 14) категория падежей определяется как парадигма, некоторые члены которой подвержены управлению предлогами и глаголами.

Число и разнообразие определений можно было бы во много раз увеличить, но задача состоит не в этом, а в выяснении сущности и природы этого понятия.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что категоризация в языкознании может пониматься и как научный процесс обнаружения и определения категорий языка и как фактические измерения (*dimensions*) лингвистических явлений. Эти два смысла совместимы потому, что категории не являются априорными понятиями (концептами), которые интеллект прилагает как организующее начало к данным чувственного опыта. Они являются понятиями, отражающими наиболее общие свойства и связи явлений материального мира. Они — отражение в сознании людей объективной действительности, ступени познания материального мира. Философские категории — материя,

¹ Следует отметить, что при этом имеются в виду категории морфологические. Что же касается синтаксических категорий, то, например, в «Восточном Оджибва» Блумфильда слово «категория» встречается только в сочетании «*categories of inflection*» (категории словоизменения). Разные явления, перечисленные под заголовком «Синтаксис», называются «синтаксическими знаками»: «Синтаксические знаки — это перекрестные ссылки, согласования, (не) отчуждаемая принадлежность, относительная связь, глагольный порядок и модальность и порядок слов».

движение, пространство, причинность и т. д. имеют всеобщее значение; они отражают свойства и отношения, присущие всем явлениям природы и общества. Категории же отдельных наук отражают лишь отдельные стороны объективной действительности и являются наиболее широкими понятиями в ее границах. Те или иные категории могут быть присущи данному предмету как на всем протяжении его истории, так и на данном этапе его развития.

Приведенное понимание природы категорий и категоризации имеет первостепенное эпистемологическое значение. Его роль в объяснении основных понятий языкознания очевидна: если оно будет принято, то не будет противоречия между такими определениями, как «структура есть противопоставление» и «структура постигается посредством противопоставления». Поэтому методологически совершенно неприемлемы позитивистические точки зрения, согласно которым структура языка не существует пока она не описана. Даже определение, данное языку (language) Блумфильдом и определение, данное языку Соссюром, не оказались бы несовместимыми¹ при условии, конечно, что будет полностью осознано онтологическое различие между «чистой» абстракцией как пустой фикцией ума и разумной научной абстракцией. Общее существует только в отдельном и через отдельное.

Когда Блумфильд определил язык как «совокупность высказываний, которые могут быть произведены в данном говорящем коллективе» (RIL, 272), он выбросил за борт все те сложные и тонкие различия, которые приведены в сноске к настоящей странице. Таким образом, были как будто бы созданы предпосылки для того, чтобы свести лингвистическое исследование к инвентаризации лингвистических форм или морфем и к определению порядка их расположения, т. е. для того, чтобы отбросить проблемы «традиционного» языкознания как не имеющие отношения к делу².

¹ Как известно, соссюровская трихотомия *Langue*— *langage* — *parole* обычно заменяется дихотомиями (язык — речь, *language* — *speech*; в последние годы также код — сообщение, *institution* — *act*, *Sprache* — *Rede*). Но и в том, что обычно без достаточной точности называют речью (*speech* и т. п.), следует различать процесс речи (ее энергию) и произведение речи (ее эргон). Ср. БСЭ, т. 49. М., 1957, стр. 495.

² Так, например, RIL, 272: «принимается, что лингвистическая структура высказывания полностью представлена списком составляющих его морфем и их порядком» или RIL, 387: «исходят из того, что любое высказывание на данном языке не содержит ничего другого, кроме некоторого количества минимальных релевантных элементов, называемых морфемами в некотором расположении относительно друг друга». Дескриптивных лингвистов предостерегали Найда (RIL, 255ff), Хауген (RIL, 357ff), Хойджер, Пайк и даже Дидериксен против переоценки дистрибутивных свойств, часто в ущерб фонетической и семантической идентификации. Современное состояние в этом направлении языкознания очень четко охарактеризовано в заключительном слове Р. О. Якобсона к 9-му съезду лингвистов, где он обстоятельно обосно-

Известно, с какими огромными трудностями столкнулись попытки проведения этих принципов в жизнь. Очень скоро стало ясно, что понятия формы и морфемы уже не удовлетворяют исследователей. Возникло большое количество разнообразных терминов и понятий, таких, как единицы (units), единства (entities), инвентаризируемые единицы (items), элементы (elements), составляющие (constituents), сигнализирующие единицы (signalling units) и т. д. Единицы инвентаризировались и классифицировались в соответствии с детально разработанными правилами; были установлены их иерархии и определены методы их отождествления (идентификации)¹, т. е. установлено, каким образом более мелкие единицы могут объединяться в более крупные.

Однако умножение терминов, да еще употребляемых без необходимой научной точности, не смогло дать чего-либо существенного для научной категоризации явлений, относящихся к данной области. Более того. Встал вопрос о терминологической неурядице, о необходимости выработать современные и вполне безупречные определения для таких освященных временем терминов, как «слово», «имя», «предложение» и т. п. Если бы это было выполнено, то следующим шагом явился бы пересмотр общепринятых терминов современного языкознания, таких, как «морфема», «конструкция», «синтагма» и т. п.

Только что охарактеризованные постулаты позитивистического языкознания, требующие сведения языка к инвентарю единиц и правилам их сочетания (расположения, дистрибуции и т. п.) и вытекающие из них методы исследования не оставляют как будто бы места для «категорий». Однако понятие это не перестает как бы самопроизвольно возникать и в дескриптивных лингвистических описаниях. Так, в частности, в ставших классическими «Постулатах» Блумфильда категории определяются как «значения». Значениями они в целом ряде случаев остаются и теперь². Правда в последнее время несколько большее значение стало придаваться плану выражения, что сильно меняет дело и может помочь морфологическим категориям приобрести права гражданства. Однако еще очень много предстоит сделать,

вызывает те причины, вследствие которых «no one raised his voice to argue in favour of the former mechanistic distributionalism» (p. 1141); ср. там же A. Martinet. Op. cit., p. 527.

¹ См. например, RIL, 29: «Функциональные значения и значения классов языка суть категории этого языка»; RIL, 381: с употреблением префикса *и-* связаны значения, которые мы называем прошедшим временем и третьим лицом единственного числа; RIL, 384: цислокативная морфема с транслокативной, морфемы аористного времени... являются примерами взаимоисключающихся значений и несовместимости членов различных классов позиций.

Любопытно, что они как будто бы остаются значениями и в новой книге З. М. Волоцкой, Т. Н. Молошной и Т. М. Николаевой «Опыт описания русского языка в его письменной форме», стр. 35.

² См. Найда, RIL, 255—272.

причем одним из главных препятствий является неразличение таких понятий, как «единица», «класс» и «категория». Термин «категория» все еще употребляется без необходимой точности для обозначения единиц (units); так, например, фонемы и морфемы нередко называют основными категориями фонологии и морфологии. Также и части речи, представляющие собой основные классы или разряды, на которые делятся слова языка, не могут сами называться категориями. Части речи — это классы слов, которые объединяются семантически и характеризуются определенным значением, выражаемым совокупностью их грамматических свойств¹. Они не являются категориями, а обладают ими. Категории частей речи отображают их наиболее общие свойства и отношения. Так, например, категориями имени в русском языке являются падеж и число, категориями глаголов — наклонение, залог, время и т. д. Металингвистически категории частей речи — это отображение наиболее общих свойств и отношений, обнаруживающихся в явлениях языка, в составе его единиц.

После всего изложенного представляется возможным перейти к положительному изложению принципов категоризации в области (грамматической) морфологии. В приводимых определениях автор следует за А. И. Смирницким (см. его «Аналитические формы». ВЯ, 1956, № 2).

Научное изложение при неустойчивости терминологии требует большого внимания к формулировкам, уточнения имеющихся терминов и введения новых. Однако эта сторона дела должна иметь совершенно подсобный характер; она должна лишь способствовать достижению основной задачи: категоризации как результата научного исследования, т. е. систематического и научно обоснованного наблюдения над объективной действительностью. Поэтому следует всячески подчеркнуть, что научное исследование не может быть сведено просто к манипуляции с заранее заданными терминами и определениями. Постулаты и дефиниции не могут приниматься просто потому, что они обеспечивают «изящество описания» или потому, что они «свободны от внутренних противоречий».

Принадлежность слова к той или другой части речи придает ему общие (категориальные) свойства, накладывающиеся на то, что в нем является частным, особым или индивидуальным.

Выше были приведены различные определения, характеризующие разные подходы к проблеме грамматической категории.

¹ В выступлении A. S. C. Ross на 6-м съезде (стр. 444) было указано на то, что разные части речи не являются равновеликими. Это можно проиллюстрировать сравнением классов имен существительных, с одной стороны, и местоимений, с другой.

Интересный обзор по вопросу о частях речи см. у Zs. Telegdi. Bemerkungen zu einigen Theorien bezüglich der Wortarten. «Acta linguistica Acad. Scientiarum Hungaricae», vol. VIII, Hft 1, 1958.

Однако задача заключается не в том, чтобы дать грамматической категории общее определение (дифиницию). К этому можно будет перейти только после того, как будут описаны общие свойства грамматической категории и способы ее определения. Следуя за А. И. Смирницким, их представляется возможным представить в следующем виде:

1. Грамматическая категория образуется противопоставлением не менее чем двух несовместимых друг с другом грамматических форм или рядов форм, выступая как общее в отдельном. Такие несовместимые друг с другом формы (категориальные формы) и являются формами, создающими, конституирующими грамматическую категорию¹. Существование одной словесной формы у данного слова предполагает существование и другой, так как иначе данная единица не выступала бы как особая, отдельная форма слова, но совпадала бы со словом в целом; существование же хотя бы двух форм слова предполагает определенное сопоставление и противопоставление их по некоторой линии, т. е. обнаружение чего-либо общего, лежащего в основе их различия, а следовательно, наличия известной грамматической категории, охватывающей данные словесные грамматические формы. Необходимо подчеркнуть, что вообще всякая грамматическая форма слова обязательно входит в какую-либо грамматическую категорию, представляя ее. Поэтому такие величины, как именительный падеж или настоящее время и т. п., которые в чистом виде, т. е. в отвлечении от других категорий выступают как представители отдельных грамматических категорий в составе данных грамматических форм, являются их категориальными формами. Следовательно, например, категория падежа в современном английском имени существительном создается (конституируется) категориальными формами общего и притяжательного падежей, категория времени в современном английском глаголе категориальными формами настоящего, прошедшего и будущего времени и т. д. Еще пример: английское *speaks* — конкретная словоформа данного слова как «третье лицо единств. числа наст. вр. недлит. вида» это — словесная грамматическая форма; «третье лицо» или «единств. число» или «наст. вр.» — категориальные формы, являющиеся представителями определенных грамматических категорий; лицо, число, время — грамматические категории, представленные в данной словесной форме одной из своих категориальных форм.

То обстоятельство, что каждая грамматическая категория образуется противопоставлением не менее чем двух несовместимых друг с другом форм или рядов форм, вряд ли может служить основанием для того, чтобы все грамматические

¹ Следует заметить, что приведенное различие между грамматическими категориями и категориальными формами, их конституирующими, признается далеко не всеми исследователями. Это затемняет существо вопроса, вследствие неправомерного расширения термина «грамматическая категория».

противопоставления свести к двоичным. Эта тенденция приобретает сейчас большое развитие в связи с попытками использования электронных вычислителей для перевода с одного языка на другой. Однако нельзя сводить вообще грамматическое исследование и описание к программированию для переводной машины. Никак нельзя упускать из вида то несомненное обстоятельство, что маркированный и немаркированный члены очень отчетливо выступают как члены двоичного противопоставления (образуют «бинарную оппозицию») только в тех случаях, когда данная грамматическая категория образуется противопоставлением двух несовместимых друг с другом форм: например, категория числа, образующаяся противопоставлением категориальных форм множественного числа категориальным формам единственного числа, категория лица — противопоставлением личных категориальных форм безличным, категория временной отнесенности (*taxis*) — противопоставлением категориальной формы внутренней связанности (зависимости) и категориальной формы независимости и т. п. Но ведь грамматическая категория может образовываться и противопоставлением более чем двух несовместимых форм. Например, если содержанием категории времени является соотнесение высказываемого с моментом речи, то эта категория будет конституироваться тремя категориальными формами, обозначающими: а) отношение ко времени, истекшему до момента речи; б) отношение ко времени, включающему момент речи, и в) отношение ко времени, которое начнется, наступит после окончания данной речи. Также, например, и категория наклонения образуется с включением всех видов отношения говорящего к высказываемому. Конечно, внутри таких категорий возможен дальнейший анализ, с выделением взаимно исключающих пар (в частности, при составлении программы для машинного перевода). Однако это не снимает основного вопроса о принципиальном отличии категорий, основанных в целом на двоичном противопоставлении, изначально и полностью конституируемых бинарной оппозицией и таких, которые лишь путем последующего более дробного анализа можно свести к ряду двоичных противопоставлений, что диктуется нередко практическими соображениями, в частности необходимостью препарировать материал для подачи на механизмы. Надо сказать, что вообще приписывать предмету в качестве внутреннего его свойства те приемы, которые могут быть применены при том или другом его использовании, методологически неверно.

2. Противопоставление не менее чем двух взаимоисключающих категориальных форм есть единственный возможный способ возникновения грамматической категории, единственная форма ее существования. Иными словами, грамматическая категория существует только в своих категориальных формах, через их посредство. Бессмысленно поэтому употреблять термин

«категория» для обозначения форм словоизменения языка, выступающих в качестве категориальных форм, таких, как единственное число, общий падеж и т. п. Кроме того, называть категориальную форму категорией значит обращаться к системе понятий, исходящих из ошибочного положения, согласно которому грамматическая категория представляет собой разновидность обобщенного значения¹.

3. Грамматические морфологические категории языка не только специфичны для данного языка «капризные», «тираничные» и т. п. (о чем подробнее ниже), но и преходящи; их число и свойства изменяются в процессе развития языка. Так, например, если бы саксонский родительный утратил свою определенность в качестве категориальной формы притяжательного падежа, категория падежа в английском языке, которая непрерывно идет на убыль последние тысячу лет, перестала бы существовать. (Во французском языке процесс пошел еще дальше: ср. латинские *pater patrem, patri, patre, patris* и французское *père*). В отличие от имени английский глагол непрерывно увеличивает число и разнообразие своих категорий, развив с течением времени категорию вида, создавшуюся противопоставлением категориальных форм длительного и недлительного вида, категорию временной отнесенности и т. п.

4. Морфологическая грамматическая категория ограничена конституирующими ее категориальными формами; она не может охватывать все формы словоизменения, присущие данному слову, т. е. ни одна из них не может охватывать слово в целом, участвуя во всех его грамматических формах. Если данная характеристика оказывается присущей всему слову, в различных грамматических его формах, то она является не категориальной формой слова, а представителем лексико-грамматической категории. Например, родовая характеристика присуща русскому имени существительному как слову, т. е. во всех его грамматических формах. Следовательно, род у существительных в отличие, например, от рода прилагательных, это не грамматическая, а лексико-грамматическая категория². В прилагательном же род является грамматической категорией, так как там он конституируется противопоставлением взаимно исключающихся категориальных форм мужского, женского и среднего рода.

¹ Ср. М. Джоос в RIL, 351. Хотя Джоос пользуется термином категория для обозначения того, что мы называем категориальной формой, он осознает необходимость данного разграничения, употребляя термины измерения (*dimensions*) и измерения категоризации (*dimensions of categorization*) для обозначения того, что мы включаем в понятие категорий.

В этой связи нелишне напомнить о случаях слияния категориальных форм и основы в случаях вроде русского *ем*, где крайний синтетизм (глобальность) осложняется еще больше вследствие бедности единицами на дифференциальном уровне.

² См. А. И. Смирницкий. Перфект как категория временной отнесенности. «Иностранный язык в школе», 1955, № 2.

5. Как уже было сказано, каждая форма словоизменения несет в себе по меньшей мере одну категориальную форму и поэтому обязательно принадлежит к какой-либо морфологической грамматической категории. Иными словами, во всякой форме словоизменения непременно налицо какая-либо морфологическая грамматическая категория. Однако нередко одна форма словоизменения включает в себе несколько категориальных форм и обслуживает, таким образом, в плане выражения несколько морфологических категорий. Например, в современном английском языке форма словоизменения глагола на (— s), (— z), (— iz) совмещает в себе категориальные формы третьего лица, настоящего времени, изъявительного наклонения и единственного числа.

Тот факт, что несколько категориальных форм нередко совмещаются в одной форме словоизменения очень осложняет дело. Этот факт явился поводом для важных теоретических дискуссий, общее направление которых будет кратко охарактеризовано ниже.

Из изложенной теории морфологических грамматических категорий следует, что их содержание (значение) решительно отличается от значения морфем лексических, в этом отношении стоящих очень близко к слову. Иными словами, если лексическим морфемам присуща та способность индивидуального, специфического, особого соотнесения с референтом, о котором говорилось выше (имеется в виду *individual* или *single reference*, характеризующая единицы семантического уровня в отличие от единиц уровня дифференциального), то морфемы словоизменения этой способности совершенно лишены. Для того чтобы они могли что-то значить, они должны вступать в сложные и своеобразные отношения друг с другом, отношения парадигматического характера. Они отличаются в связи с этим исключительной сложностью отношения между содержанием и выражением, будучи в высшей степени подверженными всякого рода нарушениям естественной связи этих двух начал, всякого рода синкретизмам, суспенсиям и другим нейтрализациям одного из функций их значащей функции.

Для придания этим фактам наглядности исследователи вновь и вновь обращались и обращаются к разного рода примерам. Наиболее распространенным из них являются следующие; 1) замена реальных лексических морфем произвольными звуко-сочетаниями, например «глокая куздра» Л. В. Щербы (в качестве вполне готового и широко известного примера для ученых, для которых родным языком является английский, служило стихотворение Jabergwosku из «Алисы в стране чудес»); 2) выделение флексий в чистом виде, например, *x — y-ed — z* в лекциях А. И. Смирницкого или *-ая, -а, -ит, -у, -а* и т. п., куда всякий знающий русский язык легко подставит такие словоформы, как *красивая, умная, молодая* и т. п. *женщина, девочка, вдова*

и проч. сидит, стоит, лежит у окна и т. д. или бодливая, рогатая, пегая, и т. п. корова стоит, мычит и т. п. у забора, двора и т. п. и т. д. Придумать аналогичных примеров может каждый бесконечное количество. Можно взять любое предложение, выкинуть корневые и деривационные морфемы, оставить флексии и рамку построения и убедиться, что определенный грамматический смысл будет уловлен; 3) сочетание в речевом произведении по правилам грамматики данного языка слов, соединения которых в лексическом плане представляются бессмысленными. Именно к этому способу обращается Хомский со своим знаменитым теперь примером: *colourless green ideas sleep furiously*¹.

Выше при описании свойств грамматических категорий языка было сказано, что они не только специфичны для данного языка, но и могут квалифицироваться как «капризные», «тираничные» и т. п. Совершенно правильно отмечалось при этом, что, описывая грамматику языка, исследователь должен прежде всего думать не о том, что на данном языке может быть грамматически выражено, а о том, что не может, что нельзя по законам данного языка оставить без обязательного грамматического выражения, так как грамматика — это *ars obligatoria*.

Для разработки этого аспекта рассматриваемых здесь проблем большое значение имел непрерывно расширявшийся фронт лингвистической работы. Описав свыше двух тысяч пятисот языков, лингвисты были поражены удивительным разнообразием обнаруженных в них грамматических категорий, их сочетаний с лексическими и лексико-грамматическими. Особенно разительными оказываются различия, если взять языки, далеко отстоящие друг от друга.

Одна из наиболее интересных работ с точки зрения демонстрации такого рода явлений это известная книга В. I. Whorf'a «*Language, Thought and Reality*». Приведем несколько примеров

¹ «*American Anthropologist*», vol. 61, No. 5, Part 2, Oct., 1959. По-видимому, этот последний из перечисленных способов отвращения грамматического значения от вещественного или лексического содержания соответствующих единиц надо признать наименее эффективным. Дело в том, что естественно пользующийся языком непременно ищет во всяком высказывании на данном языке того или другого смысла, стремится вложить в него смысл, если об этом не позаботился (или нарочно этого не сделал) автор. Как показал Р. Якобсон (*Boas view of grammatical meaning*), пример Хомского ничего не доказывает. *Colorless green* вполне естественно ассоциируется с таким сочетанием, как *pallid green*. *Green ideas* можно легко сопоставить с привычным для русского языка словосочетанием «зеленая тоска» и далее с такой цитатой из классической русской литературы: «все тот же ужас, красный, белый, квадратный». Ясно, что это предложение не было употреблено Толстым лишь для того, чтобы иллюстрировать возможность «полностью десемантизированной грамматической теории».

Ideas sleep мало чем отличается, например, от *his hatred never slept*. И это будет прекрасное английское выражение, которое ни у кого ни малейшего сомнения не вызовет не только с точки зрения смысла, который в нем содержится, но и с точки зрения его идиоматичности.

примененных им методов изложения¹. На картинке в верхней части изображено сушащееся на веревке белье, далее — рука и орудие (нож или кинжал) и шомпол, и сказано *clean with ramrod*. В нижней части картинки изображается нечто напоминающее бревно или полено, затем нарисовано нечто, напоминающее бочонок и, наконец, напряженная рука; цель — показать, что в отличие от английского семантического строения здесь следующее: *pekw* (*dry space*) *alak* (*interior of hole*) и (аффикс орудия — *by motion of tool, instrument*).

Все это означает, что такой факт действительности, такая реально существующая операция, как чистка огнестрельного оружия шомполом, которая известна и выполняется и англичанами и американскими индейцами *hopi*, в языковом оформлении подана по-разному. По-английски, как и по-русски, «чистить шомполом» (*to clean with ramrod*) (правда, разница есть и между английским и русским, потому что «чистить шомполом» структурно не совпадает с *clean with a rod*; различия существуют и здесь, но все-таки эти два языка сравнительно близки, они почти одинаково осмысливают этот кусок человеческого опыта). А у индейцев получается другое расчленение: мыслится этот процесс как 1) сухое пространство (*dry space*). Затем в этом выражении на этом языке содержится идея отверстия; в центре внимания не то, чем чистят, а то, что чистят; орудие же и все остальное обозначено суффиксом, который объединяет, «приводит в действие» оба вещественных значения: «сухая чистка» и «полое пространство».

Другой пример. В английском языке — человек — *he*; протягивает руку — *invites*; затем несколько голов для обозначения множества людей — *people*; понятие направления — *to*; и все за столом сидят и все довольны — *a feast*. Оказывается, в языке нутка совершенно другая картина: все начинается с котла, который кипит на костре — *tl'imsh*. Затем результаты — суффикс — *ya* — (англ.-*ed*-): кипение плюс результат этого кипения, варки на костре — *tl'imsh ya*; затем понятие принятия пищи — нарисован человек, который что-то ест *is*; затем понятие деятельности — *ita* — (англ.-*ers*) и, наконец, совершенно отдельно выделена в конце, категория глагольной репрезентации, которую *Whorf* условно обозначает по-английски «*he does*» (нутка-та): варили с результатом, сварили — надо съесть. Но как съесть? Какой-то деятель, идея движения — суффикс глагольной репрезентации (он идет за ним, чтобы пригласить). Суффикс глагольной репрезентации применен для того, чтобы показать, что эта совокупность идей объединена общим понятием процесса.

¹ Мы не касаемся сейчас тех важных методологических вопросов, которые не перестают обсуждаться в связи с так называемой гипотезой «Сэпира-Уорфа», о чем см. в частности О. С. Ахманова. Очерки..., стр. 38.

И последний пример. В целом ряде американских индейских языков вообще нет глагольной репрезентации в нашем понимании этого термина, а репрезентация всегда именная или субстантивная, причем понятие времени, которое мы всегда связываем с глагольной репрезентацией, у них закрепляется за существительным. Есть, например, *wagi* — бег, а затем понятие бега соединяется с ныне здесь присутствующим человеком или прежде бывшим человеком, или человеком, который придет, будет, родится и т. п. По существу, понятие времени, которое нам кажется прочно связанным с понятием глагольной репрезентации, оказывается смещенным, перенесенным в принципиально иную сферу.

И если дальше идти по линии того, что мы привыкли называть грамматическими значениями, то мы увидим бесчисленное количество самых неожиданных вариаций. Например, в систему обязательной грамматической информации может быть включено указание на то, что вижу я человека, который что-то делает или нет; если я хочу сказать о действии в прошлом, я должна учесть, совершено это действие в первый раз или до того было совершаемо. Дальше: переводчиков обычно затрудняет такое обстоятельство — был ли данный человек в пределах досягаемости или нет, можно его коснуться рукой или нет и т. д., и как все это передать средствами другого языка?

Но даже и в пределах языков родственных, не характеризующихся различиями культурного уровня говорящих на них народов, несоответствия могут быть очень велики. Например, по-русски каждый раз при употреблении названия действия обязательно указывать, мыслится ли это действие как продолжающийся процесс или же во всей полноте его совершения. Но в отличие, например, от английского языка, мы не обязаны каждый раз решать — соотношу ли я процесс, о котором буду говорить, с каким-либо другим процессом. По-русски я говорю: *я пошла, я сказала, я увидела* и совершенно не думаю о том, что это будет соответствовать английскому *I went* или *I have (had) gone, I said* или *I have (had) said* и т. п. По-русски я могу сказать: *я увижу N завтра в три часа и вечером сообщу вам ее мнение*. Говорю и не забочусь о том, чтобы показать эксплицитно, что предполагаемый процесс свидания с N будет предшествовать процессу обсуждения результатов беседы с ней.

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы было ясно, что одно и то же реальное представление, один и тот же реальный опыт в разных языках выражается и оформляется по-разному. Иными словами, основная проблема морфологии словоизменения — это проблема различного и специфического для каждого языка включения в состав обязательной грамматической информации или исключения из него тех или других содержаний.

Что такое язык? Язык — это есть важнейшее средство

человеческого общения, орудие развития и борьбы. Это марксистское определение языка ни у кого не может вызвать ни малейшего сомнения.

Когда люди в реальной жизни общаются при помощи языка, для чего они это делают, какая у них цель? Общается ли кто-либо в реальной ситуации иначе, как для передачи определенных содержаний, определенной информации (включая соответствующие эмоции и т. д., но пока для простоты мы это оставим в стороне). Ясно, что люди никогда не пользуются языком для упражнения в грамматике.

Все виды реальной лингвистической работы связаны с основными свойствами языка именно как средством общения. Лексикографическая работа, разные виды редактирования и реферирования, всевозможные разновидности перевода и т. п. — все это основано на изыскании и исследовании взаимосопоставляемых способов выражения, передачи одних и тех же содержаний как на одном и том же, так и на разных языках. Но грамматическая морфология накладывает на говорящего строгие рамки. Поэтому задача состоит в том, чтобы определенные содержания сообщения (как мы теперь любим говорить, пользуясь термином теории информации — *messages*) так или иначе переоформлять или «перебазировать»¹, исходя из канонов данного свода грамматических правил.

Сказанное относится и к новейшей отрасли языкознания, связанной с машинным переводом и машинным поиском информации. Эта область языкознания сейчас имеет несравнимое ни с чем народнохозяйственное значение. О чем идет речь, когда мы говорим о машинном переводе, машинном поиске информации? Наилучшая, наискорейшая, наиболее полная, эффективная и совершенная передача информации, такое построение сообщения, чтобы оно было воспринято наиболее эффективно, рационально и быстро. И интересно, что современная машинная или математическая лингвистика как раз и оказывается перед необходимостью последовательно и систематически разобраться в тех взаимоотношениях и взаимосопоставлениях, которые имеются между языками. Например, по-русски: *я написала другу*, по-английски: *I wrote a friend*. В чем задача выяснения соотношения этих фраз с точки зрения всех аспектов и реальных приемов нашей науки? Задача очень простая в общем виде и чрезвычайно сложная, когда ее нужно выполнить, реализовать. *Я* и *I* в общем соответствуют друг другу. *Написала* и *wrote* соответствуют только корневым значениям: *пис-пиш* и *rait* — *roul*. Скажем, для нашей цели это одно и то же. Но в русском *написала* содержится информация, которой нет в английском *wrote*.

¹ Подробнее об этом см. А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова. Лингвистические основы преподавания иностранных языков. «Иностранный язык в школе», 1954, № 3.

В написала кроме значения корневой морфемы есть префикс *на-*, который показывает, что это форма совершенного вида, т. е. дана дополнительная информация, что действие рассматривается во всей полноте его совершения. И кроме того, по сравнению с тем, что содержится в английском эквиваленте, дано еще значение женского рода¹.

Следовательно, жизненно важный вопрос для современного языковеда, принимая во внимание высокое развитие техники — найти четкие и строгие правила, при помощи которых будет возможным анализировать и расчленять грамматическую информацию, содержащуюся в единице одного языка, последовательно, по частям сопоставляя ее с информацией, содержащейся в соответствующей единице другого языка.

И наконец, что очень интересно, постоянно возникает вопрос о том, чтобы информацию, носящую грамматический характер в одном языке, превращать в информацию лексическую на другом языке (и наоборот), потому что по правилам, законам другого языка нет средств, нет возможностей грамматической передачи соответствующей информации. Если мне нужно к английскому *wrote* присоединить значение полноты совершения, я должна обратиться к лексическим средствам. Очень часто это оказывается крайне сложной задачей.

Проблема перевода грамматической информации в информацию лексическую и наоборот распространяется и на артикль. Вернемся к вышеприведенному примеру: только как будто справились с избытком информации в русском языке, а в отместку английский язык взял да и выразил категорию принадлежности к классу предметов, вставив артикль *a*, дал информацию, которую неизвестно как включить в сообщение на русском языке².

Диаметрально противоположный подход по сравнению с только что описанным находим в интересной книге Л. Дюровича³. «Грамматическая морфология» или «морфология словозменения» выделяется им как такой раздел морфологии, который занимается категориями частей речи с точки зрения их формального состава и формальных отношений между ними. Для более отчетливого ее выделения, т. е. для придания ей большей определенности предлагается отдельное название «парадигматика». В парадигматику не входят такие аспекты, как учение о грамматических категориях, о значениях и функциях грамматических форм. Все эти вопросы, по мысли Дюровича, должны составлять предмет особой лингвистической дисциплины — «морфологической семантики» или «*vyznamoslo-*

¹ R. Jakobson. Op. cit., p. 143.

² По всем этим вопросам теперь имеется большая литература. См. особ. И. А. Мельчук. К вопросу о «грамматическом» в языке-посреднике. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1959, № 4.

³ «L'ubomir D'urovič. Paradigmatika spisovnej ruštiny. Bratislava, 1964.

via». Хотя Дюрович, в отличие, например, от З. М. Волоцкой, Т. Н. Молошной и Т. М. Николаевой¹ (о работе которых будет сказано ниже) и не обращается к метаязыку математики в своих рассуждениях, у него грамматические категории тоже оканчиваются заданными, т. е. принятыми без специального обоснования, без доказательства их существования: его задача в соответствии с тем, что было сказано выше, ограничивается описанием их формального состава.

В отличие от Дюровича, Волоцкая, Молошная и Николаева строят рассуждение начиная с эксплицитного перечисления заданных объектов: основой для формального описания системы форм являются 1) граммема — элементарное грамматическое значение (набор которых задается) и 2) грамматические категории, представляющие собой объединения граммем и также принимаемые в качестве заданных. Тем не менее авторы считают необходимым предпослать описанию предлагаемой ими некоторой модели (стр. 34) краткое изложение семантической стороны исследуемых явлений. На стр. 36—38 работы авторы подробно останавливаются на понятии более мелких, чем грамемы единиц плана содержания и показывают, каким образом категория падежа в русском языке образуется (в плане содержания? — О. Ах.) противопоставлением шести граммем (им., род., дат., вин., тв. и предл.) по трем дифференциальным признакам — направленности-ненаправленности, объемности-необъемности, периферийности-непериферийности².

Теперь представлялось бы уместным поставить следующий вопрос. А как соотносятся все эти новые подходы с подходом традиционным? В чем отличие и какие преимущества дают получающие теперь широкое распространение методы описания систем словоизменения?

Прежде всего следует обратить внимание на то, что независимо от общезыковедческого принципа или того, какие методы исследования выдвигаются как единственно правильные и научные, все исследователи имеют дело с одними и теми же фактами, с одним и тем же набором реально существующих форм. Схематически система падежных форм (флексий) современного

¹ З. М. Волоцкая, М. Н. Молошная и Т. Н. Николаева. Опыт описания русского языка в его письменной форме.

² В своем понимании дифференциальных признаков, по которым противопоставляются грамемы падежа, авторы присоединяются к проф. Р. О. Якобсону, известная работа которого «*Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre*» (TCLP, 1936, Nr. 6) остается основополагающим исследованием в данном направлении морфологии. Дальнейшее развитие эти идеи получили в его «Морфологических наблюдениях над славянским склонением» «*American contributions to the 4-th International Congress of Slavists*». S-Cravenhage, 1958.

русского языка может быть представлена следующей «традиционной» таблицей:

	М. р.		Ср. р.		Ж. р.	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
И.	ноль	-ы, -и	-о, -е, и др.	-а, -я	-а, -я	-ы, -и
Р.	-а	-ов, -ев, -ей	-а и др.	ноль, -ей	-ы, -и	ноль и др.
Д.	-у	-ам, -ям	-у и др.	-ам, -ям,	-е, -и	-ам, -ям
В.	-а, ноль	-ов, -ей, -ы -и	-о, -е и др.	-а, -я	-у, ноль	-ы, -и
Тв.	-ом, -ем	-ами, -ями	-ом, -ем	-ами, -ями	-ой, -ей и др.	-ами, -ями
Пр.	-е	-ах, -ях	-е и др.	-ах, -ях	-е, -и	-ах, -ях

либо следующей, когда формы распределяются по традиционным трем склонениям:

	I		II		III	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
И.	-а, -я	-ы, -и	ноль	-ы, -и	ноль	-и
Р.	-ы, -и	ноль	-а, -я	-ов, -ей	-и	-ей
Д.	-е	-ам, -ям	-у, -ю	-ам, -ям	-и	-ям
В.	-у, -ю	-ы, -и	ноль, -а, -я	-ы, -ей	ноль	-и
Тв.	-ой, -ей	-ами, -ями	-ом, -ем	-ами, -ями	— / /	-ями
Пр.	-е	-ах, -ях	-е	-ах, -ях	-и	-ях

Достаточно беглого взгляда на приведенные парадигмы для того, чтобы сразу же возник ряд вопросов: прежде всего — по-

ему несмотря на столь большое число суспензий и вариантных форм парадигма делится на шесть категориальных форм? Почему не выделяется, например, партитив или отделительный падеж, отличающийся от родительного как по форме, так и по содержанию (т. е. *рюмка коньяку* в отличие от *качества коньяка*) или местный падеж (*в лесу*, отличный от предложного — *на лесе*) и т. п. Ведь как видно из рассмотрения всех упомянутых выше подходов и направлений, морфологическое описание может быть выполнено путем обращения либо только к формальной стороне грамматических элементов, к их звуковым оболочкам, либо только путем обнаруживаемых в данной части языка концептуальных содержаний. Какая бы сторона ни принималась за отправную точку, исследование становится лингвистическим только в том случае, если оба подхода выступают как рассмотрение двух сторон одного и того же явления в единстве его формальной и содержательной сторон. Если же обратиться к приведенным выше парадигмам, то нельзя будет сразу же не обратить внимания, например, на следующее обстоятельство. Как будто бы с формальной стороны наиболее четко выделяются окончания творительного падежа. Но именно этот падеж очень плохо поддается определению со стороны содержания, ступая в этом отношении разве только родительному (при условии, что предложный вообще считается вне конкуренции, поскольку подвергается сомнению само его притязание на статус синтетической категориальной формы).

Известно, что собственно инструментальное значение творительного падежа имеет очень небольшую функциональную нагрузку по сравнению с многообразными другими его значениями. Но даже и такое, т. е. очень слабо нагруженное общее значение нельзя сформулировать для родительного падежа, с его крайне синкретичным характером, сложностью и многообразностью его отношений к другим падежам и т. п.¹

Сказанное дает вполне достаточно оснований для недоумения по поводу вопроса. Почему строится именно такая, а не другая парадигма, традиционно выделяются именно эти, а не другие падежи? По-видимому, причина в том, что при описании всех европейских языков, включая и новые, в основу была положена та система концептуальных содержаний, которая сложилась на основе изучения древних языков в античной грамматике. Как известно, там грамматическое изменение существительных рассматривалось как отклонение или «падение» (лат. *casus*, греч. *ptosis*) по отношению к их основной форме, т. е. именительной —

¹ Отдельного обсуждения требует соотношение таких понятий, как «синкретизм-процесс», т. е. как процесс слияния, а не сосуществования внешне подобных, но внутренне не объединимых элементов системы. В этой же связи необходимо дальнейшее теоретическое углубление понятия «индукции одного падежа на другой», ср. Л. А. Булаховский. Грамматическая индукция в славянском склонении. ВЯ, 1956, № 4; 1957, № 3.

nominativus. По отношению к этой основной форме, т. е. к casus rectus или orthē ptosis (между прочим, нельзя не заметить, что уже это название является не только не логичным, но и просто внутренне противоречивым), остальные формы выступают как косвенные (греч. plagiai, лат. obliqui); к ним принадлежат dative, genitive и ablative латинского языка. Интересна в этой связи судьба звательного падежа или вокатива, который то причислялся к «прямым» падежам вследствие его формального совпадения с номинативом, то рассматривался вообще как стоящий вне формального изменения существительных по падежам. В романистике название «прямой падеж» применялось и к винительному падежу, в виду того, что он выступает в функции прямого дополнения. В этой связи уместно обратить внимание также и на то, что в современном русском языке налицо не только полное морфологическое слияние номинатива и вокатива, но и аккузатив нередко совпадает с номинативом (а, кроме того, с генетивом). Поэтому так называемые грамматические падежи, выражающие отношения подлежащего и объекта, оказываются в этом языке выражаемыми только синтаксически. Поэтому весьма серьезно может быть поставлен вопрос и о том, не является ли включение аккузатива в систему словоизменения в современном русском языке уже недостаточно обоснованным, также как и вопрос о том, не подходит ли русский язык к такому состоянию, когда субъектно-объектные отношения выражаются порядком слов и не приобретает ли этот последний в современном русском языке также и грамматические функции.

Что касается так называемых функциональных или конкретных падежей (cas fonctionnels ou concrets, konkreter Kasus, relational case), то выше уже было сказано об их синкретичности и о том, что уже давно ставится вопрос о пересмотре принятой для них трактовки.

Отдельно следует поставить вопрос о так называемых падежах «свободного управления» (т. е. о Kasus der Äusseren Determination по Вундту). Например о местных, выражающих значение местонахождения или направления, где принятые традиции системы описания еще меньше соответствуют фактическому положению вещей¹.

Число разнообразных оттенков в трактовке словоизменения

¹ В новейших грамматических исследованиях полная неправомочность абсолютизации категорий, выделенных античной грамматикой, как будто бы уже вполне осознана. Можно указать на целый ряд работ, где авторы эксплицитно начинают с полного отказа, полного освобождения себя от традиционной схемы античной грамматики. В качестве отправной точки такие исследователи берут основные категории общения вообще и, далее, обращаются к тем концептуальным содержаниям, которые встречаются в языках вообще, и следовательно, мыслимы как собственные «языку вообще». Как известно, попытки выявления свойств-категорий и противопоставлений языка вообще многим теперь представляется как конечная цель сопоставительного и типологического исследования.

в разных языках можно было бы очень увеличить. Однако в рамках настоящей работы существенно обратить внимание на следующее: при описании (т. е. вообще изучении, обсуждении т. п.) словоизменительных систем исследователи продолжают опираться прежде всего на 1) установившуюся традицию (будь то древняя греко-латинская или новая, восходящая к основополагающим работам структурального толка) и 2) на формальное выражение, на морфологию или парадигматику в наиболее узком смысле этих слов. Поэтому шесть падежей с одними и теми же традиционными названиями остаются и в двух цитированных выше новых работах — Дюровича и Волоцкой et al. (правда в работе Дюровича метаязык несколько осложняется тем обстоятельством, что для словацкого текста он предпочитает международные термины, т. е. номинатив и т. п., в связи с чем предложный падеж называется локал — local). Сейчас трудно предвидеть дальнейшее развитие этой области знания, в особенности если принять во внимание то незначительное место — фактически отсутствие, которое уделяется морфологии в некоторых последних работах, таких, например, как работы Катца и Посталя¹, следующих в своих основных положениях Хомскому и иллюстрирующих те идеи, которые определяют общее направление лингвистического исследования в Масачусетском институте технологии. Думается, однако, что языковедам следовало бы глубже исследовать те возможности, которые открываются перед теорией словоизменения работами Н. Колмогорова². Насколько можно судить по опубликованным частям, метод исследования (исследовательская процедура), принятая А. А. Зализняком, действительно дает основания для вполне строгого в научном отношении пересмотра существующих классификаций³.

¹ См. особенно J. Jerold, Katz, Paul M. Postal. An integrated theory of linguistic descriptions. «Research Monography», No. 26. Cambridge, 1964.

² См. В. А. Успенский. К определению падежа по А. Н. Колмогорову. «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», 1957, № 5.

³ См. его автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филол. наук (М., 1965) под названием «Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка», стр. 5—6. Существенным недостатком всех этих построений, однако, является отсутствие удовлетворительного решения вопроса о соотношении между фактами языка, с одной стороны, и той или другой методикой их обработки, с другой. Так например, согласно Зализняку ... Выделение так называемого второго родительного или единственного отделительного падежа зависит от того, признаются ли словосормы *сахару* и *сахар* обозначениями одного и того же или разных предметов (цит. раб., стр. 6). Естественно спросить: кем признаются? На основе чего признаются? Как вообще они могут признаваться или не признаваться т. п. Необходимо также найти способ учитывать динамическую природу языка, его непрерывное изменение. Так, например, фактом современного русского языка по-видимому является то, что *кусоч сахара* (или тем более например *льду*), *недостаток* (*отсутствие*, *нехватка* и т. п.) *чая* и т. п. уже фактически не существует в современном русском языке, вследствие чего *сахару* противопоставляется уже только нулевым формам и ограничивается сочетаниями с переходными глаголами (?).

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аблаут 61
 Абсолютный исход 23
 Автокатегорематическое слово 82
 Авторегулирование 45
 Акцентуационный 49
 Аллокина 26
 Аллолингвوماкросема 71
 Аллолингвосема 71
 Алломакросема 71
 Алломорфа 26, 53, 54, 55, 70, 74, 77
 Аллосема 71
 Аллофона 11, 13, 26, 31, 32, 41, 70, 74
 Аллофоническая пара 40
 Аллоэмический принцип 70
 Аллоэписема 71
 Аллоэтномакросема 71
 Аллоэтносема 71
 Альтернант морфемы 40
 Альтернация морфонологическая 56, 68, 84
 Аналитические формы 88
 Артикуляция 45
 Архаизм 24
 Архиморфема 76
 Архифонема 9, 20, 31, 52
 Билатеральность 63
 Билингвизм 43
 Бинарная оппозиция 90
 Буква 60
 Вариант 16, 20, 32, 34, 42, 52, 55, 56, 59
 — контекстуальный 14
 — литературный 56
 — морфемы 42
 — просторечный 56
 — факультативный 14
 — сильнопозиционный 10, 100
 — фонемы 9, 14, 33, 41, 42
 Вариантность 70, 81
 Вариация 20
 Варьирование —
 — необусловленное 10
 — обусловленное 10, 27
 Велярность 13
 Вероятность 38
 Вершина слога 48, 49, 50
 Вещественная часть слова 83
 Взрывные 31
 Внутренняя речь 14, 43
 Восприятие речи 37
 Воспроизводимость 68
 Вторая мелодия 28
 Выражение 3, 28, 40, 67, 68, 69, 70, 73, 74, 80, 81, 82, 87, 92
 Выражение формальное 102
 — грамматическое 93
 Высказывание 36, 37
 Высота 48
 Гармоники 43
 Гиперфонема 20
 Гласные 22, 25, 27, 28, 42, 43, 47
 Глобальный 34, 59, 63
 Глоссема 8
 Глоссематика 12
 Глухость — звонкость 12, 23, 35, 40
 Грамматика 37, 79, 81, 93, 96, 101
 Грамматический 77, 83
 — выражение 70
 — значение 64, 68, 69
 — категория 68, 84, 85, 88, 89, 90, 93, 97, 98
 — категория морфологическая 91, 92
 — омонимия 69
 — падежи 101
 — правила 96
 — форма 68, 89, 90, 91, 97
 Граммема 98
 Граница 22
 Громкость 48
 — и дуга 50
 Двусторонняя единица 6, 37, 64
 Двусторонность 63

- Декодирование сообщения 37, 41, 42
- Демаркативный 49
 - функция 49
- Демаркация 49
- Дескриптивный 61
- Диахрония 24
- Дискретный 30, 38, 39, 59
- Дискретность 63
- Дистинктивный 49
- Дистрибуция (распределение) 61, 76, 77, 86, 87
- Дифференциальные признаки 11, 12, 13, 14, 15, 27, 31, 34, 35, 39, 49, 98
- Дифференциальная функция 49
- Диффузный 62
- Дизрема 77
- Длительность 47, 48
- Дозволенная последовательность фонем 28, 30, 31, 32
- Долгота 35, 38, 49
- Дополнительное распределение (дистрибуция) 54, 76
- Единицы — 87, 88
 - выражения 74, 75
 - грамматические 84
 - значения 72, 74
 - лингвистические 40, 41, 42, 87
 - лексические 84
 - минимальные 67
- Единицы
 - морфологические 42
 - произносительные 51
 - психолингвистические 40, 58
 - речи 43
 - семантические 49
 - синтаксические 42
 - сложные 72
 - сообщения 52
 - содержания 75
 - фонологические 42
 - языка 63, 64, 67, 78
- Жестикulyторно-визуальная связь 26
- Заместители фонемы 8
- Звонкие шумные 29
- Звуки речи 3, 5, 16, 17, 19, 22, 25, 27, 29, 38, 39, 40, 53
- Звуковые классы 29
- Звуковая оболочка 6, 8, 17, 18, 23, 28, 34, 35, 47, 59, 63, 64, 75
- Звуковые типы 21
- Звуковая форма 66
- Звукосочетания 29
- Звучание 36, 64, 63, 65
- Значение 28, 34, 36, 42, 44, 56, 63, 65, 67, 68, 70, 71, 72, 73, 75, 76, 79, 81, 87, 88, 91, 92, 101
- Значение
 - вещественное 80, 82, 93
 - грамматическое (формальное, отношения) 80, 81, 82, 97
- категориальное 68
- макросемиологическое 72
- Идиома 72
- Идиоматичность 93
- Избыточность 37
- Избыточный 14, 49
 - признак 14, 35
 - различие 35
 - противопоставление 35
- Измерения 38, 39
 - категоризации (dimensions of categorisation) 91
- Изоморфизм 28, 70
- Имя 87
- Инвариант 15, 21
 - и вариант 34, 42, 52, 59
- Инвариантность 14
- Ингерентные признаки 47, 48
- Интенсивность 26
- Интердисциплинарный 35, 36, 38, 44, 46
- Интерлингвистика 61
- Интонация 25, 28, 47
- Инфиксация 68
- Информация 3, 32, 35, 58, 96, 97
 - грамматическая 95, 97
 - и теория 58, 79
 - лексическая 97
- Категориальная форма 62, 70, 89, 90, 91, 92, 100
- Категории лексико-грамматические 93
- Категории лексические 93
- Категории частей речи 88, 97
- Кенема 25
- Кина 26
- Кинема 26
- Кинесика 26
- Код 14, 48, 58, 60
 - и сообщение 34, 86
- Кодирование 41, 42
- Кодовые признаки 35
- Количество 47, 49
- Коммутация 33, 83, 84
- Компонентный анализ (анализ на компоненты) 12, 72
- Конец слога 49
- Конечное соединение 28
- Конструкции 63, 87
- Конфигуративные признаки 14
- Конфигурация 35
- Кульминативный 49
- Лалетика 48
- Лексикология 78
- Лексико-грамматическая категория 91
- Лексикографический 74
- Лексический 34, 65, 77, 93
 - ие морфемы 68
 - ое сочетание 79
- Лингвистически-релевантный 81

- Лингвосема 71
 Лингвосемема 72
 Лингвомакросема 71
 Лингвостилистика 4
 Логопедия 43
 Макросема 71
 Макросемема 71, 72
 Малая детская речь 43
 Маркированный член 27, 32, 90
 Марковский процесс 38
 Материальная часть слова 83
 Мелодия 49
 Метаязыковая ситуация 77
 Метаязык 98, 102
 Металингвистический аспект 88
 Минимальная единица выражения 75
 — — содержания 75
 Минимальные пары 33, 34, 36
 Множественность фонологических систем 33
 Множественное дополнительное распределение 28, 31
 Модальность 85
 Модуляция 58
 Монофтонгизация 30, 31
 Мора 26
 Морфа 26, 52, 54, 60, 70, 76
 Морфема 4, 6, 18, 20, 22, 26, 27, 29, 35, 37, 42, 49, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 60, 61, 63, 64, 66, 68, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 80, 85, 86, 87
 — деривационные 93, 97, 57
 — корневые 93, 97
 — лексические 92, 80
 — грамматические 77, 80, 81
 — словообразовательные 77, 81
 — флексивные 55, 81
 Морфематический 4
 — ряд 52
 Морфологический 52, 53, 54, 57, 58, 59, 61, 76, 79
 — не категории 85, 87
 — ая семантика 97
 Морфологический шов 77
 — ое членение 77
 Морфология 3, 9, 48, 52, 54, 58, 67, 68, 75, 76, 78, 79, 80, 82, 83, 102
 — аналитическая 80
 — грамматическая 83, 88, 96, 97
 — синтетическая 80
 — словоизменения 95, 97
 Морфофонема 53
 Морфофонемика 53
 Морфонологический 40, 61, 67, 68, 70, 74
 Морфонология 4, 52, 53, 54, 58, 59, 60, 78, 82
 Морфосинтаксис 78, 82
 Начальные группы 33
 Нейтрализация 20, 28, 31, 32, 52, 68, 92
 Нейтральный гласный 10
 Неполный речевой звук 51
 Непрерывный 38, 39, 59, 63
 Нуль 55, 57, 62
 О(бо)значаемое 63, 67, 68, 69
 О(бо)значающее 63, 67, 69
 Общение 3, 36, 41, 96, 101
 Односторонние единицы 63
 Окончание 73
 Окружение 42, 60
 Омонимы 7
 Органы речи 45
 — активные 46
 Орфография 27
 Основа 80
 — простая 77
 Открытое конечное соединение 50
 Относительная связь 85
 Отношение 7, 19, 29, 92
 Отсутствие голоса 13
 Падеж 68, 70, 73, 88, 89, 90, 91, 98, 100, 101, 102
 Парадигма 58, 68, 70, 85, 99
 Парадигма склонения 57, 62
 Парадигматика 84, 92, 97, 102
 Парадигматический план 42
 Патология речи 43
 Пауза 29, 55, 56
 Первая артикуляция 6, 68
 Перевод 90, 96
 Переменная 16, 38, 39, 48
 Периферийные формы 70
 Пермутация 33
 Письмо 16, 18, 60
 Плерема 25
 Подсистема 84
 Позиция 9, 16, 22, 23, 31, 36
 — сильная 10, 22, 23
 — слабая 22, 23
 Показатель 56, 62
 Положение 17, 22
 — конечное 27, 35
 — контрастирующее 48
 — начальное 23, 27
 — сильное 22
 — слабое 22
 Понятие 65, 85, 94, 95
 Понятийный (концептуальный) 73
 Порождающая модель 30
 Предельные фонологические составляющие (компоненты) 12, 13, 27
 Предложение 27, 41, 42, 43, 66, 72, 87, 93
 Представитель фонемы 9, 10, 60
 — архифонемы 32
 Префикс 77, 87, 97
 Признак 32
 — ингерентный 47

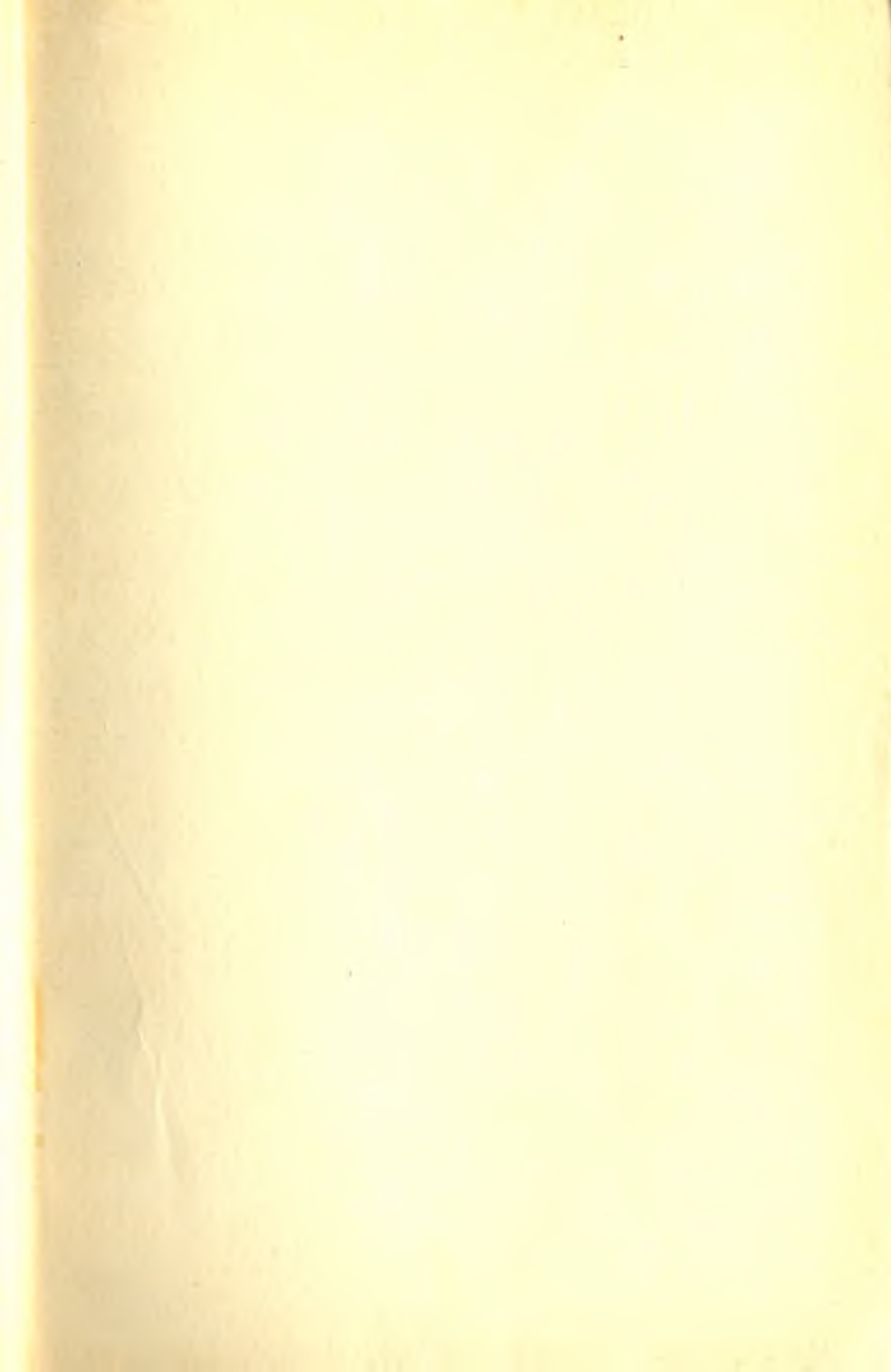
- конфигуративный 49
- кульминативный 49
- прозодический 49
- Приступ 49, 50
- Прозодема 25, 49
- Прозодический —
 - не явления 27, 47
 - не признаки 47, 48
- Произношение 45, 46
- Проминантность 49
- Пространство 38, 39 (многомерное, фонетическое, фонологическое)
 - психологическое 39, 40
- Противопоставление 5, 6, 9, 12, 23, 33, 48, 89, 90, 101
 - бинарное 11
 - двоичное 90
 - дифференциальное 11, 18
 - фонологическое 11, 18
- Процесс 94, 95
- Различие —
 - обусловленное положением 7
 - общефакультативное 7
 - свободное 7
 - фонематическое 8
- Различительная функция 23, 43
- Редупликация 61
- Релевантный признак 13, 34
- Репрезентация —
 - именная (субстантивная) 95
 - глагольная 94, 95
- Референт 72, 92
- Речевой аппарат 7
- Речевые кинестезии 45
- Речевое намерение 14
- Речевой эффектор 44, 47, 50
- Речедвигательный анализатор 44, 45
- Речедвижение 47
- Речь 86
- Связка дифференциальных признаков 12, 15
- Сема 60, 71, 82
- Семантема 49, 82
- Семантика 28, 63, 64
- Семантический 64, 65, 73, 75, 76, 79, 80, 86, 98
 - минимум 73
- Семема 60, 71, 72
- Семиологическая релевантность 5, 6, 64
- Семиологически-релевантный 14, 18
- Семиология 36
- Сигналы 3
- Сила 26, 35, 48, 49
- Симметрия 32
- Синкатегорематический 82
- Синкретизм 32, 92
 - фонологический 52, 69, 70, 100, 101
- Синонимы 56

- Синтагма, синтагматика 84, 87
- Синтаксис 4, 78, 79, 81, 82, 85
- Синтаксические знаки 85
- Синтетические формы 67, 68
- Синхрония 24
- Система языка 20, 23, 26, 29, 32, 33, 38, 39, 58, 84, 98
- Систематическая фонемика 21
- Слабость 35
- Словарный состав 34
- Словарь 37, 45, 46
- Слово 6, 17, 18, 20, 22, 27, 34, 35, 41, 42, 43, 47, 49, 50, 52, 53, 56, 57, 58, 67, 76, 79, 87, 88, 89, 90, 91
 - служебное 79
- Словоизменение 70, 77, 78, 83, 90, 91, 92, 96, 101, 102
 - ия формы 90, 92
- Словообразование 78, 83
- Словосложение 77
- Словосочетание 63
- Словформа 5, 17, 23, 67, 69, 80, 89, 102
- Слог 22, 41, 43, 47, 49, 50, 51
 - безударный 49
 - ударный 49
- Слоговые толчки 43
- Слогоделение 50
- Слогообразование 43, 50
- Слуховой анализатор 47
- Согласные 22, 28, 35, 31, 47, 56, 57
- Согласование 85
- Содержание 3, 28, 62, 63, 66, 67, 69, 70, 74, 75, 81, 82, 84, 92, 95, 96, 98
- Содержательный 73
- Сообщение 3, 14, 36, 37, 46, 48, 58, 96
- Соответствие модели (pattern congruity) 32, 33
- Спирантизация 61
- Статистический анализ 38
- Стохастический процесс 79
- Страна 26
- Стронема 26
- Структура 61, 84, 86
- Структурализм 20, 30
- Структурная лингвистика 41
- Стяжение 31
- Субстанция (воздуха, звуковая, графическая) 3, 16
- Субституция 83, 84
- Суспенсия 69, 70, 92, 100
- Суффикс 94
- Таксономическая фонемика 21
- Тактический 59
- Твердость — мягкость 23
- Тембр 49
- Терминология 25, 66, 69, 70, 71, 72, 73, 78, 82, 87, 88, 102
- Тесный контакт 29, 55, 56, 57

- Типология 101
- Тон 48
- Тона 26
- Тонема 26
- Ударение 22, 25, 27, 41, 47, 49
- Удлинение 61
- Умлаут 61
- Универсальные фонологические про-
тивопоставления 30, 62
- Универсалии языковые 82
- Уровень 15, 28, 54, 63
 - дифференциальный 3, 6, 34, 64, 65, 70, 74, 75, 84, 92
 - Метасемиотический 4
 - морфологический 3, 42, 53
 - семантический 6, 34, 64, 65, 74, 75, 92
 - фонематический 52
 - фонологический 58, 59, 84
 - уровень тона 27
 - эмический 71
- Физиономические показатели 35
- Флексия 68, 74, 82, 85, 92, 93, 98
- Флективные языки 78
- Фона 25, 60, 70, 73
- Фонация 25, 43
- Фонема 4, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 31, 32, 33, 36, 38, 41, 42, 43, 47, 48, 49, 51, 52, 53, 58, 59, 60, 61, 64, 65, 66, 72, 74
 - ингерентная (линейная, сегментная) 25, 26, 28
 - сверхсегментная (прозодическая) 25, 26, 27, 28
 - сложная (комплексная) 28, 31, 32
 - сильная, слабая 21
 - значащей границы 27
 - характера соединения 27
- Фонематический 4, 8, 33, 35, 52, 59
- Фонемика 8, 14
- Фонемический 53, 61
- Фонемный состав 20, 54, 61, 62
- Фонемообразующее противопоставле-
ние 24
- Фонеморазличение 22, 23
- Фонетика 14, 18, 19, 43, 44, 47, 50, 63
- Фонетический 34, 53, 57, 69, 77, 80, 84, 86
 - комплекс 33
 - окружение 11, 56
 - положение 23
- Фонологический 25, 26, 27, 33, 34, 35, 52, 54, 58, 60, 74, 75, 84
 - ие категории 7
 - ая модель 33, 58
- Фонологическая модель 33, 58
 - противопоставление 18, 23, 24, 36, 37
- Фонологический различитель 27
- Фонологические различия 17, 23, 37
- Фонологическая система 22, 58
- Фонология 3, 5, 8, 14, 19, 20, 21, 22, 35, 37, 52, 54, 59, 63, 78
- Фономорфологический 17, 28, 52, 58, 62
- Фономорфология 4, 52
- Форма 67, 68, 86, 87, 98
 - слова 89, 90
- Формант 68
- Форматив 69
- Формообразование 78
- Фраза 27
- Фразеологическое сращение 72
- Функциональный 3, 26
 - ая нагрузка 23, 24
- Функция 67
- Характер соединения 27, 28, 41
- Хрона 26
- Хронема 26
- Части речи 88
- Частота 38
- Чередование 9, 11, 29, 53, 54, 55, 56, 57, 68
- Шопотная речь 35
- Эквивалент фонемы 8
- Эксплозия 27
- Экспрессия 14, 35
- Эмический 53, 71, 72
- Эмоции 96
- Энтропия 32
- Эписема 71
- Эписемена 71, 72
- Этномакресема 71, 72
- Этномакресемена 71
- Этносема 71
- Этносемена 71, 72
- Язык 3, 95
 - и речь 34, 86
- Языки-посредники 61
- Языки-эталоны 61

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Фонология</i>	
Часть первая. Фонология как учение о семиологической релевантности звуков речи	5
1. Введение	5
2. Основные направления в фонологии	8
3. Вопрос о системе фонологических понятий	25
а) Сегментные или линейные (или ингерентные)	
и сверхсегментные или просодические фонемы	25
б) Дозволенные последовательности фонем и комплексные фонемы (clusters), множественное дополнительное распределение и нейтрализация	28
в) Соответствие модели (pattern congruity), симметрия и множественность фонологических систем	32
г) Минимальные пары	33
Часть вторая. Фонология как объект интердисциплинарных разысканий	35
<i>Морфонология</i>	
Морфонология (фономорфология) как учение о сопоставлении фонематических рядов с морфематическими	52
<i>Морфология</i>	
Морфология как учение о предельных значащих единицах языка	63
1. О двусторонности морфем	63
2. О соотношении «понятия» и «значения»	65
3. Содержание и выражение в языке	67
4. О предмете морфологии в широком смысле слова	78
а) Разновидности морфем и способы их различения	79
б) Словоизменятельные морфемы языка и задачи морфологии в узком смысле	83
Предметный указатель	103

Цена 47 коп.